

Ирина

ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ФАВОРИТКИ

У РОССИЙСКОГО ПРЕСТОЛА

Фавориты у трона

Ирина
ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ФАВОРИТКИ
У РОССИЙСКОГО
ПРЕСТОЛА

Annotation

Перед вами, дорогой читатель, книга, посвящённая фаворитизму в высших сферах государственной власти России. В ней рассказывается о фаворитках-подругах российских государынь, а также о фаворитках и любовницах российских государей. Автор не уделял особого внимания альковным отношениям монархов, а ставил своей целью найти ответ на ряд важнейших вопросов: какие люди и почему становились любимцами властителей России? Каким образом им удавалось оказаться у престола? Как они проявляли себя в исторических условиях, кто из них и какое влияние имел на политику государства, на его экономику, какой вклад внес в развитие страны или в защиту её от внешних врагов? И, наконец: как фавориты и фаворитки влияли на культурное развитие России и чем фаворитизм при российском престоле отличался от фаворитизма при королевских дворах Западной Европы?

Книга издана в авторской редакции.

- **Оглавление**

- **ПРЕДИСЛОВИЕ**

- **Что такое фаворитизм?**

- **Фаворитки великих княгинь и императриц**

- **Аграфена Фёдоровна Челяднина — наперсница великой княгини Елены Глинской**

- **Матрёна (Модеста) Монс (Балк) — фаворитка-наперсница Екатерины I**

- **Юлия Менгден — фаворитка правительницы Анны Леопольдовны**

- **Фаворитка императрицы Елизаветы Петровны — графиня Мавра Егоровна Шувалова, урожденная Шепелева**

- **Фаворитки императрицы Екатерины II**

- **Анна Александровна Вырубова — последняя фаворитка-подруга у престола Российской империи**

- **Фаворитки и любовницы российских государей**

- **Были ли фаворитки при великокняжеских и царских Государевых дворах?**

- **Пётр I и его фаворитки-любовницы**

- «Фаворитка» императора-отрока Петра II
 - Фаворитка Петра III Елизавета Романовна Воронцова
 - Фаворитки императора Павла I — Екатерина Нелидова и Анна Лопухина
 - Александр I и его возлюбленная Мария Антоновна Нарышкина
 - Фаворитка Николая I — Варвара Аркадьевна Нелидова
 - Княжна Екатерина Михайловна Долгорукова — тайная любовница, а затем морганатическая супруга Александра II
- Послесловие
 - Библиография

Оглавление

Ирина Васильевна Воскресенская

Фаворитки у российского престола

Светлой памяти сына моего,
Никиты Воскресенского, посвящается

Выражаю благодарность

Свитич Луизе Григорьевне, доктору филологических наук, старшему научному сотруднику факультета журналистики МГУ им. МВ. Ломоносова, профессору Института международной экономики и права им. А. С. Грибоедова, и

Савинской Луизе Петровне, члену Союза журналистов России, члену Международного союза Славянских журналистов, члену Союза писателей Москвы, члену Союза театральных деятелей России, Президенту РОО «Женский клуб „Москвички“» за ценные предложения и критические замечания, которые помогли созданию книги.

*Нет ничего сокровенного,
что не открылось бы, и тайного,
чего не узнали бы.*

(Лк. 12:2)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами, дорогой читатель, книга «Фаворитки у российского престола», посвящённая фаворитизму в высших сферах государственной власти России. Это одна из книг труда из трёх частей под общим названием «Фавориты и фаворитки у престолов России и стран Западной Европы (Франции, Англии, Шотландии, Испании и Дании)».

В книге «Фаворитки у российского престола» рассказывается о фаворитках — подругах российских государынь и фаворитках и любовницах российских государей, то есть о близких к престолу лицах, которые играли не последнюю роль в истории монархической России с XVI до начала XX века.

Следующая часть труда — «Фавориты у российского престола» — посвящена фаворитам — любовникам российских государынь и фаворитам — друзьям и соратникам российских государей, то есть тем лицам, которые также нашли своё отражение в зеркале русской истории в тот же временной период.

В третьей книге — «Фавориты и фаворитки у престолов стран Западной Европы» — говорится о наиболее ярких и значимых фаворитах и фаворитках государей и государынь Франции, Англии, Шотландии, Испании и Дании в тот же исторический период.

Каждая из частей труда является самостоятельной книгой, так что названия «первая книга», «вторая» и «третья» чисто условные: здесь нет хронологического построения от первой части до третьей, в каждой книге речь идёт об одном и том же времени с XV до начала XX века. Однако все три книги объединены общим замыслом, общей концепцией, идентичным композиционным построением и общей идеей включения в повествование хронологически соответствующих ссылок на происходящие события: в российской части — из жизни западноевропейских стран, а в западноевропейской — из жизни России.

Для того чтобы читатель, который по тем или иным причинам сумел ознакомиться только с одной книгой из трёх, мог иметь представление о концепции, целях, задачах и выводах автора от сравнения фаворитизма в Европе и России, каждая книга содержит статью о фаворитизме как особом явлении в странах феодализма; указание на цели и задачи, поставленные автором, и в послесловии — выводы, сделанные на основе указанного выше сравнения. У тех читателей, которые ознакомились с двумя или всеми тремя книгами, это может

вызвать впечатление повторов. Однако при вдумчивом и внимательном прочтении это впечатление стирается, так как каждый из этих, казалось бы, одинаковых текстов имеет небольшие, но существенные различия.

В предлагаемой читателю серии книг под общим названием «Фавориты и фаворитки у престолов России и стран Западной Европы» автор не уделял главного внимания альковным отношениям монархов России и Западной Европы с фаворитами и фаворитками, а ставил своей целью — выяснить, какие люди и почему становились любимцами властителей России и (для сравнения) стран Западной Европы (Франции, Англии, Шотландии, Испании и Дании), каким образом им удавалось оказаться у престола, как они проявляли себя в исторических условиях, кто из них и какое влияние имел на политику государства, на его экономику, какой вклад внес в развитие страны или в защиту её от внешних врагов? И наконец, как фавориты и фаворитки влияли на культурное развитие России и Западной Европы и чем фаворитизм при российском престоле отличался от фаворитизма при королевских дворах Западной Европы?

Последний вопрос и заставил автора проследить судьбы наиболее значимых фавориток и фаворитов не только у престола России, но и при королевских дворах в Западной Европе.

Итак, обратим своё внимание, в соответствии с темой данной книги, на фавориток у престола России.

Фаворитки российских царей и императоров кардинально отличались от фавориток правительниц и императриц. Фаворитки государынь — это в основном подруги-наперсницы, помощницы в интимных делах государынь, хотя среди них бывали и такие, кому поручались дела, имеющие важное значение для политики и культуры государства. Фаворитки российских государей — это прежде всего любовницы, поэтому им не поручались дела государственного значения, хотя при дворе они тайно (как секрет Полишинеля) имели определённую значимость и, несомненно, влияли на замещение важных (и прибыльных) государственных постов.

Ввиду различий между фаворитками государынь и государей, эта книга имеет две главы: в первой главе ведётся рассказ о фаворитках императриц и российских правительниц, а во второй — о фаворитках российских царей и императоров.

Такое построение книги: сначала фаворитки государынь, а затем государей — объясняется всего лишь правилом пропускать женщин вперёд.

И в первой, и во второй главах рассказывается о судьбах

фавориток государынь и государей, об их общественном значении, их связях со знаменитыми родами России и знаменитостями Европы, их влиянии на ход истории, их отличии от фавориток у престолов западноевропейских стран. И о том, как становились они фаворитками российских правительниц, царей, императриц и императоров. Был ли это Его Величество Случай или какие-то другие обстоятельства?

Фаворитки, появившиеся у Государынь и Государей благодаря случаю или не случайно, не могли бы оказаться на самом верху власти и вести свою политику, если бы при королевских и императорских дворах Европы и России не расцветал бы пышным цветом **фаворитизм** как государственная идеология и придворная мораль. А потому прежде, чем мы начнём рассказ о первой фаворитке при Государевом дворе, фаворитке правительницы Елены Васильевны Глинской, считаем необходимым ответить на вопрос:

Что такое фаворитизм?

В русском языке слово **ФАВОРИТИЗМ** произошло от французского слова *favoritisme*, образованного от латинского *favor* («благодарность»); оно вошло в русский язык через польский (*fawor* — *w fawore*) во времена царя Петра I (М. Фасмер). Слово «фавор» и теперь употребляется в выражениях «быть в фаворе» (быть любимцем, получать выгоды и преимущества фаворита), «войти в фавор» (стать любимчиком, получить благодарность, покровительство, протекцию влиятельного лица), «быть не в фаворе» (не иметь или лишиться покровительства высокопоставленного лица).

От того же латинского слова *favor* произошли и русские слова: сначала «фаворит» (в «Архиве» Куракина — 1710 г.), а затем «фаворитка» (в письмах Фонвизина — 1766 г.) (Пл. Черных).

Иногда этимологию этих слов ведут от горы Фавор, связанной с земной жизнью Иисуса Христа. Такое представление, возможно, красиво, но неверно.

Все перечисленные выше слова-понятия употребляются не только в отношении высшей власти. Они имеют несколько значений. В современном русском языке они употребляются довольно часто, но в основном в значении переносном, чаще всего в контексте описания различных соревнований, например, «фаворит во время матча на футбольном или хоккейном поле», «фаворит на беговой дорожке», даже в дерби — «фаворит среди лошадей, участвующих в забеге», а это значение «первенства», но не «благодарности», хоть и имеет связь со словом «фавор».

Фаворитизм не является отличительной чертой именно высшей власти: он в той или иной степени проявляется во все времена и во всех сферах общения людей и установления между ними взаимоотношений, потому что он связан с общечеловеческим чувством благодарности на основе любви, признания, выделения одного или группы лиц, понравившихся как монарху, так и простому смертному — человеку невысокого ранга.

Фаворитизм в государственных учреждениях, где начальник выделяет фаворита или фаворитку и усердно благоволит такому человеку, постепенно подпадая под его влияние, как правило, наносит вред и служащим такого учреждения, и делу. Эту тему великолепно развил М. Е. Салтыков-Щедрин в серии очерков «Помпадуры и помпадурши», не случайно назвав «помпадурами» чиновников, получивших начальственное место в

провинциальном городе благодаря фавору у высокого петербургского начальства, а заодно окрестив так и их любовниц-помпадурш, присвоив и тем и другим название, производное от имени мадам Помпадур, знаменитой фаворитки французского короля Людовика XV. На русском языке эти названия звучат особенно комично в связи с тем, что слово «помпа» в русском языке означает «торжественность, торжество, рассчитанное на внешний эффект», но в сочетании с «дуры» и «дурши» представляет в сознании русского читателя как бы «торжество дураков».

Фаворитизм в высших сферах власти, на высоком государственном уровне, — явление особое, потому что затрагивает интересы не одного какого-либо учреждения, а всей страны. Поэтому в предлагаемой читателю серии книг внимание уделяется не «помпадурам и помпадуршам», а прежде всего — фаворитизму, процветавшему при королевских и императорских дворах, фаворитам и фавориткам государей и государынь великих европейских держав, а непосредственно в данной книге — России.

Что можно назвать фаворитизмом у престола?

Фаворитизмом у престола принято называть такое положение в государстве (в основном с режимом абсолютной монархии), когда жизнь всего общества обусловлена влиянием **фаворита** или **фаворитки** на государя или государыню, а следовательно, на все высшие сферы власти. Фавориты и фаворитки, пользуясь благосклонностью государя или государыни, влияли на политику страны, на ход важнейших событий, получали от своих покровителей высокие государственные чины и посты, а значит, оказывали влияние на государственное управление и развитие общества. Они получали также различные поощрения, награды и дорогостоящие подарки, особенно земли, поместья, замки за счёт государственной казны, тем самым разоряя государство и его народ. Благосклонность государей-покровителей предоставляла этим любимцам возможность, исходя из личных амбиций и не обращая внимания на интересы государства и его народа, вести свою политику, заполнять высокие государственные должности своими ставленниками (чаще всего небескорыстно, за взятки), преследовать соперников из числа государственных деятелей и расправляться с теми, кто не признавал их главенствующей роли или соперничал с ними в целях получения фавора. И в Европе, и в России на волне фаворитизма в высших сферах государственной власти становились историческими личностями, влиявшими на ход истории страны, всякого рода фавориты и фаворитки, основным достоинством которых были внешняя, наружная

красота и, как мы теперь говорим, «отсутствие комплексов».

Однако фаворитизм — это не просто благосклонность монарха к отдельному понравившемуся ему лицу или к группе лиц, а потому покровительство, которое прежде всего выражалось в предоставлении фаворитам титулов, высоких должностей, орденов, различных выгод и привилегий. На самом деле — это социокультурное явление, имевшее свою идеологию низменной морали: наживы на любовных взаимоотношениях, использование своего положения при монархе для обогащения, для проведения политики не в интересах государства и его народа, а в своих личных интересах. Фаворитизм, существовавший в странах с режимом абсолютизма с XV до начала XX в. при дворах монархов Западной Европы и России, которое несло свою мораль своекорыстия, обмана, взяточничества, казнокрадства, — это явление, при котором политика государства и жизнь общества были беззастенчиво подчинены желаниям и действиям фаворита или фаворитки.

Фавориты, которых в России не без основания называли также временщиками, получив высокие посты и власть, в основном более заботились о своих выгодах, чем об интересах государства, и уж совсем не о благосостоянии народа. Попав в фавор, они сразу же попадали на арену жестокого соперничества и вынуждены были больше внимания обращать на борьбу за своё место у трона, за своё влияние на монарха, потому что именно это предоставляло им личное обогащение и большие преимущества. Потому они и получили наименование «временщики», что их власть и влияние были временными, зависящими от многих случайностей. А таких случайностей было немало. Например, перемена отношения покровителя к фавориту в результате оговора, ревности или не понравившегося поведения (но чаще — в связи с избранием другого фаворита), а также вследствие перемен на престоле: смерть государя, государственный переворот, бунт или восстание, возникновение правительственного или экономического кризиса. И всё это могло случиться неожиданно для власть имущих. Так что фавор имел для фаворита и обратную сторону. Случалось, что после непродолжительного фавора: власти, блеска, всеобщего поклонения, роскоши и богатства — фаворит-временщик мог быть удалён от двора или, что ещё хуже, объявлен государственным преступником, и тогда жизнь его могла окончиться в опале, в ссылке, в тюрьме, а то и на плахе.

Однако фаворитизм как явление имел не только негативную, но и положительную сторону: на волне фаворитизма у престола появлялись и неординарные, талантливые фаворитки и

фавориты, служившие на благо Отечества честно и неподкупно, не занимаясь взяточничеством и казнокрадством, но порой даже вкладывая свои средства. Таковы были в России, например, фаворит Елизаветы Петровны И. И. Шувалов; фаворитки Екатерины II — Александра Браницкая и Екатерина Дашкова; фавориты Г. Г. Орлов и Г. А. Потёмкин; фавориты Александра I и Николая I — А. А. Аракчеев и М. М. Сперанский. История знает и такие примеры, когда фавориты и фаворитки продолжали служить делу, своей стране и после того, как любовные их взаимоотношения с монархом давно закончились и любовное ложе заняли уже другие лица (во Франции — маркиза де Помпадур, а в России — светлейший князь Г. А. Потёмкин), или после того, как императрица-благотельница ушла в мир иной (И. И. Шувалов), или после того, как фавор был закончен, а сам бывший фаворит оказался в ссылке (М. М. Сперанский).

Считается, что фаворитизм у престола — это возвышение конкретного человека или даже группы лиц только на основе личной благосклонности монарха. Но такое определение фаворитизма, на наш взгляд, всё же носит несколько поверхностный характер. Причина фаворитизма у престола как явления значительно глубже. Монарх, приближая к себе любимца или любимицу, следовал не только чувственному призыву, он видел в нём опору своей власти. Через фаворитку или фаворита, благодаря благоволению монарха получавших власть и преимущества, а следовательно, и крепкие связи, позволявшие создавать кружки единомышленников и даже политические или религиозные партии, монарх окружал себя верными людьми, способными, как ему казалось, поддержать его в любое время и противостоять враждебным ему силам.

Занимая такое положение в государстве, некоторые фавориты и фаворитки оказывали большое влияние на жизнь общества: они возглавляли прогрессивное движение в стране, становились законодателями моды и модных направлений в культурной жизни общества, новых течений в искусстве, воздействуя на отношение монарха к его окружению, а главное — учреждая политические партии и формируя политику государства, как внутреннюю, так и внешнюю, а порой даже приобретая политическую значимость гораздо большую, чем имел сам монарх. Так, например, фаворитка французского короля Людовика XV — мадам Помпадур — со временем, уже не будучи любовницей короля, получила во Франции значение правительницы большее, чем имел сам король. Фаворит российских императоров Петра I и Екатерины I — Александр Данилович Меншиков — в царствование Екатерины I и первых

лет правления Петра II фактически был правителем Российской империи. Последний фаворит уже постаревшей Екатерины II — Платон Зубов, лично возглавив самые ключевые посты в государстве, стал по сути властителем России; фаворит и фаворитка российских императора и императрицы Григорий Ефимович Распутин и Анна Александровна Вырубова (Танеева), имевшие огромное влияние на императрицу Александру Феодоровну, а через неё на императора Николая II, по сути, вместе с царями стали править страной, назначая «своих» министров, притом получая за это деньги.

Фаворитизм, приносивший пользу и любовные утехи государю, пагубным образом мог сказаться на жизни государства, потому что фаворит, как уже говорилось выше, прежде всего думал о личных своих выгодах и, боясь потерять своё положение, окружал себя людьми, верными не столько монарху, сколько **ему самому**, людьми, вне зависимости от их способностей и верности своей отчизне, добиваясь для них доходных должностей и наград, чаще всего — вопреки интересам государства и общества.

Российский государственный деятель Н. И. Панин, выступая против фаворитизма, писал о царствовании российских императриц: «При Елизавете, как и при ее предшественниках, много значили „припадочные люди“, то есть фавориты: делами управляла „сила персон“. И далее: «Сей эпох заслуживает особое примечание: в нем все было жертвовано настоящему времени, хотению припадочных людей и всяким посторонним малым приключениям в делах». Н. И. Панин очень метко подметил, что при фаворите (временщике) «всё было жертвовано **настоящему времени**», то есть без внимания к тому, что может оказаться в результате его деяний в будущем, потому что он **временщик** и будущее не могло входить в его интересы.

В 1762–1764 гг. Н. И. Панин представил Екатерине II проект об учреждении Императорского совета, в котором доказывал, что Совет особенно важен потому, что он даст возможность устранить влияние на управление Российской империей фаворитов, которых он называл «припадочными людьми», своекорыстными, властными и чуждыми интересам страны. Он считал, что фаворитизм порождает произвол, угодничество, казнокрадство и безнравственность. В этом проекте Н. И. Панин писал: «Государь, сколь бы он ни был талантлив, трудолюбив и проницателен, не в состоянии охватить все стороны управления страной. И ему постоянно должны помогать не случайные люди — фавориты, а постоянно действующее учреждение — Императорский совет из 6–8 членов, среди которых 4 статс-секретаря, которые бы ведали внешней и внутренней политикой, военными и морскими

делами».

Говорят, что сначала Екатерина II согласилась с предложением Панина, даже составила список членов Совета и подписала манифест, но в последний момент задумалась и оборвала лист в том месте, где стояла её подпись. Конечно, она сослалась не на своё желание быть абсолютной монархиней и сохранить возможность иметь фаворитов, а на мнение генерал-фельдцейхмейстера Вильбуа, который обнаружил в этом проекте «олигархические тенденции». В учреждении Императорского совета она увидела не столько отставку своего фаворита (в то время Григория Орлова, которому была обязана возведением на трон), сколько ограничение её самодержавной власти. Ведь любой фаворит не в состоянии был ограничить её власть в такой степени, в какой мог Императорский совет, состоящий из нескольких высокопоставленных лиц.

Кардинал Ришелье — Арман Жан дю Плесси (1585–1642) — в своих «Мемуарах» выступил против фавориток при французских королях. «Надо признать, — писал он, — что, коль скоро мир погубила именно женщина, ничто не может нанести государствам большего вреда, чем женский пол, который, прочно утвердившись при тех, кто ими правит, чаще всего заставляет государственных мужей поступать так, как этому полу заблагорассудится, а это значит поступать плохо».

Действительно, фаворитизм порождал угодничество, произвол, казнокрадство, безнравственность. Порой вред обществу наносили не столько сами фавориты и фаворитки, сколько лица, которых они выдвигали на значимые государственные посты и вводили в состав двора.

Фавориты и фаворитки по своему характеру и предназначению были отнюдь не одинаковы, потому что, во-первых, у престола появлялись не только фавориты и фаворитки — любовники. Иногда это были очень нужные монарху и обществу люди, высокообразованные, умные, способные править государством. Если рядом с троном появлялась группа людей, объединённая не личными связями с монархом, а общими государственными интересами (например, Избранная рада при Иоанне Грозном), то это были фавориты, помогавшие править государством, вести внутреннюю и внешнюю его политику, создавать законодательные документы, возглавлять армию, что приводило к расцвету государства, к его победам в войнах.

Была и еще одна категория людей, часто называемых фаворитами. Это лица, любовные связи с которыми ограничивались чисто личными интересами государя или государыни. Они не имели большого влияния на политику двора

и фактически вроде бы не затрагивали интересов государства Это просто любовники и любовницы, так сказать, эпизоды в личной жизни монарха (монархини). Тем не менее монарх расплачивался со своими любовниками и любовницами, как правило, не своим личным имуществом, а государственной казной, титулами, званиями, высокими доходными должностями для них и их родственников, что тоже наносило вред государству и обществу.

Как уже упоминалось, были при дворах фавориты и фаворитки, которые не имели любовных отношений с монархом, но благодаря благосклонности и доверенности своего покровителя (или покровительницы), будучи близкими друзьями-советчиками, обладая самыми интимными их тайнами, влияли на решение государя (или государыни) как в государственных, так и в личных делах. Казалось бы, они не наносили большого вреда государственным интересам, но жизнь есть жизнь, и они, пользуясь своей близостью к верховной власти, конечно, выпрашивали не только для себя, но и для своих родственников и друзей должности, титулы, чины и придворные звания, ничуть не задумываясь о том, что люди, ими рекомендованные, не годны для получаемых ими преимуществ и могут на своём месте нанести государству и обществу большой вред. Выполняя просьбы людей не очень им близких, такие лица свою близость к трону иногда использовали как еще один источник дохода для себя лично, который мог стать причиной разорения государства Так, например, Анна Монс и её родственники, используя их близость к Петру I, который все желания своей фаворитки исполнял неукоснительно, принимали просьбы окружающих их людей за деньги, как некий заказ, как стабильный источник дохода для себя и своей семьи. В том же ключе использовала свою близость с французской королевой Марией Антуанеттой её фаворитка Жюли Полиньяк, которая, как только стала фавориткой, и сама, и её обедневшая графская семья, и даже её близкие знакомые стали очень богатыми людьми.

В целом фаворитизм в основном его проявлении, конечно, вносил в общество безнравственность. Отношение двора к фаворитам и фавориткам было всегда безнравственным: их ненавидели, устраивали им различные провокации, на них клеветали, выставляя их перед государем в самом неприглядном свете, и в то же время заискивали перед ними, льстили им, в глаза возносили до небес их красоту и достоинства, демонстрируя свою показную любовь.

Наибольший пик фаворитизма как явления, диктующего социально-нравственные понятия и в общественном сознании, и в государственной политике, пришёлся на XVI–XVIII века. Как ни

удивительно, но именно в эти времена, особенно в XVIII в., на гребне фаворитизма у престолов, при дворе, сначала в Западной Европе, а затем и в России появились новые направления и течения в философии, эстетике, художественной литературе, драматургии, искусстве (живописи, музыке, архитектуре), которые способствовали развитию театра, нашли своё выражение в моде, в том числе и в быту (одежде, мебели, этикете). Стала развиваться и наука во всех в те времена существовавших областях.

В России начиная с петровского времени, несмотря на постоянные войны то со Швецией, то с Турцией, в русле проводимых Петром I реформ, последовательно, в соответствии с культурными достижениями западноевропейских стран, стали развиваться культура и наука. Большое влияние на Петра I имел в ту пору его фаворит Франц Лефорт. По приказу Петра I были составлены правила поведения, опубликованные под названием «Юности честное зерцало», практическая реализация этих правил нашла свой выход на учреждённых царём и проводимых Лефортом ассамблеях. Был хоть и варварски, но осуществлён переход на европейское платье. Открыт был и первый русский общедоступный театр на Красной площади, где разыгрывались пьесы родной сестры Петра I — царевны Натальи Алексеевны. По велению Петра I стали закупать за границей произведения искусства, была открыта Кунсткамера.

Проведена реформа русского алфавита; введён гражданский шрифт, исключены буквы «омега», «пси», «юс малый» и «юс большой», введены буквы «э» и «я». В Москве, в Сухаревой башне, была открыта школа математических и навигационных наук. В 1703 году вышел учебник Л. Ф. Магницкого «Арифметика». Совершались географические открытия (В. В. Атласов первым составил описание Камчатки и Курильских островов). Первым архитектором при основании Санкт-Петербурга явился Доменико Андреа Трезини, первым русским художником — И. Н. Никитин, первым историком и учёным-металлургом — В. Н. Татищев, первым русским доктором медицины — П. В. Постников.

В продолжение всего XVIII века русская культура и русское искусство развивались под явным влиянием фаворитов у престола и западноевропейской культуры, однако не копируя её, а придавая ей русский национальный, часто даже народный колорит. Такой, несколько даже потешной, иллюстрацией этого может служить царствование Анны Иоанновны вместе с её фаворитом Бироном, когда при дворе было буквально засилье иностранцев, но сама императрица ходила в русском народном платье, при её дворе развлекали её традиционные русские шуты,

шутихи, уроды и карлики.

Несмотря на всю нелепость двора Анны Иоанновны, где культура была такова, что её фрейлины спали все вповалку, в её царствование всё же продолжалось исследование Камчатки: была проведена Великая Северная экспедиция (Вторая Камчатская), в которой приняли участие В. И. Беринг, А. И. Чириков, С. И. Челюскин, Д. Л. и Х. Л. Лаптевы, И. П. Гмелин, С. П. Крашенинников, Ж. Делиль, Г. Ф. Миллер, В. Прончищев.

С подачи фаворита Эрнста-Иоганна Бирона в Петербурге была осуществлена испанской труппой постановка первой в России оперы «Сила любви и ненависти» (композитор Франческо Арайя). В 1738 году в Петербурге была основана Ж.-Б. Ланде (тоже благодаря фавориту Бирону) танцевальная школа, положившая начало русскому балету. Работали в те годы придворный поэт В. К. Тредьяковский, князь А. Д. Кантемир, художник А. М. Матвеев и учёные: физик Г. В. Крафт, математик Х. Гольбах.

Елизавета Петровна была большой любительницей театра, музыки, пения, и в этом её с большим энтузиазмом поддерживали: фаворитка Мавра Егоровна Шепелева (гр. Шувалова) и фавориты Алексей Григорьевич Разумовский и Иван Иванович Шувалов. Разумовский обладавший красивым голосом и умевший петь весьма задушевно, благодаря чему и стал фаворитом императрицы, очень любил музыку и задавал тон во внимании двора к музыкальному искусству. Его любовь к родной Украине, к её песням и народной музыке, к её обрядам открыли при русском императорском дворе моду на всё украинское.

И. И. Шувалов, образованнейший человек своего времени, прекрасно знавший иностранные языки, особенно французский, был знаком со многими французскими деятелями искусства, выписывал вновь изданные книги и журналы из Франции, покупал картины французских и итальянских художников, был распространителем идей Просвещения в России. В 1750 году при поддержке И. И. Шувалова был открыт Ф. Г. Волковым в Ярославле первый русский театр; в 1744 году учреждена первая Порцелиновая мануфактура (ныне фарфоровый завод им. М. В. Ломоносова). Производство русского фарфора связано с именем Д. И. Виноградова, а первые образцы фарфоровых изделий — с именем маркизы де Помпадур. В 1762 году закончилось строительство Зимнего дворца по проекту архитектора Бартоломео Франческо (Варфоломея Варфоломеевича) Растрелли. В 1755 году был открыт Московский университет, первым куратором которого стал фаворит И. И. Шувалов. В царствование Елизаветы Петровны проявили

себя М. В. Ломоносов, Г. В. Рихман, астроном Ж.-Н. Делиль, путешественник и историк Герард Фридрих Миллер, художники Луи Каравака и Луи Жан Франсуа Лагрене, изобретатель и механик А. К. Нартов, врач П. З. Кондоиди.

Время правления Екатерины II, Екатерининский век, носит также название «золотого века» именно потому, что в эти годы в России бурно стали развиваться просветительство, искусство, литература. Екатерина вела переписку не только с европейскими коронованными особами: прусским королём Фридрихом II, австрийским императором Иосифом II, со шведским королём Густавом III, с польским королём Августом-Станиславом, причём эта переписка не ограничивалась только политическими темами, Екатерина узнавала из их писем последние новости в моде, живописи, театре. Но о культуре, о новых веяниях в философии, искусстве, о моде в быту она в большей степени узнавала из переписки с бароном Гриммом, с Вольтером, Дидро, со скульптором Фальконе, с хозяйками аристократических салонов госпожой Жоффрен и госпожой Бьельке, с Циммерманом и другими. И Вольтеру, и энциклопедистам, и многим французским художникам русская императрица помогала материально, а её респонденты покупали за границей произведения искусства для Эрмитажа.

Много внимания было уделено Екатериной II развитию просветительства, о чём говорят: открытие в 1764 году Смольного института благородных девиц в Петербурге (с помощью И. И. Бецкого), в том же году основание Императорского Эрмитажа; открытие в Петербурге Каменного (Большого) театра (1783); открытие Императорской Российской Академии (1783) под председательством фаворитки Екатерины Романовны Дашковой (Воронцовой). По предложению Дашковой была введена в русский алфавит буква «ё»; под её редакцией создан первый толковый словарь русского языка «Словарь Академии Российской» (1789–1794).

Кроме того, в царствование Екатерины II при Московском университете в 1791 году был учреждён «Музеум Натуральной истории» (Зоологический музей).

Все эти культурные нововведения шли в ногу с нововведениями европейскими, например, когда во Франции фаворитка Людовика XIV госпожа Ментенон учредила в Париже институт Сен-Сир (институт для благородных девиц), этот факт нашёл отражение в России, где спустя несколько лет был учреждён Смольный институт благородных девиц, но с более прогрессивными целями и со своей более углублённой программой образования и воспитания. Фаворитка Людовика XV

— маркиза де Помпадур, желая увековечить себя своими портретами и скульптурами, украсить свои замки, приблизила к себе самых талантливых живописцев, скульпторов, художников-дизайнеров, заказывала у них произведения искусства, в том числе и прикладного, тем самым значительно обогатила искусство новыми формами и направлениями и даже создала названный её именем новый колорит у фарфоровых изделий.

Екатерина II последовала её примеру и также заказывала свои живописные и скульптурные портреты наиболее талантливым российским и французским художникам, многих из которых она поддерживала материально.

В Австрии императрица Мария-Терезия под влиянием французских инноваций провела реформу, в которой предусматривались новшества в культуре и просвещении. И этот шаг был замечен в России.

Фавориты и фаворитки в основном были людьми образованными, способными внести вклад в российскую культуру: так, например, бывший фаворит Екатерины II Завадовский занимался просвещением, по велению Екатерины II ею стараниями были открыты Казанский, Харьковский и Дерптский университеты, при Александре I он стал первым российским министром народного просвещения. Потемкин, строя на юге города, уделял внимание и учреждениям культуры в них. Ланской коллекционировал картины знаменитых художников. Даже фаворит Иван Николаевич Римский-Корсаков, певший «как соловей», если сам ничего не предпринимал, то для его пения на достойном уровне Екатерина II окружила его приглашёнными к императорскому двору итальянскими певцами, что имело большое значение для развития в России оперного искусства; Александр Дмитриев-Мамонов был любителем музыки, поэзии, сам писал стихи, много читал, особенно книги на французском языке, который он знал превосходно.

XIX век — век расцвета русской национальной культуры, «золотой век» русской литературы, великой поэзии, живописи, театрального искусства, научных и географических открытий. В конце XIX — начале XX века Россия прославилась особым всплеском, расцветом новых форм и направлений в искусстве, который получил название «серебряного века».

И это бурное развитие российской культуры было связано с фаворитизмом у престола.

А потому, естественно, возникают вопросы: отличался ли фаворитизм в Западной Европе, в частности во Франции, Англии, Шотландии, Испании, Дании, от подобного явления в России? Какие конкретно наиболее знаменитые лица стояли у трона в

качестве фаворитов и фавориток как в странах Западной Европы, так и в России и как складывалась их судьба? Какова была степень влияния каждого из них на государственные дела, на развитие культуры и искусства? И каковы были особенности и различия фаворитизма у престолов стран Западной Европы и у трона Российской империи? «Всё познаётся в сравнении», а потому, чтобы ответить на последний вопрос, необходимо противопоставить и сравнить явление фаворитизма в западноевропейских государствах с таким же явлением в России, что и попытался сделать автор книг о фаворитизме у престолов Западной Европы, с одной стороны, и у престола России — с другой.

Фаворитки великих княгинь и императриц

Аграфена Фёдоровна Челяднина — наперсница великой княгини Елены Глинской

Во времена царствования Василия III (1505–1533) и правления Великой княгини Елены Васильевны Глинской (1533–1538) слова «фаворит» и «фаворитка» в русской речи ещё не употреблялись. Вместо этих слов использовались синонимы «галант», «любимец» («любовник»), «любимица», «наперсник», «наперсница», «метресса», «метреска».

Великая княгиня Елена Глинская держала в своём приближении целый штат придворных, называвшийся тогда дворовым чином: несколько заслуженных верховых боярынь, боярынь-казначей, боярынь-постельниц, боярынь-светличных, боярынь-мам, кормилиц и других служительниц и служителей дворового чина. Но среди них она выделяла только одну любимицу и наперсницу, которой она могла доверять свои интимные тайны, — вдову-боярыню Аграфену Фёдоровну Челяднину, рожденную Телепневу-Оболенскую, родную сестру Ивана Фёдоровича Овчины-Телепнева-Оболенского, её фаворита-любимца.

Боярышня Аграфена Фёдоровна Телепнева-Оболенская была выдана замуж в семью бояр Челядниных, семью весьма уважаемую и считавшуюся высокородной: двое Челядниных носили при Государевом дворе Василия III звание конюшего, то есть занимали второе после Великого князя положение в государстве. Звание конюшего при Василии III имел и отец Аграфены — Фёдор Телепнев-Оболенский. Так что боярышня Аграфена Фёдоровна Челяднина считалась представительницей двух высоких и известных родов и вполне была достойна быть принятой на «верх», то есть в дворовый чин Великой княгини, ставший впоследствии Царицыным дворовым чином.

К сожалению, сведений о боярыне Аграфене Челядниной сохранилось немного, потому что в разрядных книгах того времени регистрация боярынь «верха» ещё не велась, она стала вестись начиная с середины XVI века, с Царицына дворового чина Анастасии Романовны, первой жены Иоанна Грозного. Однако мы можем предположить, что Аграфена Челяднина появилась в дворовом чине великой княгини Елены Глинской, став вдовой, потому что традиционно принимались в дворовый чин прежде всего боярыни-вдовицы. Есть сведения, что во время бракосочетания Василия III с Еленой Васильевной Глинской отец

Аграфены, конюший Фёдор Телепнев-Оболенский, в силу своего чина, в том числе и свадебного, всю ночь с саблей наголо объезжал вокруг той части дворца, где помещалась великокняжеская опочивальня. Выполняя предписания свадебного чина, верховая боярыня Аграфена Челяднина со своей боярыней-напарницей всю ночь дежурила рядом с опочивальней, куда вечером от свадебного стола привели молодых, жениха и невесту. В соответствии со свадебным чином, вместе с еще тремя детьми боярскими дежурил на лестнице, ведущей в опочивальню, и её родной брат Иван Овчина-Телепнев-Оболенский (Г. Котошихин).

Еще при жизни Василия III великая княгиня Елена общалась с Иваном Овчиной-Телепневым-Оболенским: Великий князь назначил его конюшим после смерти его отца, Федора Телепнева-Оболенского. Но помимо государственных дел, у Ивана были дела родственные: ему позволялось приходить в теремные покои к его сестре Аграфене. Такое посещение терема мужчиною считалось непредосудительным ввиду близких родственных связей. Вполне возможны предположения, что Аграфена, зная о взаимной приязни брата и великой княгини, устраивала им свидания в своих комнатах.

Четыре с половиной года у великокняжеской четы не было детей. Но вот, наконец, родился сын, будущий первый русский царь Иоанн IV Васильевич, по отцу потомок Дмитрия Донского, по матери — потомок Мамаю. Радости, как говорится, не было конца. Счастливый великий князь Василий III в честь рождения сына велел в селе Коломенском построить башню. Она и теперь стоит там на радость туристам. Встал вопрос о том, кого из верховых боярынь назначить боярыней-матерью к младенцу, Великому князю Иоанну IV Васильевичу. Конечно же, только своего близкого, доверенного человека — боярыню Аграфену Фёдоровну Челяднину. Великая княгиня Елена просила мужа назначить на эту ответственную должность верховую боярыню Аграфену Челяднину, и Великий князь согласился с выбором Елены.

Боярыня-мама к младенцу-наследнику назначалась только из числа верховых боярынь. В её обязанности входило следить за здоровьем и развитием младенца, за его обслуживанием кормилицей, постельницей и другими служителями дворового чина великой княгини. В те времена детская смертность была очень высокой (она и теперь в отдельных районах в значительной степени высока), поэтому роль и ответственность боярыни-мамы были особенно велики. Но и уважение к боярыне-матери в тереме тоже было большим, и её жалование было выше, чем у многих других верховых боярынь. Иногда боярыня-мама пестовала своего

«ребёнка» всю его жизнь, даже после его женитьбы. Так, например, боярыня-мама Царицына дворового чина царицы Марии Ильиничны, супруги царя Алексея Михайловича, некая Хитрово (Хитрая), всю жизнь ухаживала за царевичем Феодором Алексеевичем, даже когда он стал царём, женился на польской пани Грушецкой, она постоянно находилась в его комнатах и ухаживала за ним, больным, вместе с царевной Софьей.

Аграфена была не только любимицей Елены, она была её подругой, её наперсницей. Без неё была бы невозможна любовная связь Елены с Иваном Овчиной, которая началась, возможно, еще при жизни великого князя Василия Иоанновича.

Кстати сказать, на эту тему имеется много всякого рода полемических публикаций, в которых ставится вопрос ввиду связи Елены с Иваном Овчиной-Телепневым был ли Иван, будущий царь Грозный, сыном Василия III или не был? В пылу этих споров никто не подумал о том, что, возможно, Великий князь, отправивший в монастырь свою первую, неплодную жену Соломонию Сабурову, теперь уже знал, что причиной отсутствия детей являются не жены его, а он сам. Желая иметь наследника и не желая огласки о своей неполноценности, Василий III приблизил к себе Ивана Овчину, молодого, умного, статного, красивого, чтобы у Елены мог родиться достойный сын. А потому, зная о связи Елены с Овчиной, не только не препятствовал этому, но и держал это в глубокой тайне. Василий III Иоаннович с великой радостью воспринял рождение сына, пышно его отпраздновал, чтобы никому не позволить усомниться в невеликокняжеском происхождении младенца. Перед самой своей смертью он назначил Ивана Овчину конюшим вместо его умершего отца, чтобы конюший, который по закону должен возглавлять недавно учреждённую Боярскую думу, был бы надёжной опорой для Елены и **наследника, его сына**. Но чтобы не вызывать толков и зависти среди бояр, Великий князь назначил в помощь Елене еще несколько ближних бояр. Василий III при этом не учёл смелости Елены в её поступках и гордой оценке своей личности как Правительницы и не предполагал, что Елена в течение очень короткого времени недипломатично отстранит рекомендованных ей бояр.

Даже если кто-то из ближних бояр знал тайну рождения царевича Ивана, он не посмел бы об этом даже заикнуться: ведь Великий князь признал младенца своим сыном, доказательств обратного у бояр не было никаких, да и скандал при великокняжеском дворе никому не был нужен, потому что это могло привести к великим распрям по вопросу о престолонаследии. Поэтому мудрые бояре решили этот вопрос в

пользу **законного царевича, великого князя Иоанна**. А современные толки на эту тему слишком запоздали. Примечательно, что при жизни Иоанна Грозного ни он сам, ни его окружение, даже враги, о его незаконном рождении не упоминали. Ходили слухи о том, что у Соломонии Сабуровой родился сын, который должен был стать великим князем всея Руси в силу своей первородности, и это Великий князь знал и, возможно, переживал. Зачем же нам теперь бездоказательно возбуждать этот вопрос?

После смерти Великого князя Московского Василия III, последовавшей в Москве 4 декабря 1533 года, Елена стала, по его завещанию, регентшей, правительницей Московского государства. У неё не хватило ни дипломатической осторожности, ни такта, и в помощники себе она избрала не ближних бояр, которых ей рекомендовал Великий князь, а своего любимца, своего фаворита, конюшего Ивана Фёдоровича Овчину-Телепнева-Оболенского. Его она предпочла своим родственникам Глинским, даже дяде Михаилу, который возвел её на великокняжеский престол и которого она, несмотря на все его заслуги лично перед ней, заточила в темницу, где он и умер, находясь в несовместимых с жизнью условиях. Теперь уже без утайки, в открытую у неё в фаворе было два самых верных, самых доверенных человека Иван Овчина и его сестра Аграфена Челяднина. Иван соблюдал государственные интересы Елены, Аграфена блюла, как зеницу ока, сына Елены, младенца Иоанна, будущего Государя Руси. Чтобы оградить наследника Ивана от предполагаемых претендентов на Московский престол, Елена с Иваном Овчиной уничтожили всех братьев Василия III, не брезгуя никакими средствами, даже обманом. Пришлось отбиваться и от внешних врагов, желающих занять Московский престол. Так продолжалось около пяти лет, возбуждая недовольство и злость ближних бояр.

Но вот совершенно неожиданно 3 апреля 1538 года великая княгиня Елена Васильевна, с утра будучи здоровой, после полудня умерла. Есть предположение, что она была отравлена солями ртути. Этот исход можно было ожидать: народ не любил Елену, видя в ней иностранку, а стало быть, еретичку, да ещё женщину развратную, позволившую себе открыто иметь любимца (любовника). Ненавидели её и бояре, которых она отстранила от управления государством, заменив их всех Овчиной. Особенно Шуйские, всегда рвавшиеся к власти и впоследствии всё-таки до неё дорвавшиеся.

После смерти Великой княгини Елены Васильевны для князя Ивана Фёдоровича Овчины-Телепнева-Оболенского и для боярыни-мамы Аграфены Фёдоровны Челядниной наступил час

расплаты за любовь и фавор. Ивана арестовали, заточили в темницу, где он, в колодах, прикованный железными цепями за руки и за ноги, в скором времени умер от голода, холода и физических мучений. Аграфена была сослана в далёкий северный монастырь с суровыми условиями проживания, где и скончалась.

Так печально закончился первый опыт фаворитизма при русском Государевом дворе.

Матрёна (Модеста) Монс (Балк) — фаворитка-наперсница Екатерины I

Матрёна Ивановна Монс, в замужестве Балк, старшая сестра Анны Монс, фаворитки Петра I, дочь немецкого уроженца Иоганна Монса, виноторговца (по другим данным, золотых дел мастера), служила в качестве камер-фрау (статс-дамы) при дворе царицы Екатерины Алексеевны, а затем императрицы Екатерины I.

Она была замужем за Фёдором Николаевичем фон Балкен, или Балк (1670–1739), который имел чин генерал-поручика и впоследствии, в царствование Анны Иоанновны, с июня 1734 по 1738 год был московским генерал-губернатором.

Матрёна, которую называли также в её немецкой среде Модестой, оказалась при царском дворе не потому, что её сестра Анна была фавориткой царя (к этому времени Анна Монс была уже в опале), а по протекции членов семейства Балк, служивших Петру I верой и правдой и весьма уважаемых царём Царица Екатерина Алексеевна знала, что Матрёна Балк родная сестра Анны Монс, однако общие немецкие корни, родной язык, обязанности Балк при дворе сблизили царицу с её камер-фрау, и Матрёна стала пользоваться расположением Екатерины, её доверенностью во всех делах и вскоре стала её подругой-наперсницей. Этому особому сближению способствовало то, что Матрёна сумела устроить своего красавца-брата Виллима Монса камер-юнкером в свиту царицы. А Виллим сумел очаровать, пленить Екатерину настолько, что она поручила ему ведение всего своего личного хозяйства: и финансов, и поместий, и дворцовых ценностей. Как и его сестра Анна, Виллим Монс стал широко пользоваться своим положением фаворита царицы Екатерины, возведённой 7 мая 1724 года Петром I в императрицы и ставшей Екатериной I. По законам фаворитизма он, как фаворит, стал беззастенчиво обогащаться за счёт своей покровительницы и брать взятки с тех, кто имел просьбы к царю, устраивая эти дела через Екатерину.

Матрёна Балк, ставшая наперсницей царицы, помогала встречаться Екатерине с Виллимом, передавая их записочки и любовные послания, при этом тщательно сохраняя их тайну. За свой «труд» она получала вознаграждение как от императрицы, так и от её фаворита. Она брала взятки и от просителей, потому что все знали, что она самая близкая подруга Екатерины, что царица не откажет ей в любой её просьбе и сумеет добиться от

царя исполнения этой просьбы.

Обогащаясь за счёт своих просителей, желавших получить придворное звание, Виллим не забывал и о себе. В 1724 году, благодаря сестре и своей возлюбленной-благодетельнице, ему удалось испросить для себя звание камергера при Императорском дворе. Екатерина получила на это согласие Петра I, уже был составлен приказ о назначении Виллима Монса камергером, но царь не подписал этот документ, который так и остался лежать в царском архиве, явившись для многих историков основанием для того, чтобы считать, что Виллим Монс был камергером. А Пётр не подписал этого назначения потому, что уже ходили слухи об обогащении Монса за счёт царицыных денег и кто-то из придворных донёс ему об измене его жены и о месте её встречи с Виллимом на берегу Финского залива. Есть предание, что Пётр, привыкший считать свою Катю абсолютно ему преданной, не поверил доносчику, но решил сам проверить, правда ли это. Он один, никому ничего не говоря, подплыл на лодке к указанному ему месту и воочию убедился в предательстве Екатерины и Виллима Монса. Пётр понял, что об измене жены знал и его самый близкий друг, его «Алексашка», Меншиков. Горько было сознавать, что самые близкие ему люди, которых он считал самыми верными, оказались предателями, изменниками. Ни с кем не обмолвившись об этом ни словом, особенно с Екатериной и Меншиковым, Пётр отдал приказ проверить все дела Виллима Монса. Убедившись в казнокрадстве Монса, в декабре 1724 года Пётр, уже будучи больным, всё же пригласил камер-юнкера императрицы к себе на обед. Он мирно и даже дружелюбно беседовал с ним, угощал его, но когда Виллим вернулся домой, то был арестован по обвинению в лихоимстве и казнокрадстве, воровстве дворцовых вещей, во взяточничестве. Виллим Монс был приговорён к отсечению головы. Он был обезглавлен, и голова его, водружённая на кол, демонстрировалась людям для того, чтобы было неповадно обворовывать казну и царские дворцы. Все знали, как ненавидел царь лихоимцев и взяточников, и потому официально объявленная причина казни Монса ни у кого не вызывала сомнений.

По делу брата своего была арестована и Матрёна Ивановна Балк. Её обвинили в воровстве и пособничестве брату в хищении царской казны.

Екатерина не стала заступаться за свою близкую подругу, она сделала вид, что вообще ничего об этом деле не знает. В день казни Монса Екатерина разучивала новые танцы со своими дочками Анной и Елизаветой, была очень радостна и весела.

Пётр не стал обезглавливать Матрёну Балк. Её били

батогами, а потом отправили в ссылку, в дальний северный монастырь.

Но императрица не забыла свою наперсницу-подругу.

Когда после смерти Петра Великого, последовавшей 28 января 1725 года, Екатерина I стала Всероссийской императрицей, она в том же году приказала вернуть Матрёну Балк из ссылки. Однако вернуть её в придворный мир Высочайшего двора Екатерина I поостереглась, но пожаловала свою бывшую камер-фрау (статс-даму) более высоким званием — гофмейстериной малого двора герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны с её дочерью принцессой Анной Леопольдовной, что не помешало Матрёне Балк оставаться близкой подругой и наперсницей императрицы Екатерины I.

Слухи о том, что Матрёна Балк якобы была казнена и что её голова вместе с головой её брата Виллима Монса была заспиртована и хранилась в подвалах царского дворца, реализованные, например, в пьесе современного драматурга А. М. Кравцова, не соответствуют действительности. Судьба фаворитки Екатерины I Матрёны Ивановны Балк (Модесты Иоганновны Монс) была определена фаворитизмом у престола Российской империи.

Юлия Менгден — фаворитка правительницы Анны Леопольдовны

Баронесса Юлия (Юлиана) фон Менгден (1719–1786), будучи самой любимой и самой приближенной, первой камер-фрау (статс-дамой) Всероссийской правительницы при младенце-императоре Иоанне VI Антоновиче, принцессы Брауншвейгской Анны Леопольдовны, играла весьма значительную роль при дворе не только как фаворитка-наперсница Она вмешивалась и в дела государственного значения, и в интриги, связанные с фаворитом Анны Леопольдовны.

Юлия Менгден принадлежала к старинному вестфальскому баронскому роду, который в XVIII веке получил признание в России не только как баронский, но также и как графский род Священной Римской империи.

В XV веке баронский род Менгденов переселился из Вестфалии в Прибалтику, где наиболее известным представителем этого рода стал барон Иоганн фон Менгден, который в 1450–1469 годах, то есть в течение 19 лет, возглавлял Тевтонский орден в качестве его магистра.

В царствование Иоанна Грозного, во время войны с Ливонией (1558–1583), один из Менгденов, барон Эрнст фон Менгден, был взят русскими в плен и, как потомок магистра Тевтонского ордена, привезён в Москву. Так одна из ветвей старинного баронского рода оказалась на службе у русских царей. Один из потомков барона Эрнста фон Менгдена, барон Юрий Андреевич фон Менгден, служил у Петра I и стал первым полковником в то время только что учреждённого Преображенского полка.

В середине XVIII века, в правление Анны Леопольдовны, двоюродный брат Юлии Менгден, барон Карл фон Менгден, имея чин тайного советника (III класс Табели о рангах), состоял в должности президента Коммерц-коллегии. Барон Менгден был одним из доверенных лиц фаворита Бирона. Именно ему Бирон доверил добиться у Анны Иоанновны через Бестужева и Остермана регентства для себя. Выполняя эту просьбу, Карл Менгден отправился к Бестужеву и сказал ему: «Если герцог регентом не будет, то мы все пропадём! А ведь герцогу самому о себе просить нельзя — так нельзя ли об этом как-нибудь стороной просить ея величество». Это возымело действие. Бестужев целую ночь сочинял указ о регентстве Бирона, а Остерман в беседе с императрицей горячо поддержал этот проект, а затем по просьбе Бирона Бестужев сочинил еще от имени Сената и Генералитета

позитивную декларацию, в которой содержалась просьба «обеспечить мир в стране, поручив регентство Бирону». Однако, поддерживая Бирона в захвате им верховной власти, барон Менгден в то же время сделал, попытку выдвинуть на регентство родителей объявленного императором младенца Иоанна VI: или Антона-Ульриха, или его супругу Анну Леопольдовну, но они оба якобы отказались под предлогом, что никогда не вмешивались в государственные дела (К. Валишевский).

Анна Иоанновна долго не подписывала ожидаемую Бироном бумагу, но перед самой своей смертью всё же её подписала, тем самым поручив правление Россией иностранцам Впрочем, иностранцы и так в её царствование разве что её именем, но по сути правили Российской державой.

Таким образом, барон Карл фон Менгден, двоюродный брат фрейлины Менгден, в государственной политике играл не последнюю роль, что отражалось, естественно, на статусе при дворе и баронессы Юлии Менгден.

Юлия Менгден появилась при дворе совершенно неожиданно для неё, благодаря случайному знакомству с герцогиней Екатериной Ивановной, родной сестрой императрицы Анны Иоанновны и матерью принцессы Анны Леопольдовны. Надо сказать, что Анна Леопольдовна была очень стеснительной особой, плохо сходилась с людьми, и даже её мать считала её дикой. Но уж если Анна кого-то приняла в свой круг общения, если кого-то полюбила, то общалась только с этим человеком Вот таким человеком для неё оказалась Юлия Менгден, которую Екатерина Ивановна и рекомендовала фрейлиной при дворе своей сестры Анны Иоанновны.

По смерти Анны Иоанновны объявленный регентом Бирон поторопился вступить в свои права и для этого почти сразу после похорон со всей пышностью обставил переезд малютки-императора в императорский дворец. Торжественное шествие переезда императора Иоанна VI Антоновича во дворец открывал гвардейский эскадрон, за ним церемониальным шагом шёл регент Бирон впереди кресла, на котором несли кормилицу, держащую на руках ребёнка-императора, за ними в парадной карете ехала мать императора, принцесса Анна Леопольдовна, с недавно принятой ко двору фрейлиной Юлией Менгден. Для придворных это был знак, что фрейлина Менгден в скором времени станет фавориткой принцессы. И действительно, Юлия Менгден скоро стала фавориткой, притом не просто принцессы Брауншвейгской, а после ареста Бирона и Миниха и их ссылки — фавориткой регентши, Правительницы Всероссийской, притом фавориткой, получившей такую силу и такие полномочия, что впору было

признать регентшей её, а не глупую и ни в чём не разбирающуюся Анну Леопольдовну, хотя и желающую иметь власть. Юлия Менгден настолько забрала душу и сердце Анны Леопольдовны, что правительственным центром России стала её спальня. Через спальню фрейлины решались важные дела государственного значения, а это значило, что по важным вопросам нужно было обращаться не к правительнице Анне Леопольдовне, а к фрейлине-фаворитке Юлии Менгден.

Регентша настолько была привязана к Юлии, ей было настолько с ней комфортно, что она «не одеваясь, не причесываясь, повязав голову платком», готова была сидеть «целый день во внутренних покоях с неразлучною фавориткою, фрейлиною Менгден!» (С. М. Соловьев).

Для Юлии Менгден Анне Леопольдовне ничего не было жалко; после ареста и ссылки Бирона она распорядилась имуществом свергнутого регента и подарила своей Юлии четыре парадных кафтана Бирона и три кафтана его сына Петра Менгден спорола с кафтанов золотые позументы, отдала их на «выжигу» (переплавку) и сделала из них четыре шандала (подсвечника), шесть больших тарелок и две коробочки. (Представляете, дорогой читатель, сколько золота было на этих кафтанах?!)

Анна Леопольдовна не ограничилась этими золотыми подарками, она постоянно одаривала свою любимую фаворитку деньгами по 1000, по 2000, по 3000 рублей, а помимо этих «мелочей», по 10 тысяч, а то и по 30 тысяч рублей единовременно. Подарила Анна Леопольдовна своей фаворитке и мызу Обер-Пален в Дерптском уезде.

Менгден не без основания считала себя попавшей в правительство: она была родственницей Миниха, арестовавшего Бирона и стоявшего выше всех других вельмож, кроме разве что Остермана. Но и Миних, которого Анна Леопольдовна почему-то недолюбливала, держался на высоте благодаря Менгден, которая пользовалась безграничной доверенностью Правительницы. Миних надеялся, что враждебный настрой Анны Леопольдовны и фаворитки Менгден против принца Антона-Ульриха дойдёт до такой степени, что они обратятся к нему для низложения и принца Антона, и Остермана, которого Миних просто ненавидел.

Анна Леопольдовна не выносила своего мужа принца Антона-Ульриха Брауншвейгского, который, хоть и был неспособен к какому-либо управлению, во многих случаях пытался заменить свою супругу в государственном управлении и даже поднимал скандал, если его роль в политических решениях сводилась к нулю. Фаворитка Менгден всячески оберегала свою благодетельницу от принца Антона и порой запрещала ему

входить не только в комнату правительницы, но и в свою спальню, где часто находила своё убежище его жена Это было понятно посвященным, которые знали об отношениях супругов. Но и такая необыкновенная привязанность Анны Леопольдовны к фаворитке Менгден тоже вызывала удивление и порождала предположение в их греховной связи. Тем более что принцессу Анну и Юлию Менгден не раз заставляли отдыхающими в одной постели.

Когда же в Россию вернулся саксонский посланник Линар, прежде изгнанный Анной Иоанновной за любовную связь с её племянницей, фаворитка-наперсница взяла на себя роль прикрытия этой вновь вспыхнувшей страсти.

Любовь правительницы Анны Леопольдовны к Линару переставала быть тайной, и посвящённых в этот секрет Полишинеля становилось с каждым днём все больше, вызывая опасения, что в результате этой любви российский престол займут дети Линара. Хотя, возможно, и напрасно, потому что Анна Леопольдовна продолжала исполнять свои супружеские обязанности и почти ежегодно пополняла свою семью новыми её членами.

Чтобы прекратить слухи и опасения, было решено последовать хитрости, которую использовала прежде родная тётка принцессы Брауншвейгской императрица Анна Иоанновна, которая женила своего фаворита Бирона на одной из своих фрейлин, очень некрасивой, но из знатного рода — баронессе Бенигне-Готлиб фон Тротта-Трейден, которая до самой смерти Анны Иоанновны прислуживала ей, а в особые для Анны Иоанновны месяцы подкладывала себе на живот подушки, симулируя беременность. Например, в 1723 году Бенигна носила на животе подушку в течение 9 месяцев, вплоть до 4 января 1724 года, когда якобы у неё и Бирона родился сын Пётр, который, когда подрос, стал почему-то очень похож на Анну Иоанновну. В те времена тайну рождения детей в семье Бирона хранили, помимо Бенигны, еще три камер-фрау, наперсницы императрицы: Анна Крамер, Юстина Грюнвальд и Иоганна Петрова. Так ловко для чужих глаз протекала жизнь Анны Иоанновны и её фаворита Бирона.

Ну а теперь, в августе 1741 года, было объявлено, что саксонский посланник граф Линар женится на фрейлине баронессе Юлии Менгден, не менее родовойтой, чем он. Так было задумано, чтобы опровергнуть всем известную информацию, что Линар — любовник Анны Леопольдовны, потому что фаворитка Юлия Менгден, чтобы спасти Анну Леопольдовну от позора неверной жены, пожелала ради своей подруги и покровительницы

принять на себя роль ширмы. Во всяком случае, получив от своей невесты (а на самом деле от Анны Леопольдовны, потому что таких денег у Менгден не было) 35 тысяч рублей для помещения их в Дрезденском банке, граф Линар, уже награждённый орденом Св. Андрея Первозванного, высшим орденом Российской империи, отправился в Дрезден, чтобы уладить там все свои дела, вернуться в Петербург, вступить на русскую службу в звании обер-камергера (в те времена высшее придворное звание I класса Табели о рангах) и жениться на статс-даме, баронессе Юлии Менгден, а возможно, уже к этому времени не только баронессе, но и получившей пожалование титула княгини.

Из Дрездена Линар предупредил в письме свою настоящую возлюбленную о готовящемся перевороте, но Анна Леопольдовна ограничилась только предупреждением Елизаветы Петровны, тем самым приблизив переворот к следующей ночи.

Пока Линар в Дрездене улаживал, свои дела, наступила ночь с 24 на 25 ноября 1741 года, когда во втором часу пополудни Елизавета Петровна в гвардейском костюме с отрядом гвардейцев вошла во дворец, в покои правительницы, и разбудила фрейлину Менгден, рядом с которой, по одной из версий, спала и регентша Анна Леопольдовна. В то же самое время по дороге во дворец преображенцы арестовали Миниха, а на Невском проспекте — графа Головкина и барона Карла Менгдена, затем объявили домашний арест Лёвенвольде и обер-гофмаршалу, морскому генерал-комиссару Лопухину, а в довершение дела 30 гренадер-преображенцев отправились арестовывать Остермана.

В манифесте от 28 ноября 1741 года было объявлено о низложении регентши принцессы Брауншвейгской вместе с младенцем-императором и о возведении на трон Елизаветы Петровны, дочери Петра Великого. В декабре 1741 года Анна Леопольдовна и Антон-Ульрих с детьми под большим конвоем, возглавляемым генерал-лейтенантом Василием Фёдоровичем Салтыковым, родственником Анны Леопольдовны по материнской линии, были отправлены в Ригу, куда они прибыли 9 января 1742 года Анна Леопольдовна умоляла Елизавету не разлучать её с фрейлиной Менгден, и такое разрешение было дано. Однако покушение на Елизавету Петровну камер-лакея А. Турчанинова с целью возведения на трон младенца Иоанна Антоновича, затем интриги маркиза Ботты и подполковника Лопухина показали, что принцесса и принц Брауншвейгские, подстрекаемые европейскими владетельными домами и их клеветами, сами частной жизнью спокойно жить не смогут и Елизавете Петровне жить спокойно не дадут. Было ясно, что доброта Елизаветы Петровны к своей двоюродной племяннице Анне Леопольдовне

оценена не была и не будет. А потому все самые близкие к Елизавете Петровне люди, участники переворота братья Пётр и Александр Шуваловы, Михаил Воронцов, Лесток и Ла Шетарди — все советовали арестовать низвергнутое семейство и отправить его в настоящую ссылку на север. Так что по прибытии в Ригу семейство низложенного императора, которое расположилось в замке, прежде принадлежавшем Бирону, после покушения на Елизавету Петровну было взято под стражу. 13 декабря 1742 года, почти через год их пребывания в Риге, всё семейство вместе с Иоанном VI Антоновичем было направлено в Дюнамюнде, где у Анны Леопольдовны родилась еще одна дочь — Елизавета.

Было решено поручить попечение о Иоанне с родителями и сёстрами барону НА. Корфу и отправить семейство Брауншвейгское в ссылку на Соловки. Но до Соловков добраться не удалось. Когда осенью 1744 года прибыли в Холмогоры, выяснилось, что до Соловков доехать невозможно: лёд уже стал, но недостаточно крепкий, чтобы продолжить по нему путь на лошадях. К тому же Анна Леопольдовна была опять на сносях. Решено было разместить арестантов в холмогорском архиепископском доме. Иоанн был помещён отдельно, а фрейлина Юлия Менгден, к огромному горю Анны Леопольдовны, была отправлена обратно. 19 марта 1745 года у Анны Леопольдовны родился сын Пётр. Указом от 29 марта того же года барон Корф был возвращён домой, передав ссыльных капитану Измайловского полка Гурьеву. Иоанн продолжал содержаться в Холмогорах, но его родители не знали, где он находится. 27 февраля 1746 года Анна Леопольдовна родила ещё одного сына — Алексея. На этот раз роды были тяжёлые, началась родовая горячка, и через 9 дней, 7 марта, Анна Леопольдовна скончалась. В официальном сообщении о её смерти, чтобы скрыть рождение принцев, младших братьев Иоанна, было сказано, что она скончалась не от родовой горячки, а от «огневицы» (высокой температуры).

Тело Анны Леопольдовны было погребено со всеми подобающими почестями в Александро-Невской лавре, рядом с могилой Анны Иоанновны. Похоронами распорядилась лично императрица Елизавета Петровна.

О фрейлине Юлиане Менгден в дальнейшем было известно только то, что она умерла в 1786 году, в царствование Екатерины II, пережив свою благодетельницу Анну Леопольдовну на 40 лет.

Фаворитка императрицы Елизаветы Петровны — графиня Мавра Егоровна Шувалова, урожденная Шепелева

Никто из придворных женщин и девиц не был так близок к императрице Елизавете Петровне, как Мавра Егоровна Шепелева, считавшаяся как бы в родстве с Екатериной I, а следовательно, и с её дочерью, Елизаветой Петровной. Это «как бы родство» велось от пастора Глюка, на дочери которого был женат Дмитрий Андреевич Шепелев, родственник отца Мавры Шепелевой — Егора Ильича Шепелева. Марта Самуиловна Скавронская, ставшая императрицей Екатериной I, в те времена была, как считалось впоследствии, «воспитанницей» пастора Глюка, хотя уже тогда была замужем.

Когда Марта Скавронская была передана Меншиковым царю в качестве наложницы, она, по желанию Петра I, крестилась в православие под именем Екатерины Алексеевны и стала фавориткой царя. В 1712 году Петр I женился на ней, и она получила статус царицы. Тогда Екатерина Алексеевна вызвала к себе в услужение, по давнему знакомству, Мавру Шепелеву и определила её камер-юнгферой к цесаревне Анне Петровне (1708–1728), своей дочери от Петра I.

В 1720 году в Россию приехал герцог Голштейн-Готторпский Фридрих-Карл. Он надеялся с помощью Петра I, который в это время одерживал морские победы над шведами у о. Эзель (Сааремаа) и у о. Гренгам, возратить от Дании Шлезвиг, прежде принадлежавший его фамилии, и таким образом приобрести право на шведский престол. После Ништадтского мира 1721 года, по которому Россия обязывалась не вмешиваться во внутренние дела Швеции, надежды эти рухнули, но зато герцог познакомился с цесаревной Анной Петровной, любимой дочерью Петра, красивой, умной, образованной и очень способной девушкой, которая прекрасно говорила на французском, немецком, итальянском и шведском языках.

Камер-юнгфера Мавра Егоровна Шепелева — Маврушка (с ударением на первом слоге), как называли её в августейшем доме, была свидетельницей и ухаживаний герцога за цесаревной Анной, и его предложения руки и сердца, и весьма важного для России и Голштинии акта, когда 22 ноября 1724 года Пётр I и герцог Голштейн-Готторпский подписали брачный контракт, который предусматривал отказ герцога, его супруги Анны и их детей от притязаний на Российский престол. Однако Пётр

оставлял за собой право призвать на Всероссийский престол одного из рождённых от этого супружества принцев, что в конце концов и совершилось после смерти Петра I: в 1761 году, по желанию императрицы Елизаветы Петровны, которая, как бы выполняя волю отца своего, назначила наследником российского трона своего племянника, сына её родной сестры Анны Петровны — Карла-Петера-Ульриха, герцога Голштейн-Готторпского, ставшего после её смерти Петром III.

Мавра Шепелева присутствовала во дворце в начале января 1725 года, когда скончался император Петр I, не назначив своим наследником никого. По преданию, перед смертью он попробовал письменно выразить свою волю о престолонаследии, но успел написать только: «Отдать все...», далее рука не слушалась, он велел позвать Анну Петровну, но когда она пришла, он не мог уже и говорить.

Камер-юнгфера Мавра, как и многие другие, была убеждена, что Петр I хотел передать престол дочери Анне как наиболее подходящей для этого наследнице, потому и призвал Анну к своему одру, но не смог сказать уже ни слова, чем и воспользовался Меншиков, выдвинувший на престол Екатерину как коронованную императрицу, хотя все знали, что Екатерина, в силу своей неграмотности, не способна править Российской империей, а потому правителем будет он, Меншиков.

Присутствовала Маврушка и на бракосочетании герцога с Анной Петровной, которое состоялось в Троицкой церкви на Петербургской стороне 21 мая 1725 года, уже в царствование Екатерины I.

Императрица Екатерина, любя свою дочь, оказывала всяческую поддержку её мужу: при её содействии герцог Голштейн-Готторпский Фридрих-Карл стал членом вновь учреждённого Верховного тайного совета и приобрёл большое влияние как при дворе, так и в политических кругах. Герцогиня Анна Петровна была счастлива тем, что ей не нужно было покидать Россию. Она была очень дружна со своей сестрой Елизаветой, и Маврушка с охотой прислуживала им обеим. Ведь в эти же годы Екатерина I, за неимением лучшего, после отказа Франции от брака Людовика XV с русской принцессой Елизаветой Петровной, согласилась на брак своей дочери с епископом Любской епархии, младшим братом правящего герцога Карлом-Августом Голштинским. Но, как говорится, «человек предполагает, а Бог располагает»: 6 мая 1727 года в Санкт-Петербурге, по одной из версий, от чахотки скончалась императрица Екатерина I. Маврушка и цесаревны горько оплакивала её смерть: Маврушка — свою благодетельницу,

цесаревны — свою любимую матушку.

Меншиков не терял времени: как глава Тайного совета, он поспешил пригласить на трон несовершеннолетнего внука Петра I, Петра II Алексеевича, сына царевича Алексея Петровича и принцессы Шарлотты-Кристины-Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской, и уже 25 мая 1727 года обручил его со своей дочерью, княжной Марией Александровной Меншиковой.

Прошло всего лишь чуть больше месяца, как в июне 1727 года в Санкт-Петербурге скончался жених Елизаветы Петровны — Карл-Август Голштинский, так и не успевший обвенчаться с цесаревной.

После смерти Екатерины I, когда власть перешла в руки всесильного Меншикова, положение семьи императора Петра I стало очень тяжёлым. Захватив власть, Меншиков не хотел расставаться с нею. Он знал, что, если императрицей станет Анна Петровна, он потеряет всё, потому что она хорошо знала все его проделки. Поэтому он нашёл повод для серьёзной ссоры с герцогом Голштинским и вынудил его вместе с тогда уже беременной Анной Петровной оставить Петербург и уехать в Голштинию, что и произошло 25 июля 1727 года.

В этот июльский день герцог Голштейн-Готторпский и его супруга герцогиня Анна Петровна выехали в Голштинию. Камер-юнгфера Мавра Егоровна Шепелева по долгу службы отправилась со своей госпожой. Всё время пребывания Анны Петровны в Голштинии не только она сама, но и Маврушка вели оживлённую переписку с Елизаветой Петровной. Прервалась эта переписка 4 марта 1728 года, когда Анна Петровна, разрешившись от бремени сыном Карлом-Петром-Ульрихом, умерла от родовой горячки. Ребёнок остался жив и, как известно, впоследствии стал императором Петром III, супругом Екатерины Алексеевны (Екатерины II).

Умирая, Анна Петровна просила похоронить её в Петропавловском соборе, рядом с её отцом Петром Великим. Сопровождать тело Анны Петровны в Петербург было поручено Мавре Егоровне.

12 ноября 1728 года двадцатилетняя российская цесаревна и герцогиня Голштинская Анна Петровна была похоронена, согласно её желанию, в Петропавловском соборе, близ могилы её отца императора Петра Великого.

19 января 1730 года от оспы умер Пётр II, но Тайный совет не рекомендовал на трон Елизавету Петровну, дочь Великого Петра, на том основании, что она родилась не от супруги Петра I Екатерины Алексеевны, а от Екатерины Алексеевны, тогда (в 1709 году) наложницы (фаворитки) царя Петра I, то есть была

незаконнорожденной. А потому 25 января 1730 года на российский престол была приглашена дочь «слабого головою» Иоанна V Алексеевича — Анна Иоанновна, герцогиня Курляндская.

Цесаревна Елизавета Петровна, получив разрешение от императрицы Анны Иоанновны, приняла Мавру Шепелеву в качестве камер-юнгферы при своём малом дворе. После всего совместно пережитого Елизавета Петровна считала Маврушку своим родным человеком, и потому Мавра Егоровна, несмотря на своё скромное звание камер-юнгферы (не придворной девицы, а служительницы при дворе), получила статус любимицы, фаворитки при малом дворе цесаревны.

Маврушка была подругой и наперсницей Елизаветы Петровны, хранительницей всех её сердечных тайн, помощницей в интимных делах. Она была образованной, способной, весёлой и бойкой девушкой, любила музыку, пение, стихи, театральные представления, игры и забавы. В ней было много общего с Елизаветой Петровной и в характере, и во вкусах, и в любви к искусствам Елизавета Петровна всем сердцем привязалась к Маврушке как к родному человеку, тем более что Анна Иоанновна ненавидела Елизавету как возможную претендентку на престол, а потому и в царствование Анны Иоанновны, и в последующее затем регентство Анны Леопольдовны жизнь цесаревны была весьма непростой, и близких людей в её окружении, кроме Маврушки, фактически не было никого.

О том, как всё было непросто, говорит такой факт: однажды Мавра написала пьесу, в которой в аллегорической форме, как это было принято в те времена, показала Елизавету Петровну в образе богини Лавры, доброй, справедливой и внешне прекрасной. Пьеса была разыграна на театре при малом дворе Елизаветы Петровны. Узнав об этом, императрица Анна Иоанновна пришла во гнев, объявила пьесу политической демонстрацией и приказала Тайной канцелярии расследовать это «дело».

Елизавета Петровна в скором времени пожаловала свою Маврушку в придворное звание камер-фрейлины своего малого двора. Имеется версия, что малороссийского певца Алексея Григорьевича Розума, ставшего фаворитом Елизаветы Петровны, сначала нашла в селе Лемеша Черниговской губернии именно Мавра Егоровна, посланная своей цесаревной в Малороссию для набора певчих в хор малого двора.

Но так как при Анне Иоанновне самостоятельно приглашать певчих к своему двору Елизавета Петровна не имела права, то по наводке камер-фрейлины Мавры Егоровны в село Лемеша

отправился с этой же целью Вишневецкий, уполномоченный Анны Иоанновны. Он нашёл Алексея Розума и пригласил его в Петербург в качестве певца в капелле Высочайшего двора Анны Иоанновны. Там его впервые и услышала Елизавета Петровна и буквально влюбилась и в его голос, и в него самого. По просьбе цесаревны Алексей Розум был переведён в хор её малого двора, а затем стал её фаворитом.

По восшествии на престол в 1741 году Елизавета Петровна выдала свою любимицу-фаворитку Мавру Егоровну Шепелеву замуж за камер-юнкера Высочайшего двора графа Петра Ивановича Шувалова, в результате чего Мавра Егоровна приобрела титул графини Шуваловой, а её супруг сделал головокружительную карьеру, став одним из важнейших государственных деятелей.

В день своей коронации Елизавета Петровна пожаловала Мавру Егоровну придворным званием статс-дамы и подарила ей для ношения на груди свой портрет, осыпанный бриллиантами.

Не все придворные и гражданские чины жаловали Мавру Егоровну. О ней, фаворитке Елизаветы Петровны, отзывались иногда весьма неодобрительно, отмечая, например, что от неё дурно пахнет. Действительно, Мавра Егоровна после рождения сына долгое время страдала кровотечением. По её словам, она излечилась от болезни в результате ежедневных в течение продолжительного времени молитв иконе Николая-угодника.

Став графиней Шуваловой, фаворитка Елизаветы Петровны взяла на себя смелость в некоторых случаях служить не интересам своей благодетельницы, а интересам семьи Шуваловых. Так, например, в период увлечения Елизаветы Петровны Бекетовым Шуваловы были заинтересованы в том, чтобы удалить Бекетова и рекомендовать на место фаворита своего родственника, родного брата мужа Мавры Егоровны, — Ивана Ивановича Шувалова. С этой целью супруг Мавры Егоровны вошел к Бекетову в доверие и рекомендовал ему притирание, которое якобы будет способствовать сохранению его нежной кожи лица, которой восхищалась императрица. Когда же Бекетов намазал лицо этим «чудодейственным» притиранием, у него пошла по лицу сыпь. Тогда Мавра Егоровна шепнула Елизавете Петровне, что Бекетов заразился нехорошей болезнью, и Елизавета Петровна тотчас же удалила Бекетова от двора. А Иван Иванович Шувалов на многие годы стал фаворитом императрицы Елизаветы Петровны. Конечно, такое лукавство не может быть одобрено, но дальнейший ход событий показал, что для России замена Бекетова Шуваловым оказалась весьма плодотворной: Бекетов был совсем юным и малообразованным человеком, а Иван

Иванович Шувалов, хоть и был молодым, имел обширные знания, владел несколькими иностранными языками, желал послужить своей стране, а потому и проявил себя в деле развития культуры и науки весьма достойно. О фаворите Иване Ивановиче Шувалове рассказано в книге «Фавориты у российского престола».

Умерла статс-дама Высочайшего двора графиня Мавра Егоровна Шувалова в 1759 году, на два года раньше своей августейшей покровительницы и подруги.

Фаворитки императрицы Екатерины II

У Екатерины II было несколько любимиц-подруг и наперсниц, которым она могла доверить свои самые интимные проблемы и переживания: Анна Никитична Нарышкина, Анна Степановна Протасова и Марья Саввишна Перекусихина. Однако были и такие фаворитки, которым она доверяла не свои интимные переживания, а дела государственного значения, и звали их Екатерина Романовна Дашкова и Александра Васильевна Браницкая. При дворе их не называли фаворитками, но это были именно фаворитки: по своему положению они составляли самое близкое окружение Екатерины II. Первым, любимицам-наперсницам, помимо интимных проблем, относящихся к екатерининским фаворитам, доверялись также и дела, касающиеся карьерного продвижения придворных чинов и разного рода просителей, что приносило им неплохой доход. Кроме того, они получали от императрицы разные льготы, преимущества и вспомоществования в виде погашения долгов, денег на покупку или ремонт дома и на другие нужды. Получали денежную помощь и их родственники (на свадьбу, крестины, приобретение жилья и др.), а также и те, за кого просила императрицу фаворитка.

Как уже было сказано, среди наперсниц-подруг Екатерины II самыми доверенными были: Анна Никитична Нарышкина (1730–1820), Анна Степановна Протасова (1745–1826) и Марья Саввишна Перекусихина (1739–1824). Начнём с последней.

Марья Саввишна Перекусихина (1739–1824) была физически самым близким и потому доверенным лицом Екатерины II. Она служила сначала в звании камер-юнгферы при комнатах императрицы, отвечала, как мамка при дитяти, за её одевание утром и укладывание спать вечером, за введение в покои императрицы фаворитов, за самые интимные естественные процедуры. До конца жизни Екатерины II она была предана и верна ей, а после её смерти никогда никому не открывала тайн своей бывшей повелительницы.

Известно, что она была дворянкой из очень небогатой семьи, имевшей небольшое поместье в Рязанской губернии. Но точно неизвестно, каким образом она попала во дворец, в покои самой императрицы. По слухам, она получила должность камер-юнгферы по рекомендации Григория Потёмкина, бывшего тогда фаворитом Екатерины II. Потёмкин стал фаворитом Екатерины II в 1774 году и оставался им как любовник (а по одной из версий, супруг) до 1776 года. Следуя слухам, можно сказать, что именно в

этот период Марья Саввишна и появилась во дворце. В то время ей должно было быть 35 лет, что само по себе было уже поздновато для приёма во дворец на должность камер-юнгферы. Однако есть известия, более похожие на правду, что в 60-е годы Екатерина крестила племянницу Марии Саввишны — Екатерину. А это означает, что фаворитом тогда был действительно Григорий, но не Потёмкин, а Орлов, так что протекцию ей, по-видимому, составили Орловы. В 60-е годы Марье Саввишне было 25–26 лет. Она была моложе Екатерины II на 10 лет. Не исключено, что она появилась в покоях не императрицы, а великой княгини Екатерины Алексеевны и не в 60-е, а в 50-е годы XVIII века, когда она была ещё юной девушкой.

«Саввишна», как её называла государыня, все эти годы оставалась при императрице, она имела только ей одной предоставленное, то есть, выражаясь современным языком, «эксклюзивное право» являться в спальню императрицы по первому звонку, ухаживать за ней в интимных делах, помогать ей одеваться, причёсывать её. С течением времени эту работу стали выполнять другие, но Саввишна всегда присутствовала в качестве распорядительницы во время туалета, одевания, причёсывания государыни, во время утренних аудиенций.

Комнаты Марьи Саввишны располагались в непосредственной близости от покоев Екатерины II, так что пришедшие на аудиенцию высокопоставленные лица ожидали своей очереди в комнате Марьи Саввишны, а это были: воспитатель великого князя Н. И. Панин, знаменитый поэт и статс-секретарь Г. Р. Державин, президент Российской академии наук Е. Р. Дашкова, статс-секретарь А. В. Храповицкий, обер-прокурор Священного Синода Н. А. Протасов, заслуженные генералы и адмиралы. Все они понимали, какое важное значение для их дел имело слово Перекусихиной, сказанное императрице, и Саввишна постоянно принимала дары от посетителей столь высокого ранга.

Екатерина II полностью доверяла своей Саввишне и свои личные, в том числе любовные, дела, советовалась с ней по житейским вопросам, узнавала её мнение относительно того или иного придворного вельможи или кандидата в фавориты.

Из камер-юнгферы она перевела Перекусихину в камер-фрейлины, но эти изменения на положении «Саввишны» при дворе почти никак не отразились: она продолжала оставаться при комнатах государыни, верно ей служа и исполняя всё те же обязанности. Помимо комнатных дел, Перекусихина сопровождала свою госпожу во время её ежедневных прогулок, в паломнических поездках, дальних путешествиях, всегда находясь рядом, готовая в любую минуту дня и ночи прийти ей на помощь.

Марья Саввишна была простой, малообразованной, но очень умной женщиной, на редкость душевной и преданной. Она любила свою покровительницу, свою государыню, свою госпожу самозабвенно, полностью посвятив ей свою жизнь и оставшись старой девой. Однажды Екатерина подарила Саввишне дорогое кольцо со своим портретом и при этом сказала как бы в шутку: «Вот тебе и жених, которому, я уверена, ты никогда не изменишь». И с тех пор стала называть себя её женихом. И действительно, этому «жениху» Перекусихина никогда не изменила, даже после его смерти.

В XIX веке о Екатерине II было опубликовано много всяких анекдотов, характеризующих её как мудрую правительницу Российской империи, как доброго человека, умного и справедливого, отличавшегося простотой общения не только с близкими, но и чужими ей людьми. В некоторых анекдотах упоминалась и Марья Саввишна Перекусихина Приведём один из них: «Однажды Екатерина сидела в царскосельском саду на скамейке вместе с любимой камер-юнгферой своей М. С. Перекусихиной. Проходивший мимо петербургский франт, не узнав императрицу, взглянул на неё довольно нахально, не снял шляпы и, насвистывая, продолжал прогулку.

— Знаешь ли, — сказала государыня, — как мне досадно на этого шалуна? Я в состоянии остановить его и намылить ему голову.

— Ведь он не узнал вас, матушка, — возразила Перекусихина.

— Да я не об этом говорю: конечно, не узнал; но мы с тобой одеты порядочно, еще и с галунчиком, щеголевато, так он обязан был иметь к нам, как дамам, уважение. Впрочем, — прибавила Екатерина, рассмеявшись, — надо сказать правду, устарели мы с тобою, Марья Саввишна, а когда бы были помоложе, поклонился бы он и нам» (Черты Екатерины Великой. СПб., 1819).

Для себя лично Марья Саввишна никогда ничего у Екатерины не просила, вполне довольная своим положением, но своих родных не забывала. Её родной брат, Василий Саввич Перекусихин, по её просьбе стал сенатором, а её племянница Е. В. Торсукова и её муж получили место при дворе и очень разбогатели.

5 ноября 1796 года, когда с Екатериной случился удар, Саввишна первая обнаружила её в туалетной комнате лежащей без сознания и первая после шока взяла себя в руки и стала умолять растерявшегося Зубова пустить ей кровь, как это случалось раньше. Возможно, этим удалось хотя бы на время спасти жизнь императрице. Но Зубов пустить кровь без доктора Роджерса, в то время куда-то отъехавшего, не разрешил. Когда же

через час приехал доктор Роджерс и хотел пустить кровь императрице, было уже поздно: кровь не пошла.

Павел I, не любивший всех, кто верно служил Екатерине, в том числе и Марью Саввишну, взяв бразды правления в свои руки, первым делом уволил Перекусихину от двора. Однако, желая показать себя честным и справедливым, назначил ей от Кабинета Его Величества хорошую пенсию в размере 1200 рублей в год, пожаловал ей в Рязанской губернии 4517 десятин земли, а в Петербурге дом, выкупленный казной у банкира Сутерланда.

После смерти своей любимой государыни Марья Саввишна прожила еще 28 лет. Она умерла в Санкт-Петербурге 8 августа 1824 года на 85-м году жизни и была похоронена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

Такой же беззаветно преданной фавориткой Екатерины II была **Анна Степановна Протасова** (1745–1826), дочь Степана Фёдоровича Протасова, с 1763 года ставшего сенатором, и его второй жены Анисии Никитичны Орловой, двоюродной племянницы братьев Орловых.

Екатерина II зачислила 17-летнюю дворянку Протасову в придворный штат в качестве фрейлины Высочайшего двора по рекомендации своего фаворита Григория Орлова. По-видимому, это случилось в 1763 году, когда по предстательству того же Григория Орлова, её отец Степан Фёдорович Протасов стал тайным советником и сенатором.

Анна Протасова так же, как и Марья Саввишна Перекусихина, всю свою жизнь посвятила государыне императрице, оставшись старой девой. Она была некрасива, даже дурна собою, да к тому же небогата. Она считалась девицей до конца своих дней, хотя придворные и большого, и малого дворов хорошо знали о её реальном участии в обследовании кандидатов в фавориты со стороны их мужской пригодности.

Были случаи, когда за ней начинали ухаживать придворные кавалеры, но, к сожалению, быстро обнаруживалось, что целью этого ухаживания было заручиться её поддержкой при дворе и воспользоваться её близостью к императрице. Анна Степановна была на 16 лет моложе Екатерины II, но её внешняя непригожесть только оттеняла прелести императрицы.

В 1784 году, когда возраст Протасовой приблизился к 40 годам, Екатерина пожаловала её в камер-фрейлины Высочайшего двора с «богатейшим портретом» императрицы, то есть с обильно осыпанным бриллиантами портретом, которым Протасова очень гордилась. Облик Анны Степановны дошел до наших дней: по заказу императрицы французский художник Жан Луи Вуаль написал портрет Анны Степановны Протасовой, изобразив её,

видимо, несколько приукрашенной, но главное — с этим «богатеи́шим портре́том», приколотым к платью на голубом муаровом банте с левой стороны груди, у плеча.

Как камер-фрейлина Высочайшего двора, Протасова обрела право следить за поведением фрейлин, давать им поручения, распоряжаться целым штатом камер-пажей. Она стала получать более высокое жалованье, жить в более удобных апартаментах, расположенных вблизи покоев императрицы, пользоваться столом «с государыниной кухни», почти каждый день на «вызолоченном сервизе» обедать с императрицей, иногда прислуживать ей в спальне.

Как фаворитка Екатерины II, Анна Протасова имела большой вес при дворе: перед ней заискивали, у неё искали поддержки, но её и боялись. Однако чаще всего к ней обращались за поддержкой, особенно ее родственники, даже находящиеся в дальнем родстве. Так, например, существовал такой исторический анекдот:

«До воцарения Павла Анненский орден, учрежденный зятем Петра Великого, герцогом голштинским Фридрихом-Карлом, не считался в числе русских. Хотя Павел Петрович, в бытность свою великим князем, и подписывал в качестве герцога голштинского все грамоты на пожалование Анненским орденом, но последний давался только тем лицам, кому назначала императрица Екатерина II. Великому князю очень хотелось, чтоб некоторые из его приближенных носили Анненский крест, однако императрица именно им-то и не давала этот орден.

Наконец, великий князь придумал следующую хитрость. Заказав два небольших Анненских крестика с винтами, он призвал к себе двух любимцев своих, Ростопчина и Свечина, и сказал им:

— Жалую вас обоих Анненскими кавалерами; возьмите эти кресты и привинтите их к шпагам, только на заднюю чашку, чтоб не видала императрица.

Свечин привинтил крест с величайшим страхом, а Ростопчин счел более благоразумным предупредить об этом родственницу свою, Анну Степановну Протасову, пользовавшуюся особенным расположением императрицы.

Протасова обещала ему поговорить с Екатериной и узнать ее мнение. Действительно, выбрав удобную минуту, когда государыня была в веселом настроении духа, она сообщила ей о хитрости наследника и сказала, что Ростопчин опасается носить орден и вместе с тем боится оскорбить великого князя.

Екатерина рассмеялась и промолвила:

— Ах он, горе-богатырь! И этого-то лучше не выдумал!

Скажи Ростопчину, чтоб он носил свой орден и не боялся: я не буду замечать.

После такого ответа Ростопчин смело привинтил Анненский крест не к задней, а к передней чашке шпаги и явился во дворец.

Великий князь, заметив это, подошел к нему со словами:

— Что ты делаешь? Я велел привинтить к задней чашке, а ты привинтил к передней. Императрица увидит!

— Милость вашего высочества так мне драгоценна, — отвечал Ростопчин, — что я не хочу скрывать ее.

— Да ты себя погубишь!

— Готов погубить себя; но докажу этим преданность вашему высочеству.

Великий князь, пораженный таким очевидным доказательством преданности Ростопчина, обнял его со слезами на глазах.

Вот происхождение ордена Св. Анны четвертой степени» (М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. 2-е изд. М., 1869).

Анна Протасова никогда не предавала свою покровительницу и повелительницу, во все неприятные минуты жизни императрицы Анна Степановна всегда была рядом, она умела терпеливо выслушать Екатерину, утешить её, уговорить, хотя успокоить упрямую и настойчивую императрицу бывало ох как нелегко.

Была Анна Степановна рядом со своей благотворительницей и 5 ноября 1796 года, когда у Екатерины случился удар. Протасова в течение суток не отходила от её постели, она присутствовала и при агонии, и при последнем вздохе Екатерины Великой.

Придя к власти, Павел I не отлучил Анну Степановну Протасову от двора. За ней сохранился её придворный статус камер-фрейлины, остались за ней и дворцовые покои, и дворцовая кухня. Такое к ней отношение Павла объяснялось тем, что Анна Степановна через замужество своей племянницы стала родственницей любимца государя графа Ф. В. Ростопчина, ставшего во время Отечественной войны 1812 года генерал-губернатором Москвы. Мало того, император Павел наградил её орденом Св. Екатерины меньшего креста, а с ним, как положено, и званием «кавалерственной дамы», назначил ей хорошую пенсию с пожалованием 100 душ крестьян в Воронежской и Петербургской губерниях.

Не забыл бывшую фаворитку своей незабвенной бабушки и император Александр I, и в день своей коронации, когда по традиции многие персоны при дворе получали титулы, ордена, повышения в чине и другие награды, Анна Степановна была

удостоена титула графини. По её просьбе это графское достоинство было распространено на трёх её незамужних племянниц и на её брата — Александра Степановича с его потомством по нисходящей линии.

После гибели Павла I графиня Протасова продолжала службу в качестве старшей камер-фрейлины, но не при Высочайшем, а при малом дворе вдовствующей императрицы Марии Феодоровны. В то же время она сумела снискать к себе расположение императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I, и таким образом попасть в интимный круг придворных Высочайшего двора.

В старости графиня Протасова потеряла зрение, но она продолжала выезжать в свет и появляться при дворе.

Бывшая фаворитка и старшая камер-фрейлина Екатерины II графиня Анна Степановна Протасова, пережив свою покровительницу Екатерину II и императоров Павла I и Александра I, умерла 12 апреля 1826 года на 81-м году жизни. Она служила при Российском дворе в течение 46 лет и пережила свою покровительницу Екатерину Великую на 30 лет.

Одновременно с предыдущими любимицами возле императрицы Екатерины II была и третья, особая её фаворитка, подруга и наперсница, графиня Анна *Никитична Нарышкина* (1730–1820), урожденная Румянцева, дочь генерал-майора графа Никиты Ивановича Румянцева и княжны Марии Васильевны Мещерской.

Когда графине Анне Румянцевой шёл 20-й год, она вышла замуж за графа Александра Александровича Нарышкина (1726–1795), камергера малого двора великого князя Петра Феодоровича (Петра III) и великой княгини Екатерины Алексеевны (Екатерины II). Бракосочетание состоялось 8 октября 1749 года По велению царствовавшей тогда императрицы Елизаветы Петровны великая княгиня Екатерина Алексеевна убирала невесту к венцу и сопровождала молодых в дом, для них приготовленный. С этого времени и завязалась между Екатериной и Анной дружба, подкрепляемая близостью к Екатерине Льва Александровича Нарышкина, родного брата супруга Анны и её деверя.

Вскоре императрица Елизавета Петровна назначила мужа Анны, графа Александра Александровича Нарышкина, гофмейстером малого двора императорских высочеств, что еще более укрепило дружескую связь Екатерины с Нарышкиными. В своих «Записках» Екатерина рассказала, как Лев Нарышкин помогал её тайным встречам с Понятовским: вечером он заезжал за Екатериной в карете и отвозил её, закутанную в тёмный плащ,

на встречу с любовником в дом своего брата, где им предоставляла все условия для свидания его невестка — Анна Никитична, а утром, никем не замеченную, привозил обратно.

Влюблённый Станислав Понятовский пробирался к Екатерине и в её комнаты в великокняжеском дворце. Но однажды, по его рассказу, он был пойман стражей, предстал перед мужем своей возлюбленной — великим князем, наследником Петром Феодоровичем, который, узнав, почему Понятовский оказался на территории малого двора, предложил Понятовскому проводить время вчетвером: он, великий князь, со своей любовницей Елизаветой Романовной Воронцовой, а Понятовский с великой княгиней Екатериной Алексеевной. Сначала они вместе ужинали, а затем расходились парами по своим комнатам. Этот дружеский жест со стороны наследника оказался вовсе не таким широким, как это могло вначале показаться. Когда Екатерина забеременела, Пётр Феодорович отказался от своей причастности к будущему ребёнку, и Екатерине пришлось послать к нему на переговоры Льва Нарышкина, который от имени великой княгини потребовал от наследника публичного отречения от близости с женой, после чего вопрос этот был замят.

Вот такие нравы в духе фаворитизма процветали в те времена при российском престоле.

Обер-гофмейстер двора их высочеств Александр Нарышкин с супругой Анной Никитичной, его брат обер-шталмейстер Лев Нарышкин (1733–1799), главный любимец Петра III и «помощник всех его страстей», а при великой княгине Екатерине Алексеевне — главный острослов и весельчак, а также Станислав Понятовский, а после его отъезда в Польшу братья Орловы — вот был круг друзей Екатерины, зародыш заговора, приведшего её на трон. Конечно, были еще и доброжелатели, помогавшие её возведению на трон, такие как Н. И. Панин, Е. Р. Дашкова, также участвовавшие в этом процессе. Однако в сравнении, например, с Анной Никитичной Нарышкиной, Екатерина Романовна Дашкова хоть и слыла фавориткой императрицы, но не была в таком фаворе, как Анна Никитична, которая была лишь на один год моложе Екатерины (фактически они были одногодки) и с которой они очень подходили друг другу, обе молодые, весёлые; любвеобильная великая княгиня Екатерина Алексеевна со своими любовными интригами и преданная пособница её увлечений, хранительница её интимных тайн — Анна Нарышкина. Разве можно было сравнить Анну Никитичну, самого преданного и лучшего друга, никогда ни за что не осуждающего, не обижающегося, а только помогающего и советом, и делом, с Екатериной Романовной, носительницей высочайшей морали,

всегда назидательной, недовольной и осуждающей? Поэтому однажды (это было в мае 1788 года) императрица Екатерина II распорядилась приготовить в Царскосельском дворце комнаты для А. Н. Нарышкиной и расположить их таким образом, чтобы не осталось комнат для княгини Дашковой. «...С одной хочу проводить время, а с другою нет; она же и в ссоре за клочок земли!» — добавила Екатерина в связи с этим своим распоряжением.

Екатерина II в своих «Записках» писала о причинах её сближения с Анной Никитичной Нарышкиной, не имевшей детей: «Этот брак имел не более последствий, чем наш; это сходство в положении Нарышкиной и моем много способствовало дружеской связи, которая долго нас соединяла; мое состояние изменилось по прошествии 9 лет, считая со дня моей свадьбы, но она и поныне находится в том же положении, а уже 24 года замужем».

15 сентября 1773 года Екатерина пожаловала свою подругу в статс-дамы Высочайшего двора, а в 1787 году наградила её орденом Св. Екатерины.

Особенно много сделала Анна Никитична для Екатерины в те тяжёлые дни, когда выяснилось предательство фаворита Дмитриева-Мамонова. Для императрицы это было наглое и грубое оскорбление, это был удар в самое сердце. Двое молодых наглецов — фаворит Александр Мамонов и фрейлина Дарья Щербатова, — почти два года встречавшихся и водивших её за нос, просто надсмеялись над ней, пожилой женщиной, презрев её титул императрицы и её власть. При этом фаворит ломал комедию, устраивая Екатерине сцены ревности, следя за её расположением к другим мужчинам. А мог бы просто рассказать о своей любви к фрейлине Дарье. Анна Никитична все эти кошмарные дни проводила со своей покровительницей и повелительницей, которая буквально рыдала и никак не могла успокоиться. Её потрясла неблагодарность и глупость Мамонова, его постоянные неискренние признания в любви, эта ничем не оправданная ложь. Нарышкина присутствовала при объяснениях Екатерины с фаворитом, а однажды она так отругала его, что Екатерина потом написала: «Я никогда прежде не слышала, чтобы так ругали кого-нибудь».

Анна Никитична, проводя наедине с императрицей по несколько часов в день, помогла ей собраться с духом, провести помолвку, а затем венчание и свадьбу Александра Дмитриева-Мамонова с Дарьей Щербатовой, одеть свою фрейлину к венчанию и одарить их деньгами и ценными подарками. Справедливость, величие императрицы были сохранены и продемонстрированы перед российским двором, высшим светом и дворами Западной Европы.

Статс-дама Нарышкина быстро отреагировала на ситуацию, понимая, что «клин вышибают клином», и через считанные дни представила Екатерине нового фаворита — Платона Александровича Зубова, еще более красивого и более угодливого, чем Мамонов, и на много лет более молодого. Реванш был взят, и Мамонов до конца своих дней чувствовал себя дураком, променявшим положение «Красного кафтана» в императорских дворцах на затворническую жизнь в Москве в обществе недалёкой, а потому скучной Дарьи.

После смерти императрицы Екатерины II Анна Никитична осталась при Высочайшем дворе. Через несколько дней после своего вступления на престол Павел I не только не уволил бывшую фаворитку своей матери — Анну Никитичну Нарышкину, — но 12 ноября 1796 года (через 7 дней после смерти Екатерины II) назначил её гофмейстериней Высочайшего двора.

Скончалась гофмейстерина Высочайшего двора, кавалерственная дама графиня Анна Никитична Нарышкина, бывшая подруга и наперсница Екатерины Великой, её статс-дама и главная фаворитка, 2 февраля 1820 года, не дожив всего 9 дней до своего дня рождения, когда бы ей исполнилось 90 лет.

Екатерина Романовна Дашкова (Воронцова) (1744–1810). Графиня Екатерина Романовна Воронцова (по мужу княгиня Дашкова) родилась в Петербурге 17 марта 1744 года (по другой версии — 1743 года). Сама она в своих «Записках княгини» определяет дату своего рождения 1744 годом, «примерно около того времени, когда императрица Елизавета возвратилась из Москвы после своей коронации». Коронация Елизаветы Петровны состоялась в Успенском соборе Московского Кремля 25 апреля 1742 года. В Петербург императрица явилась в том же 1742 году: 24 октября 1742 года она своим Указом объявила наследником Российского престола своего племянника Петра. Следовательно, Екатерина Воронцова слукавила: она родилась в марте 1743 года.

Екатерина Романовна родилась в семье сенатора графа Романа Илларионовича Воронцова. Но с двухлетнего возраста, после смерти её матери, она воспитывалась в семье своего дяди графа Михаила Илларионовича Воронцова, который в царствование Елизаветы Петровны был видным государственным деятелем, дипломатом, государственным канцлером Российской империи. В своих «Записках» Екатерина Романовна дала такую характеристику своей фамилии и своему отцу: «Я не стану распространяться о фамилии своего отца. Древность ее и блистательные заслуги моих предков ставят имя Воронцовых на таком видном месте, что моей родовой гордости нечего больше

желать в этом отношении. Граф Роман, мой отец, второй брат канцлера, был человек разгульный и в молодости лишился моей матери. Он мало занимался своими делами и потому охотно передал меня дяде. Этот добрый родич, признательный моей матери и любивший своего брата, с удовольствием меня принял».

Михаил Илларионович был женат на Анне Карловне Скавронской, двоюродной сестре Елизаветы Петровны, поэтому семью Воронцовых императрица считала себе родственной и принимала участие в её семейных делах, заботясь о племянниках-сиротах Михаила Илларионовича. Она запросто приезжала к Воронцовым и часто приглашала их к себе в гости, в Царское Село. Тем более что графиня Анна Карловна имела придворное звание статс-дамы (1742), а затем получила высшее придворное дамское звание обер-гофмейстерины (1760) и была награждена орденом Св. Екатерины I степени (Большого креста).

У Екатерины Романовны были две сестры: Мария Романовна (в замужестве графиня Бутурлина) и Елизавета Романовна, камер-фрейлина, официальная фаворитка великого князя Петра Фёдоровича (Петра III), в замужестве Полянская. Но сёстры были старше Екатерины. После смерти их матери Елизавета Петровна назначила их ещё в детстве фрейлинами во дворец, где они и жили. С сёстрами Екатерина встречалась редко, почти совсем с ними не общалась. Своё воспитание и образование она получала вместе с дядиной дочерью. По тем временам для придворной жизни это было превосходное воспитание. Что касается образования, то Екатерина Романовна считала его недостаточным, хотя знала четыре языка, по-французски говорила свободно, хорошо танцевала и неплохо рисовала. Но она была неудовлетворена полученными знаниями и задавала себе вопрос: «Но что было сделано для образования характера и умственного развития?» И отвечала себе: «Ровно ничего». Хотя для придворной жизни такое образование считалось самым блестящим.

Екатерина Воронцова ещё в отроческих годах проявляла большую любознательность: всех, кто посещал дом её дяди, а это были политики, посланники, литераторы, артисты, она расспрашивала «о чужих краях, о формах правления и законах». Иногда она получала позволение своего дяди пересмотреть его старые дипломатические бумаги, и это соприкосновение с историческим прошлым российской дипломатии доставляло ей величайшее удовольствие. Но главное — она страстно любила читать книги. Она перечитала почти все книги из библиотеки дяди (а библиотека насчитывала около 900 томов), покупала новинки, поступавшие в книжные лавки, пользовалась любезностью Ивана Ивановича Шувалова, фаворита Елизаветы

Петровны, который передавал ей все выписанные им новые книжные и журнальные поступления из Парижа. Это самообразование уже в юности сделало Екатерину Воронцову одной из самых образованных женщин России.

Знакомство с князем Михаилом (Кондратом) Дашковым и взаимная их приязнь были одобрены Елизаветой Петровной, и вскоре, в 1759 году, графиня Воронцова стала княгиней Дашковой и с этим именем вошла в историю России.

Зимой 1759 года Екатерина Романовна познакомилась с великой княгиней Екатериной Алексеевной. В «Записках княгини» этот факт был отмечен таким образом «Зимой также посетил и ужинал у нас великий князь, будущий потом Пётр III, с его супругой, впоследствии Екатериной II. Благодаря многим посетителям моего дяди, я уже была известна великой княгине как молодая девушка, которая проводит почти всё своё время за учением, причем, разумеется, было прибавлено много и других лестных отзывов. Уважение, которым она впоследствии почтила меня, было результатом этой дружеской предупредительности; я отвечала на него с полным энтузиазмом и преданностью, которая потом бросила меня в такую непредвиденную сферу и имела большее или меньшее влияние на всю мою жизнь. В ту эпоху, о которой я говорю, наверное, можно сказать, что в России нельзя было найти и двух женщин, которые бы, подобно Екатерине и мне, серьезно занимались чтением; отсюда, между прочим, родилась наша взаимная привязанность, и так как великая княгиня обладала неотразимой прелестью, когда она хотела понравиться, легко представить, как она должна была увлечь меня, пятнадцатилетнее и необыкновенно впечатлительное существо».

Эта встреча оказалась для Дашковой судьбоносной. Великая княгиня стала для молодой княгини предметом восхищения и сердечной преданности, поэтому Екатерина Романовна приняла участие в перевороте с целью низвержения Петра III и возведения на престол его супруги Екатерины Алексеевны.

Несмотря на то, что великий князь Пётр Фёдорович (Пётр III) был крестным отцом Екатерины Дашковой, она, умная и очень наблюдательная, ещё девочкой поняла, что он глуп и не любит Россию. Она видела и понимала, что Елизавета Петровна, будучи уже на краю своей жизни, очень встревожена тем, что передаёт великую Россию недостойному наследнику, хоть и внуку Петра Великого. Однако что-либо предпринимать было уже поздно.

25 декабря 1761 года, в первый день Рождества Христова, Елизавета Петровна скончалась, и её необразованный, невоспитанный и неумный племянник, презрительно

относящийся к России и к русским людям, стал государем императором Российской империи под именем Петра III.

Когда он стал императором, то его поведение, его высказывания окончательно убедили Дашкову, что такой император ни России, ни её народу не нужен, что императрица Екатерина Алексеевна, умная, весьма образованная и воспитанная, любящая Россию, достойна быть правительницей Российской империи и имеет право на правление хотя бы как мать несовершеннолетнего Наследника престола Павла Петровича. Екатерина Романовна знала, что так думает не только она, но и многие люди и среди придворных, и среди высшего света, но главное — среди офицерского состава самых привилегированных полков. Все были возмущены заключённым Петром III миром с Пруссией на самых унижительных для победившей России условиях и началом войны с Данией, войны, совершенно не нужной России.

Унижениям со стороны мужа-императора, которым стала подвергаться при дворе, причём прилюдно, императрица Екатерина Алексеевна, публичное изъявление его желания видеть императрицей свою фаворитку-любовницу Елизавету Романовну Воронцову (которую, кстати, он, как простолюдинку, называл просто «Романовной»), и намерение сослать в монастырь ненавистную ему Екатерину Алексеевну — всё это показывало, какая участь ждёт ту, которую Дашкова просто обожала и, как честный человек, считала своим долгом спасти. Тем более что многие «деяния» её крестного отца Петра III происходили у неё на глазах.

И Дашкова, приняв решение произвести, как она говорила, «революцию» и свергнуть Петра III с престола, стала искать соучастников задуманного ею заговора с целью посадить на трон императрицу Екатерину Алексеевну. Все, предпринятые ею меры, Дашкова описала в своих «Записках княгини»:

«После разлуки с мужем я не щадила никаких усилий, чтобы одушевить, вдохновить и укрепить мнения, благоприятные осуществлению задуманной реформы. Самыми доверенными и близкими ко мне людьми были друзья и родственники князя Дашкова: Пасек, Бредихин — капитан Преображенского полка, майор Рославлев и его брат, гвардейский измайловский капитан. <....> Как скоро определилась и окрепла моя идея о средствах хорошо организованного заговора, я начала думать о результате, присоединяя к моему плану некоторых из тех лиц, которые своим влиянием и авторитетом могли дать вес нашему делу. Между ними был маршал Разумовский, начальник измайловской гвардии, очень любимый своим корпусом». Услышав от

английского посланника, что «гвардейцы обнаруживают расположение к восстанию, особенно за Датскую войну», Дашкова переговорила с некоторыми офицерами полка Разумовского — «с двумя Рославлевыми и Ласунским», затем вовлекла в заговор Панина, воспитателя великого князя Павла Петровича, который, впрочем, горел желанием посадить на трон своего питомца, а Екатерине Алексеевне отвести роль только регентши, но со свержением Петра III был совершенно согласен. Поговорив с Паниным напрямую, Екатерина Романовна открыла ему участников заговора, ею уже привлечённых к делу: двух Рославлевых, Ласунского, Пасека, Бредихина, Баскакова, Гетрофа, князей Барятинских и Орловых. «Он удивился и струсил, увидев, как далеко я зашла в своем предположении и притом без всякого предварительного переговора с Екатериной». Дашковой удалось уговорить Панина не афишировать в настоящее время его планы относительно Наследника, пока не сделаны реальные шаги.

Архиепископ Новгородский, «известный своей ученостью, любимый народом и обожаемый духовенством, конечно, не сомневался в том, чего могла ожидать церковь от такого повелителя, как Петр III». И юная заговорщица привлекла его на свою сторону, «если не как деятельного участника, то по крайней мере как ревностного покровителя наших замыслов». Примкнул к её замыслу и князь Волконский, который сообщил ей, что дух ропота против императора появился и среди солдат: они были недовольны, что их заставляют обратить оружие в пользу прусского короля против Марии-Терезии, которая совсем недавно была их союзницей, а прусский король врагом.

Екатерина Романовна Дашкова, хлопоча о создании заговора, не предполагала, что Екатерина Алексеевна уже держит в своих руках все нити его, уже разработала план переворота, опираясь на гвардию и на высокий авторитет у гвардейцев братьев Орловых, особенно Григория и Алексея. И ей не нравились эти переговоры Дашковой со всеми и каждым, притом *«без предварительного переговора с Екатериной»*, как писала сама Дашкова. Екатерина Алексеевна уже изучила опыт российских переворотов с целью возведения на трон Екатерины I, Анны Леопольдовны, Елизаветы Петровны, по примеру которой она тоже решила одеться в мужское военное платье, чтобы явиться в таком внушительном виде в казармы и принять у гвардейцев присягу. Она рассчитала, что в России военные чины верно служат прежде всего своим возлюбленным, а потому главный гвардейский авторитет — Григорий Орлов — стал её любовником. О том, что это она тайно руководила подготовкой переворота, Екатерина написала своему бывшему любовнику, польскому королю Станиславу-Августу

Понятовскому, но своему близкому окружению (кроме братьев Орловых) этой тайны она не открывала. Впоследствии она написала об этом в своих «Записках».

А у Дашковой сложилось наивное представление о том, что переворот был подготовлен ею, но совершился как бы сам собой, по воле Провидения, как она писала позже, в своих «Записках»: «...без плана, без достаточных средств, людьми различных и даже противоположных убеждений, подобно их характерам, а многие из них едва знали друг друга, не имели между собой ничего общего, за исключением одного желания, увенчанного случайным (sic!), но более полным успехом, чем можно было ожидать от самого строгого и глубоко обдуманного плана...».

Екатерина Романовна даже не поняла, что за Екатериной и за ней сам по себе не мог бы приехать в Петергоф Алексей Орлов, не посмел бы разбудить императрицу и без предварительной договорённости сказать такие слова: «Пора вставать, все готово, чтобы провозгласить вас». Ведь Дашкова не готовила всего этого. Не причастна она была ни к появлению императорского кортежа на Невском проспекте, ни к провозглашению её подруги в Казанском соборе «самодержавнейшею императрицей всей России Екатериной II».

Дашкова писала свои воспоминания на склоне лет, за все годы с 18-летнего возраста, когда происходили эти события, у неё было много времени, чтобы всё осмыслить и понять, но и в конце своей жизни свою роль в этой «революции» она оценила очень высоко: «Что касается меня, я, положа руку на сердце, говорю, что, хотя **мне принадлежала первая роль в этом перевороте** — в низвержении неспособного монарха, вместе с тем я изумляюсь факту: ни *исторические опыты*, ни пламенное воображение восемнадцати веков **не представляют примера такого события**, какое осуществилось перед нами в несколько часов» (выделено мною. — И.В.)

Какова сила заблуждения человека, перечитавшего огромное количество книг, особенно по истории России, как в русских, так и во французских изданиях, в том числе и о восшествии на трон Елизаветы Петровны, которую Дашкова к тому же знала лично! И для неё восшествие на российский престол Елизаветы Петровны, которая так же в военном мундире, так же опираясь на гвардию, так же для всех неожиданно и так же быстро была провозглашена императрицей Всероссийской, не явилось «примером такого события»?

Екатерина II в своих «Записках», оценивая своё восхождение на российский трон, писала: «Княгиня Дашкова, меньшая сестра Елизаветы Воронцовой, хотя и хочет приписать себе всю честь

этой революции, но она не пользовалась большим доверием за ее родство; вдобавок ее девятнадцать лет не вселяли никому большого уважения. Она утверждала, что все шло ко мне через ее руки. Однако я уже шесть месяцев переписывалась со всеми начальниками, прежде чем она узнала первое имя одного из них. Правда, она очень умна; но ум ее испорчен ее чрезмерным тщеславием, и характер ее взбалмошен; она ненавидима начальниками и дружна с ветреными головами, которые сообщали ей то, что знала, т. е. маловажные подробности. <...> Надо было скрывать от княгини Дашковой, какими путями сносятся другие со мною, и она целые пять месяцев не знала ничего; последние четыре недели, хотя ей и говорили, но как можно меньше. <...> Все делалось, признаюсь, под моим особенным руководством; и, наконец, я сама все приостановила, потому что отъезд за город мешал исполнению нашего плана; все было две недели тому назад совершенно готово».

Екатерина дала Дашковой очень точную, как мы потом увидим, характеристику: «Очень умна, но ум ее испорчен чрезмерным тщеславием и характер ее взбалмошен». Что касается «начальников», то действительно Дашкова ненавидела всех Екатерининных любовников: фаворитизм ей был чужд.

Для 19-летней, романтически настроенной Дашковой, которая большую часть своей жизни провела в уединении, с книгами, эти события представлялись какой-то таинственной и захватывающей игрой по спасению любимой подруги и устранению грубого и неумного императора. Она считала, что дело выиграно, а дружба с императрицей, теперь уже венценосной Екатериной II, продолжается, и ей, Дашковой, должна быть отведена при дворе первенствующая роль, а отношения с Екатериной должны оставаться дружескими, как бы на равных. И она стала вести себя в соответствии со своими представлениями: показывать своё неудовольствие относительно фавора Григория Орлова, отдавать приказания караульным офицерам и солдатам, при солдатах спорить с их командиром и так далее. Екатерина пробовала её как-то урезонить, но поняла, что это бесполезно, что лучше сохранить приличные отношения.

После воцарения Екатерина наградила всех, помогавших ей захватить трон. Но при дворе прилично было считать эти награды обычными пожалованиями перед коронованием монархини, тем более что отмечены были государыниной милостью даже те, которые не участвовали в заговоре, но которых желательно было привлечь на сторону новой императрицы, например, такие, как Савронские.

Не забыта была и Екатерина Романовна Дашкова.

Екатерина II возвела её в звание статс-дамы высочайшего двора, пожаловала ей орден Св. Екатерины I степени с титулованием «Её высокопревосходительство кавалерственная дама Большого креста» и денежную премию в размере 24 тысяч рублей. Насчёт премии Дашкова долго сомневалась и со многими советовалась: брать её или не брать, ведь она старалась не за деньги, но в конце концов взяла, а шуму при дворе своими рассуждениями сделала много. Но таков был характер княгини.

В первые же дни после переворота Екатерина пригласила Дашкову, как свою фаворитку, и Григория Орлова, как своего фаворита, во дворец на обед. Когда Дашкова пришла в зал, где был накрыт обеденный стол, и увидела там Орлова, сидящего на диване с вытянутой ногой (он её сильно ушиб), а к нему был придвинут стол, она поняла, что между императрицей и Орловым была связь, и это открытие ей чрезвычайно не понравилось. Екатерина II сразу заметила неудовольствие на лице Дашковой, и поняла, что Дашкова далека от её жизненного кредо, что с её особенно «честным» пониманием жизни ни один правитель не удержится на троне более двух месяцев. Дашкова, придерживаясь православной морали, не понимала, что такое фаворитизм, почему Екатерина, такая умная, образованная и культурная женщина, теперь уже Всероссийская императрица, избрала себе фаворитом грубого, невежественного солдафона, каким был Григорий Орлов. Она не понимала, что Екатерина взошла на трон на плечах гвардейских солдат, руководимых Орловыми, а не благодаря 19-летней Дашковой, которая рассказала о заговоре шести офицерам, трём вельможам и Панину.

Екатерина II никогда ни с кем не порывала взаимоотношений внезапно и грубо, потому что знала, что каждый человек, тем более умный, воспитанный и образованный, всегда когда-нибудь может пригодиться. А потому на глазах придворных она всегда относилась к Дашковой как к своей фаворитке, но дружеских встреч с ней стала избегать. Екатерина Романовна чувствовала это охлаждение к ней, но всегда приветливый тон Екатерины при встрече с ней, приглашения во дворец на обед, на балы, на императорские выходы, просто на проживание во дворце вместе с мужем, как фаворитке, — всё это не давало Дашковой официального повода считать себя отвергнутой, но холодок отношения она всегда ощущала. Когда однажды она пожелала жить во дворце рядом с Екатериной, то почему-то во дворце не нашлось для неё нужного помещения: все комнаты были заняты фавориткой императрицы Анной Никитичной Нарышкиной, с которой Дашкова находилась в конфликте «за клочок земли», как это определила Екатерина II. Екатерина Романовна не знала, что

комнат не нашлось по распоряжению императрицы, но почувствовала, что это неспроста.

Муж Екатерины Романовны — князь Михаил Дашков — был тайным поверенным Екатерины II, которая назначила князя Дашкова (незадолго до его отъезда в Польшу) начальником кирасирского полка, до того возглавлявшегося только немецкими командирами. Дашкова гордилась тем, что её муж, по её мнению, сумел сделать кирасирский полк самым лучшим полком в России. (Странно, но своего мужа в «Записках» она всегда называет только «князь Дашков», как чужого человека, так что читатель до конца её воспоминаний так от неё и не узнаёт, каково было его имя.)

Екатерина II доверила князю Дашкову с его кирасирским полком возведение Понятовского на польский трон. Дашков при поддержке введённого в Польшу российского войска должен был обеспечить (где уговорами, где подкупом, где намёком на присутствие войска) положительное голосование Сейма за Понятовского. Что и было сделано безупречно. Но в Россию Дашков не вернулся. Он умер в Польше от «лихорадки, связанной с болезнью горла». Так ли было это? В своих воспоминаниях, спустя много лет, Дашкова несколько раз упоминает о его болезни горла и в связи с этим о жестокой лихорадке, которой он был подвержен. Может, так было надо?

Известие о смерти князя Дашкова, который, выполнив задание, уже возвращался со своими кирасирами домой, но простудился в дороге и умер, подкосило двадцатилетнюю вдову с двумя детьми: сыном Павлом и дочерью Анастасией. Она долго болела. По её словам, князь Дашков оставил огромные долги, по выплате которых семья оказалась бы на грани разорения. Но 24 тысячи, подаренные ей Екатериной, от которых она было хотела отказаться, полностью покрыли долги, и разорение не состоялось.

Чувствуя холодок в отношениях с Екатериной и влиятельными при дворе людьми, Дашкова, как статс-дама, ссылаясь на тяжёлое материальное положение семьи, испросила у Екатерины отпуск и уехала с детьми в деревню, в имение мужа. Жизнь в деревне была значительно дешевле, чем в столице, и за 5 лет проживания в деревне Екатерине Романовне удалось скопить сумму, достаточную для длительного путешествия по Европе. Под предлогом необходимости дать сыну Павлу английское образование и воспитание после домашнего, проходившего по разработанной Дашковой методе, Екатерина Романовна, как статс-дама, должна была испросить у императрицы разрешение на выезд за границу. Посланные ею императрице два письма не получили ответа, и Дашкова сама отправилась в Петербург за

ответом Екатерина II встретила её весьма радушно, в разговоре выяснила, что Дашкова собирается вернуться и за границей будет развенчивать негативные мифы о России, и, разумеется, дала добро на выезд. А когда Дашкова вернулась в своё имение, курьер привез ей в подарок от императрицы 4 тысячи рублей. Екатерина Романовна возмущалась ничтожной, по её мнению, суммой, не хотела её брать, но затем, как она пишет в «Записках», составила список необходимых вещей, которые нужно было купить в дорогу, подсчитала их стоимость, взяла именно эту сумму, а оставшиеся деньги вернула курьеру. Она знала, что курьер доложит Екатерине в точности, как Дашкова приняла её подарок.

В декабре 1768 года Екатерина Романовна Дашкова с дочерью Анастасией и сыном Павлом отправилась в путешествие по Европе под псевдонимом «княгиня Михалкова». Европа уже знала статс-даму, кавалерственную даму Большого креста княгиню Дашкову, фаворитку российской императрицы, 18-летнюю девушку, по слухам, посадившую Екатерину II на престол. Придуманый псевдоним не мог скрыть её тайны: многие знатные и знаменитые люди в Европе знали Дашкову в лицо, потому что бывали в России и видели её при дворе рядом с Екатериной. Поэтому её радушно встречали многие знаменитости: и глава энциклопедистов Дидро, и Вольтер, и новые знакомые из высоких сфер и во Франции, и в Австрии, и в Швейцарии, и в Германии, и в Англии.

Дашкова ездила по европейским городам, знакомилась с их достопримечательностями, вела беседы с важными людьми, многих принимала у себя в гостинице или в арендованном ею доме. Она не стала беседовать только с одним человеком, настигшим её у Дидро, — Рюльером, написавшим мемуары о русской революции (то есть о перевороте). Она не приняла Рюльера для беседы по настоянию Дидро. Дашкова не слышала о его «мемуарах», а потому вначале хотела встретиться с этим человеком, но Дидро предостерёг её: «Я расскажу вам содержание их. Вы представлены во всей прелести ваших талантов, в полной красе женского пола. Но императрица обрисована совершенно в ином свете, как и польский король, с которым связь Екатерины раскрыта до последней подробности. Вследствие этого императрица поручила князю Голицыну перекупить это сочинение. Торг, однако, так глупо был поведен, что Рюльер успел сделать три копии своего сочинения и одну передать в кабинет иностранных дел, другую — в библиотеку мадам де Граммон, а третью преподнес парижскому архиепископу. После этой неудачи Екатерина поручила мне заключить условие с Рюльером, но все, что я мог сделать, — взять с него обещание не

издавать этих записок во время жизни как автора, так и государыни. Теперь вы видите, что ваш прием, сделанный Рюльеру, придал бы авторитета его книге, в высшей степени противной императрице, тем более что ее уже читали у мадам Жофрэн, у которой собираются все наши знаменитости, все замечательные иностранцы, и, следовательно, эта книга уже в полном ходу. Это, впрочем, не мешает мадам Жофрэн быть другом Понятовского, которого она во время пребывания его в Париже осыпала всевозможными ласками и потом писала ему как своему любимому сыну».

Конечно, и Дидро, и Вольтер, которые состояли с Екатериной II в постоянной переписке, и художники, получавшие от Екатерины денежную помощь и продававшие ей свои картины, и агенты Екатерины, следившие за Дашковой, — все отзывались о княгине с большим пиететом, отмечая её ум, образованность, воспитанность, деликатность, уважение к своей императрице и любовь к Отечеству.

По возвращении в Петербург Дашкова с детьми остановилась у своей сестры Полянской, бывшей фаворитке Петра III, теперь уже вышедшей замуж за Полянского. Это было не случайно: она могла остановиться у своего отца и в семье дяди, но ей надо было проверить Екатерину, прочна ли её милость. Явившись ко двору, Екатерина Романовна была очень ласково встречена Екатериной. Эту перемену отношения к ней Дашкова приписала отставке Григория Орлова, которого считала своим врагом, от которого исходили наветы на неё.

Правда, Дашкова говорила, что Екатерина к ней всегда была милостива, и отметила это в «Записках»: «Что бы ни писали люди, пользующиеся, за неимением другого авторитета, обыденной молвой, я должна оговориться, что совершенного разрыва между мной и Екатериной никогда не было». А охлаждение к ней императрицы она всегда относила на счёт негативного влияния на Екатерину фаворита Григория Орлова, который не любил Дашкову, видя, что она относится к нему презрительно, как к человеку второго сорта.

В июне 1779 года с благословения Екатерины II, пославшей Дашковой на дорогу 60 тысяч рублей, её статс-дама с сыном и дочерью отправилась в новое путешествие по Европе. Цель поездки — завершение обучения и воспитания сына князя Павла Михайловича Дашкова за границей. В своих мемуарах Дашкова ни словом не обмолвилась о её договорённостях с Екатериной II относительно программы пребывания в Западной Европе, кроме обучения сына и свадебного путешествия дочери, однако из отдельных упоминаний о занятиях Дашковой и её сына за

границей мы можем сделать вывод, что поручение от Екатерины Дашкова всё же получила и строго его выполняла, отправляя своей императрице отчёты о проделанной работе.

Разгадать, каковы это были поручения, нетрудно: это карантинный госпиталь в Ливорно, устроенный великим герцогом Леопольдом; план госпиталя, порядок содержания и его администрирование; это план, устройство, работа порта Террачино, считавшегося в то время самым лучшим и благоустроенным в Европе. Об этих объектах Дашкова написала так, словно она сама выбрала эти объекты для императрицы, потому что знает, что Екатерина вынуждена постоянно воевать, что ставит «нас в соприкосновение с южными народами и, следовательно, с эпидемическими болезнями». Екатерина II помнила эпидемию чумы и связанный с ней бунт в Москве, куда для борьбы с чумой и бунтовщиками был ею послан Григорий Орлов, вынужденный тогда превратить свой дом в карантинный госпиталь. Наличие такого госпиталя, где всё продумано и предусмотрено, было очень важно и для Москвы, и для Петербурга. Что касается плана и подробного отчёта о работе лучшего в Европе порта, то Екатерине II это было необходимо вдвойне, потому что в это время Потёмкин строил порты на Чёрном море и для него чертежи и все расчёты представляли огромную ценность, а для Екатерины II ознакомление с документами о порте Террачино было важно, чтобы читать отчёты Потёмкина о строительстве портов в Крыму со знанием дела. Чертежи порта Террачино делал сын Дашковой, которая постоянно показывала перед императрицей его знания, его умения после окончания воспитания и образования по системе, разработанной лично Дашковой, чтобы объявить, что её сын может быть востребован как специалист и в России, и за рубежом. При этом в письмах к императрице тщеславная Дашкова демонстрировала и свои педагогические способности, и преимущества её системы образования, потому что Екатерина открыла в эти годы Воспитательный дом (Смольный институт) для благородных девиц, систему воспитания и образования для которого разработала сама императрица при участии Бецкого, а Дашкову к этой работе не привлекала.

Путешествуя по Европе с благословения Екатерины II, как её статс-дама, её фаворитка, а не так, как в прошлое путешествие, какая-то княгиня Михалкова «в черном платье и такой же шали, с самой скромной причёской», Дашкова была принята государями разных стран и княжеств. В Берлине король Пруссии Фридрих II, который в эти годы вместе с российской императрицей и австрийским императором Иосифом II занимался разделом

Польши, принял её без какой-либо задержки. В Париже королева Мария-Антуанетта встретилась с Дашковой в доме своей ближайшей подруги-фаворитки Жюли Полиньяк (что, заметим, к сожалению, не делало особой чести Дашковой, потому что не только Париж — вся Франция уже знала, какие оргии проходят в этом доме). В Риме, в Ватикане, Папа Пий VI, которого Дашкова встретила в соборе Св. Петра, удостоил её беседы и даже предложил сообщить ему о её отъезде в Неаполь по восстановленной им старой дороге, чтобы приготовить ей лошадей, «потому что там еще нет ни почты, ни других необходимых удобств».

В Неаполе Дашкова была представлена королю, и он принял её настолько ласково и гостеприимно, что её сын мог иногда участвовать в королевской охоте. В Вене император Иосиф II, несмотря на недомогание, дал ей аудиенцию. В Ливорно герцог Леопольд предоставил ей полную возможность снять план и получить документацию карантинного госпиталя. В Лондоне Екатерину Романовну Дашкову тоже ждал благожелательный приём, потому что было много людей высокого ранга, знакомых с семейством Воронцовых. Её старший и любимый брат Александр Романович Воронцов в течение двух лет (1761–1763) был в Лондоне полномочным представителем России.

Екатерина Романовна искала и покупала для своей коллекции особенно ценные минералы. И нашла продававшуюся недорого коллекцию минералов, которую с её подачи купила Екатерина II для основанного ею в 1764 году Императорского Эрмитажа.

Однажды Дашкова в подземелье, куда её привели в поисках минералов, случайно наткнулась, даже ушибив ногу, на два больших полудрагоценных камня. Она купила их и заказала сделать из них декоративные столики в подарок Екатерине. Но Екатерина такой дорогой подарок не приняла. Дашкова после кончины Екатерины подарила их Александру I. Эти столики до сих пор украшают интерьер одного из залов Эрмитажа.

В Неаполе Дашкова получила письмо от Екатерины, в котором та очень любезно благодарила её за план карантинного госпиталя, обещала по её возвращении в Петербург устроить её сыну блестящую карьеру, назначить его камер-юнкером, что давало чин бригадира (V класс Табели о рангах). Эта любезность Екатерины, с одной стороны, её очень обрадовала, но с другой — взволновала. Еще в первую поездку по Европе «княгиня Михалкова» с сыном случайно встретили путешествующего с женой Григория Орлова. Грубый солдафон, он напрямую заявил им, что сожалеет о том, что, когда они вернутся в Петербург, его

там не будет, и он, к сожалению, не удостоится чести рекомендовать князя Павла Дашкова императрице в качестве фаворита. На испуганное возражение Дашковой, что такие вещи нельзя говорить, да еще в присутствии молодого человека, Орлов заявил; весь двор знает, что Дашкова столько лет даёт особое воспитание и образование своему сыну, готовя его в фавориты для императрицы. Конечно, слушать такое, да ещё при сыне, Дашковой было весьма неприятно. Вот почему полученное ласковое и доброжелательное письмо государыни с предложением карьеры для сына при дворе, начиная с камер-юнкерства, читать было и сладко, и тревожно.

В начале 1782 года, по окончании Павлом университета, Екатерина II предложила Дашковой вернуться в Петербург. По возвращении Дашковых на родину Екатерина обласкала Екатерину Романовну так, что весь двор увидел: Дашкова не формально, а реально — фаворитка императрицы. По желанию, высказанному Екатериной Романовной, Екатерина пригласила её вместе с детьми в Царское Село на обед. Во дворце её встретил светлейший князь Потёмкин, который спросил, чего желает княгиня относительно князя Дашкова и каков его чин в армии. По тогдашним правилам Дашков был в юном возрасте зачислен в армию юнкером, чтобы ежегодно его заочно повышали в чине. Но пока повышения не были зарегистрированы, юнкер Дашков, по дворцовым правилам, не имел права сидеть за одним столом с императрицей. Однако Екатерина сказала громко, чтобы слышала вся свита: «Я нарочно хотела оставить вашего сына юнкером еще на один день и в этом качестве пригласила его обедать с собой, чтобы показать мое отличное внимание, с которым я ставлю ваших детей выше всех других». За обедом Екатерина посадила Дашкову рядом с собой и говорила исключительно с ней. Княгиня Дашкова была счастлива настолько, что пренебрегла мучившим её ревматизмом и весь вечер сопровождала императрицу в её вечерней прогулке. На следующий день Екатерина Романовна получила копию указа, по которому князь Дашков был произведён в капитаны Семёновского гвардейского полка, что давало ему армейский чин лейтенант-полковника.

Теперь первая статс-дама княгиня Дашкова два раза в неделю непременно виделась со своей благодетельницей. Узнав, что Дашкова живёт за городом, на даче, где от сырости осложняется её ревматизм, Екатерина подарила ей дом в Петербурге на выбор, какой Дашкова захочет купить. А через некоторое время она подарила Екатерине Романовне поместье Круглово.

С помощью Потёмкина, которого Дашкова считала своим другом, лейтенант-полковник Павел Дашков был направлен в

действующую Южную армию, возглавляемую светлейшим князем, на такое место, которое исключало всякие опасения за его жизнь.

Чем можно объяснить такую государынину милость к Дашковой? Ну, во-первых, Дашкова за границей безусловно выступила перед европейскими правителями как представительница великой державы и великой самодержицы Российской Екатерины II. Во-вторых, Екатерина, видимо, соскучившись по общению с высокообразованной и умной женщиной, которая понимает важность для России воспитания новых людей, образования, развития науки, культуры, искусства, уже поняла, что преданная ей талантливая Дашкова может очень много сделать для России в этой области.

Поэтому Дашкова неожиданно для неё получила от императрицы предложение стать директором Академии наук. Екатерина Романовна отказывалась от этой престижной, но и весьма ответственной должности. Её аргументом было то, что она не занимается наукой, не оканчивала университета и не имеет ни научной степени, ни учёного звания, не читает лекций в университете, да к тому же она — женщина, а женщине не положено руководить учёными мужами. Но Екатерина твёрдо настаивала на своём, потому что знала, что по всем необходимым параметрам (ум, совесть, работоспособность, знания, финансовый расчёт, честность и щепетильность в решении любых задач) никто не подходит к этой должности так, как княгиня Дашкова. И несмотря на отказы и уверения в невозможности этого со стороны Екатерины Романовны, Екатерина II издала указ о назначении Дашковой на пост директора Академии наук.

Каков был вклад княгини Дашковой в развитие Академии наук и в создании Российской Академии наук?

С первого дня своего назначения Дашкова повела себя как опытный руководитель. Вот как написала об этом сама Дашкова: «Первым моим делом после этого назначения была отсылка копии указа в Академию. Я хотела, чтобы комиссия еще два дня заседала и немедленно довела до моего сведения отчет о различных отраслях академической деятельности, о состоянии типографии вместе с именами библиотекарей и зрителей разных кабинетов, чтобы начальники каждого отделения представили мне на другой день рапорт о своих должностях и обо всем, что подлежит их управлению. В то же время я просила комиссию сообщить мне все, что она считает наиболее важным относительно обязанностей директора». Вот так сумела Дашкова, что называется, «взять быка за рога».

По принятому обычаю, придворные один за другим стали поздравлять княгиню Дашкову с царской милостью, а затем

профессора Академии посетили её, чтобы выразить своё почтение. Екатерина Романовна обещала им, что в любом случае, если понадобится, дверь её дома всегда будет открыта для членов Академии. В свою очередь Дашкова стала навещать известных академиков, чтобы поближе познакомиться с ними, и начала со знаменитого математика Леонарда Эйлера, а затем познакомилась и с другими: с биологом и географом П. С. Палласом, путешественником и натуралистом И. И. Лепёхиным, астрономами П. Б. Иноходцевым, А. И. Лекселем, С. Я. Румовским. Встречи с цветом профессуры обеспечили ей поддержку в научных кругах.

Даже на первое заседание — представление членам академии нового директора княгини Дашковой — Екатерина Романовна приехала с Эйлером. В своей речи она засвидетельствовала своё высокое уважение к науке и выразила глубокое почтение Эйлеру, «одному из величайших математиков своего века», как она его охарактеризовала. По её словам, «не было ни одного профессора (за исключением „аллегорического“), который бы не сочувствовал моему отзыву и со слезами на глазах не признавал заслуг и первенства этого почтенного ученого». Это был тонкий расчёт: никогда до этого в Академии не признавали так научных заслуг, что внушало надежду на поддержку научных изысканий — самое дорогое для настоящего учёного.

Тотчас после официальной части Дашкова прошла в канцелярию и потребовала от академических чиновников список всех экономических дел Академии, то есть сразу начала работать как директор. Она сказала им, что «за стенами академии носится слух о великих беспорядках при последнем директоре», который будто бы «не только разорил академическую казну, но и ввел ее в долги». И предложила общими усилиями изживать злоупотребления. Новый директор княгиня Дашкова предупредила своих сотрудников относительно Академии: «Я не хочу обогащаться за её счёт и отнюдь не позволю своим подчиненным разорять ее взятками. И если я увижу, что ваше поведение совершенно отвечает моему желанию, я не замедлю наградить ревностного и достойного повышением в чине или прибавкой жалования». Обратите внимание, дорогой читатель, она не стала угрожать наказаниями, как это — увы! — практикуется в современном обществе, а нарисовала перспективу награждения за достойный труд и поведение.

Обычно коронные чиновники перед вхождением в должность приводились к присяге, и Дашковой тоже предстояло пройти через этот обряд. Тем более что Екатерина II, отвечая на вопрос, нужно ли княгиню Дашкову, ввиду её придворного статуса,

приводить к присяге, сказала: «Без сомнения. Я не тайком назначила княгиню Дашкову директором академии. Хотя я не нуждаюсь в новом доказательстве ее верности мне и Отечеству, но этот торжественный акт мне очень угоден: он дает гласность и санкцию моему определению».

На заседании Сената княгиня Дашкова принесла присягу в верности государыне Всероссийской и Отечеству.

Чтобы не брать на себя чужие грехи (источники академических доходов были истощены, за академией числились немалые долги, финансовые отчёты были смешаны и запутаны), Дашкова попросила генерал-прокурора Сената князя Вяземского передать ей документы, свидетельствующие об академических неурядицах, особенно жалобы на отставного директора Домашнева, его ответы с защитой и протестами, «чтобы уяснить свою собственную деятельность».

Екатерине Романовне с величайшим трудом удалось установить два источника академических доходов: 1) «экономическую сумму», то есть собственный источник доходов от продажи уже изданных академических трудов на 30 % ниже их обычной стоимости, и 2) деньги по смете, которые академия получала из государственного казначейства.

Из первого источника Дашковой удалось оплатить долги книгопродавцам: русским, французским и голландским, а после освобождения от этих долгов копить деньги для восполнения недоимок казенного фонда. Ввиду запущенности здания академии и её служб Дашкова испросила у государственного казначейства, которым заведовал государственный казначей князь Вяземский, сумму в соответствии с предстоящими затратами по ремонту, но и для повышения оплаты труда как членам академии, так и обслуживающему персоналу.

Екатерина Романовна всеми силами старалась увеличить доход от издания академических трудов для того, чтобы были деньги на непредвиденные расходы, на награждения, на покупку оборудования, необходимого в исследовательской работе учёных. И это ей очень неплохо удавалось, так что за счёт «экономических сумм» она сумела увеличить число слушателей Академии, получающих образование за казённый счёт, до 90 человек, открыла три новые кафедры: математики, геометрии и естественной истории — и открыла двери Академии для всех желающих посещать лекции, которые читались на русском языке. Эти действия директора повысили престиж Академии, а с тем и русского языка. Чтение лекций Дашкова оценила таким образом «Я часто сама слушала их и с радостью убедилась в том, что это учреждение принесло большую пользу сыновьям бедных дворян и

низших гвардейских офицеров». Профессора, читавшие эти лекции, в конце курса получали вознаграждение в размере двухсот рублей, которые отпускались тоже из «экономического» источника, доход которого складывался в основном от продажи переводов наиболее интересных европейских книг. Надо сказать, что Екатерина II ежегодно отпускала «из своей шкатулки» пять тысяч рублей на оплату переводов книг классических зарубежных писателей. Дашкова собрала под крышей Академии наиболее талантливых и работоспособных переводчиков английского, французского, немецкого, голландского и других языков, которые переводили вновь вышедшие книги как художественной, так и научной литературы. Они печатались в академической типографии и успешно продавались в лавках, с которыми был заключён договор. Отчёты о доходах от этой деятельности Дашкова направляла Екатерине I. Так Екатерина Романовна поставила своё предпринимательство на службу науке и просвещению.

Сама Дашкова увлеклась составлением новых и более точных карт различных местностей России. Это было необходимо ввиду реформы Екатерины II в области административно-территориального деления Российской империи, что требовало новых карт каждой местности: установления на них новых границ между областями, обозначения новых дорог и построек. Пользуясь тем, что Екатерина II установила местное самоуправление, учредила местную администрацию, местные суды, полицию и предводительство дворянское в каждой губернии и в каждом уезде, Дашкова связалась с областными наместниками с целью получения от них сведений для картографирования. Дело шло, но с затруднениями, потому что вся документация пересылалась через казначейство князя Вяземского и очень долго доходила до Академии. Составление новых карт стало одной из программ деятельности Академии.

В Академии, возглавляемой княгиней Дашковой, не было ни филологического факультета, ни даже кафедры русского языка. Но Екатерина Романовна, путешествуя за границей, видела во Франции и других странах национальные академии, занимавшиеся составлением национальных словарей и филологическими изысканиями в области своих национальных языков. Было ясно, что уже назрел вопрос о создании подобной академии в России. О том, как зародилась эта идея, по мнению Дашковой, и как она осуществилась, мы найдём в её «Записках»: «Однажды я гуляла с императрицей по Царскосельскому саду. Речь зашла о красоте и богатстве русского языка. Я выразила

удивление, почему государыня, способная оценить его достоинство и сама писатель, никогда не думала об основании Российской академии. Я заметила, что нужны только правила и хороший словарь, чтобы поставить наш язык в независимое положение от иностранных слов и выражений, не имеющих ни энергии, ни силы, свойственных нашему слову.

— Я сама удивляюсь, — сказала Екатерина, — почему эта мысль до сих пор не приведена в исполнение. Подобное учреждение для усовершенствования русского языка часто занимало меня, и я уже отдала приказание относительно его.

— Это поистине удивительно, — продолжала я. — Ничего не может быть легче, как осуществить этот план. Образцов для него очень много, и вам остается только выбрать из них самый лучший.

— Пожалуйста, представьте мне, княгиня, очерк какой-нибудь».

Княгиня попробовала переложить эту работу на секретарей императрицы, но Екатерина настояла на выполнении этого труда именно княгиней Дашковой и указом назначила свою статс-даму президентом будущей Российской академии. Императрица знала, что княгиня Дашкова успешно откроет новую академию и сумеет наладить в ней работу так, как надо, а может быть, и лучше.

Императрица была права. Екатерина Романовна была очень умным человеком и талантливым руководителем. Начиная работу Президента Российской Академии, Дашкова прежде всего купила для неё дом, провела в нём ремонт и обставила его необходимой мебелью. Занимаясь восстановлением первой Академии, она получила опыт обустройства необходимых помещений для работы учёных-академиков и обслуживающего их персонала, для приобретения необходимых книг и всякого рода канцелярских товаров. Поэтому ей нетрудно было и купить подходящий дом, и отремонтировать его, и расположить в нём помещения для работы учёных, для лекционного зала, для библиотеки и других необходимых нужд, где можно было разместить закупленное оборудование.

Казалось бы, финансовая сторона тоже была обеспечена, потому что сама императрица заботилась о ней. Однако экономная Дашкова считала, что и Российская Академия должна уметь самостоятельно зарабатывать деньги. Екатерина Романовна на основе типографии расширила своё предпринимательство, приносящее неплохой доход. Она опять, как и в первой Академии, организовала группу переводчиков, печатала переведённые на русский язык как классику французской, немецкой и английской литературы, так и зарубежные литературные новинки, заключила

договоры с книгопродавцами и успешно вела продажу этих книг. Так что умное руководство княгини позволило учредить новую Российскую Академию довольно быстро.

21 октября 1783 года в Петербурге состоялось торжественное открытие Императорской Российской Академии под председательством княгини Е. Р. Дашковой. В качестве членов Академии были приглашены поэты, драматурги, историки и публицисты: Г. Р. Державин, М. М. Херасков, В. И. Майков, Е. И. Костров, И. Ф. Богданович, И. И. Хемницер, М. М. Щербатов и другие. Помимо регулярных заседаний по вопросам русского языка, литературы и принципов создания словаря, чтения лекций, в том числе и публичных, проведения диспутов на филологические темы, Российская Академия основной своей задачей поставила создание первого толкового словаря русского языка. После долгих споров о выборе принципов отбора материала и его презентации в словаре Дашкова организовала словарную группу учёных, по алфавиту разделила предполагаемую работу и распределила между членами группы создание частей словаря по буквам. Екатерина Романовна, руководя группой в целом, взяла на себя ещё и труд написать часть словаря (две буквы). Словарь должен был быть толковым и строиться по корневому гнездовому принципу, то есть так: избиралось заглавное слово, состоящее только из основы (например, «сан», «дерево» и т. п.), а далее в словарную статью включались все имеющиеся слова с этим корнем, то есть производные от этого корня: сановитый, сановник, сановный, осанка и так далее. При каждом слове давалось его толкование.

После открытия Академия стала работать без промедления. Уже через месяц, 18 ноября 1783 года, на заседании Российской Академии Дашкова предложила ввести в русский алфавит букву «ё», что было одобрено всеми членами Академии.

Работа над словарём продолжалась в течение одиннадцати лет и закончилась в 1794 году. Выход в свет «Словаря Академии Российской» оказался настоящей сенсацией для российской просвещённой публики. Казалось, это был триумф княгини Дашковой. Однако Екатерине II словарь не понравился, потому что он был построен по гнездовому принципу. Дашкова сразу определила, что Екатерина это говорит под влиянием её фаворита Зубова, который ненавидел фаворитку княгиню Екатерину Романовну и поэтому позволял себе высказываться против всего, что делала Дашкова. Но и Дашкова отвечала ему такой же «взаимностью».

А между прочим, спустя почти 100 лет Владимир Иванович Даль издал «Толковый словарь живого великорусского языка»,

использовав тот же гнездовой принцип подачи материала. Профессор Казанского университета Бодуэн де Куртенэ, уже в начале XX века, очистив от сугубо областных, местных слов далевский словарь, оставил тот же принцип объединения слов в корневое гнездо, чем как бы вторично, после Даля, утвердил предложенный Дашковой метод создания первого русского толкового словаря.

Некоторые современные авторы пишут, что Дашкова «с огромным трудом добивалась выделения денег на организацию научных экспедиций». Возможно, Екатерина Романовна имела в своих планах организацию научных экспедиций, но ни одной экспедиции не организовала. В царствование Екатерины II в основном занимались присоединением к России новых земель: Крыма, Кубани, Тамани, Восточной Грузии и даже Америки. В 1784 году иркутский купец 1-й гильдии Григорий Иванович Шелихов, который успешно вёл торговлю с американскими индейцами, начал российское освоение (заселение) Аляски и тихоокеанских берегов Калифорнии. Но таких экспедиций, как, например, Великая Северная экспедиция (Вторая Камчатская) 1733–1743 годов с участием В. И. Беринга, С. И. Челюскина и братьев Лаптевых, начавшаяся при Анне Иоанновне, а закончившаяся при Елизавете Петровне, в царствование Екатерины II не проводилось. Вероятнее всего, Екатерина Романовна, в условиях постоянных войн, требующих огромных средств, денег на экспедиции так и не добилась.

При академиях была организована гимназия, кроме того, уже существовал Смольный институт и многие другие учебные заведения, и княгиня Дашкова, которая в течение многих лет разрабатывала программы воспитания и обучения для своих сына и дочери, имея практический педагогический опыт, не могла отказаться от составления новых программ для академической гимназии. Эти программы и методические предложения Дашковой обсуждались на заседаниях Академии, которые посещались преподавателями институтов, пансионов для благородных девиц и кадетских корпусов, поэтому частично применялись также и в Смольном институте.

Президент Российской Академии основала и журнал, название которого «Собеседник любителей Российского слова» показывало его направление. Журнал объединял известных писателей, поэтов, драматургов, журналистов; писали статьи для этого журнала и Екатерина II, и сама Дашкова.

Екатерина II, отдав бразды правления во многих экономических и политических областях Платону Зубову, неумному, но хитрому, алчному и недоброжелательному к людям

фавориту, в своей последней любви полностью предала и душу и тело молодому авантюристу и его брату Валериану. Потёмкин попробовал объяснить ей, что Зубов ведёт предательскую политику по отношению к ней, пытается наладить своё служение великому князю Павлу Петровичу, Екатерина не стала его даже слушать, и он уехал в свою Южную армию на заключение мира с турками с сокрушённым сердцем и великою печалью. 5 октября 1791 года светлейший князь Григорий Александрович Потёмкин скончался, спеша на переговоры с турками по заключению мира. Это был единственный фаворит императрицы, который не был врагом Дашковой, а, наоборот, во многом ей помогал.

Надо сказать, что Дашкова в придворных кругах слыла особой со «взбалмошным характером». Она терпеть не могла Екатерининных фаворитов, и с первым же из них — Григорием Орловым — сразу же вступила в неприязненные отношения, что вызвало у вновь испечённой императрицы охлаждение к своей подруге. Было у неё столкновение и с Ланским Со всеми ласковый, вежливый и деликатный, с Дашковой, по её отзывам, он был груб. Фаворитом-врагом был для Дашковой и Александр Дмитриев-Мамонов. Ненавидела она и считала своим врагом Зубова, который не раз устраивал ей подлые провокации и вызывал у императрицы гнев против неё. Даже при последнем свидании императрицы с Дашковой во время её отставки с поста Президента двух Академий в августе 1794 года Зубов всячески старался сорвать это свидание, а императрица под его влиянием не захотела даже по-дружески проститься со своей фавориткой, столько лет служившей ей верой и правдой, как никакая другая статс-дама при её дворе.

В своих воспоминаниях княгиня Екатерина Романовна написала: «Я всегда держала себя настороже с любовниками Екатерины; с некоторыми из них я была совсем не в ладах, что побуждало их ставить меня в двусмысленное положение по отношению к императрице, раздувать между нами вражду, а я вследствие своей врожденной вспыльчивости нередко забывалась и вызывала с ее стороны заслуженное негодование.

Между моими врагами-фаворитами был граф Момонов, желавший, подобно своим предшественникам, поссорить меня с Екатериной. Будучи похитрей своих собратьев, он заметил, что я на обыкновенную удочку не поддамся, поэтому он избрал самый удачный способ — использовать меня и моего сына ради своей цели. К счастью, моя привязанность к императрице основывалась на уважении. Опыт доказал мне, как мало я была обязана доброжелательности царского гарема. Отнюдь не преклоняясь, подобно остальному стаду, перед любовниками, когда они были в

силе, я не хотела признавать и их влияния. Вместе с тем мне ясно было видно, когда Екатерина действовала по отношению ко мне под влиянием их интриг, а когда слушалась внушений своего собственного сердца».

Екатерина не любила Дашкову. Ещё тогда, когда Дашкова стала действовать, желая возвести свою подругу (а она считала, что это её самая близкая подруга) на престол, Екатерина и её близкое окружение проявляли к ней большую осторожность: не «подсадная ли это утка»? И действительно, Пётр III — крестный отец Дашковой, его фаворитка Елизавета Романовна Воронцова, ради которой он хочет свою супругу сослать в монастырь, её родная (!) сестра, а сама она 19-летняя, правда, начитанная, но не разбирающаяся ни в людях, ни в политике и много среди людей болтающая глупышка. А выпад Дашковой против фаворита Григория Орлова показал, что она не понимает политики вообще, всё рубит с плеча, не может взять в толк, что Екатерина этому грубому мужлану обязана трон и, пока не утвердилась на троне, должна уповать на него, вернее, на его гвардейские штыки. После переворота Дашкова стала вести себя как хозяйка: делать язвительные замечания в адрес фаворита, показывать императрице своё неудовольствие. А главное — всем рассказывать, что это благодаря её стараниям удалось посадить Екатерину на трон. Всё это на долгое время отдалило Дашкову от императрицы, но ни в коем случае не до конца: Дашкова, повзрослевшая, умная, за рубежом повысившая вместе с детьми свою образованность и зрелость мысли, может пригодиться не в дружеских, а в государственных делах. Так Дашкова опять оказалась в фаворе. И сторицей заплатила за доверие императрицы своими по сути государственными делами, поднявшими престиж России в учёном, в большей степени в мире культурном.

Дашкова всегда была искренней перед государыней и всегда была ей верной; она любила Екатерину, считала её необыкновенной женщиной и была счастлива, когда ей казалось, что и Екатерина любит её.

Смерть императрицы застала Дашкову в её усадьбе Троицкое. Они не виделись с Екатериной около двух лет, поэтому кончина императрицы оказалась для княгини неожиданной. Зная нрав Павла, Екатерина Романовна стала ждать плохих известий, и они не замедлили явиться. Павел в срочном порядке потребовал выселения Дашковой из Троицкого и отправки в ссылку в глухую деревню, принадлежавшую её сыну. Он возненавидел Дашкову за то, что она возвела его мать на престол и была её сподвижницей. Он не понимал, что именно возведение его матери на престол

сделало его Наследником Ведь если бы Пётр III сослал Екатерину в монастырь и женился на Елизавете Воронцовой, то наследником бы стал, сын Елизаветы, а не он, Павел. Дашкова с дочерью Анастасией и слугами провела в ссылке в тяжёлых, непривычных для неё условиях около года. При дворе остались её друзья, которые не переставая хлопотали о её возвращении. По их просьбе подключились к этим хлопотам императрица Мария Феодоровна, супруга Павла I, и его фаворитка Нелидова, и им удалось смягчить сердце Павла: он разрешил Дашковой вернуться в Троицкое, но ни в коем случае не находиться поблизости от августейшей семьи.

В 1798 году князь Павел Дашков оказался у императора Павла в фаворе. Павла I привлекало его умение делать стратегические чертежи и планы. Князь Дашков тоже помог снять со своей матери часть уз. Но, как это было в обычае нервного и потому непредсказуемого императора, через год и князь Дашков попал к Павлу в немилость и был уволен со своего поста.

Дашкова жила в своём имении Троицкое, занималась его ремонтом и усовершенствованием, сажала фруктовые деревья и наслаждалась природой. Теперь трудно это себе представить, потому что Троицкое в наши дни — это научный городок, и от прежней жизни княгини Дашковой не осталось и следа.

Как известно, Павел I процарствовал всего лишь 4 года и неполных 5 месяцев и в ночь с 11 на 12 марта 1801 года был задушен в своей спальне заговорщиками. Приход к власти Александра I для Дашковой был ознаменован приглашением царя вернуться ко двору. Дашкова с гордостью пишет о коронации Александра I, когда она в коронационной процессии ехала в одной карете с императрицей Елизаветой Алексеевной как старшая статс-дама Высочайшего двора. Но быть при дворе постоянно Дашкова уже не могла: обстановка двора совершенно изменилась, и не хотелось выглядеть чужой и старомодной, да и возраст, и болезни диктовали другую, спокойную жизнь.

Император Александр, испытывая почтение к её великим заслугам, старался облегчить ей жизнь и так же, как его бабушка Екатерина II, помогал ей материально, например выплатил полностью взятый ею кредит в банке.

Дашкова жила в Троицком, писала свои воспоминания, или «Записки княгини», которые, как вы заметили, дорогие читатели, в изобилии цитировались в этой книге. Её навещали знакомые ей по путешествию английские леди, дружбой с которыми она очень дорожила. В честь одной из них, леди Гамильтон, она даже назвала одну из своих деревень — Гамильтон. А другой своей подруге-англичанке, мисс Уильмот, она посвятила свой труд —

«Записки княгини» с письмом-посвящением.

Светлой памяти княгиня Екатерина Романовна Дашкова, урожденная Воронцова, скончалась 4 января 1810 года, пережив свою императрицу Екатерину II почти на 14 лет, ровно на столько, на сколько она была моложе своей императрицы.

Екатерина Романовна Дашкова, одна из фавориток Екатерины Великой, вошла в историю России как образованнейшая, талантливейшая женщина своей эпохи, поднявшая в глазах Западной Европы и всего мира славу России в области просвещения, культуры, науки и научного изучения русского языка.

Александра Васильевна Браницкая (урожденная Энгельгардт) (1754–1838). Александра Васильевна Энгельгардт, в замужестве графиня Браницкая, стала фавориткой Екатерины II, фрейлиной, статс-дамой, а затем и гофмейстериной Высочайшего двора благодаря своему родному дяде, фавориту императрицы Екатерины II — Григорию Александровичу Потёмкину.

Родная сестра светлейшего князя Г. А. Потёмкина — Елена Александровна — была замужем за ротмистром смоленской шляхты — Василием Андреевичем Энгельгардтом. Елена Александровна умерла рано, ещё молодой женщиной, оставив трёх своих дочерей — Александру, Екатерину и Варвару — на попечение своей матери, жившей в глухом поместье одного из уездов Смоленской губернии.

Девочки были обласканы бабушкой, но, живя в глуши, не получили ни должного дворянского воспитания, ни необходимого для дворянок образования.

Когда в 1775 году Потёмкин, уже будучи фаворитом, вернулся ко двору Екатерины II после выполненного поручения — поимки Пугачёва, он обратился к своей благодетельнице с просьбой взять ко двору его трёх племянниц, к этому времени ставших уже девушками. Императрица дала такое разрешение, и три сестры — Александра, Екатерина и Варвара, вызванные дядей Григорием в Москву, где в то время пребывал двор, предстали пред очи императрицы Екатерины II. Сёстры Энгельгардт понравились императрице, все они, в том числе и Александра, получили фрейлинский шифр и вместе с двором отправились в Петербург. Для служения при Императорском дворе новоиспечённые фрейлины должны были восполнить пробелы в своём воспитании и образовании.

Александра, как и её сёстры, была необразованной девушкой, совершенно не знакомой с этикетом блестящего екатерининского двора, не имела понятия о его обычаях и нравах, но она была умна, умела быстро ориентироваться в обстоятельствах и даже,

как показала её дальнейшая жизнь, была во многом талантлива.

И здесь, при дворе, она оказалась наиболее из сестёр старательной. Александра серьёзно и неустанно занималась своим самообразованием, с особой тщательностью и быстротой выполняла поручения императрицы, а в порядке самовоспитания — в одежде, в походке, в манере говорить, в обхождении с людьми брала пример с обожаемой ею императрицы. Прилежание Александры, заметные её успехи в образовании вызвали особую симпатию у Екатерины II, которая всегда уважала тех, кто стремится к культуре. Не оставляла Екатерина своей милостью и двух её сестёр — Екатерину и Варвару.

Прошло 2 года со дня приезда ко двору фрейлины Александры Энгельгардт, и ввиду её видимых успехов на этом поприще 24 ноября 1777 года она была высочайше пожалована званием камер-фрейлины с правом ношения на левой стороне груди, у плеча, на голубом муаровом банте, осыпанного бриллиантами портрета императрицы.

Двор принял её повышение благосклонно, чему способствовали милостивое к ней отношение августейшей благодетельницы и присутствие рядом могущественного дяди, фаворита Григория Александровича Потёмкина, который всегда был на стороне интересов своих племянниц, особенно Александры, и щедро их всех одаривал.

Александра хорошо вписалась в жизнь двора. Её царственная походка, всегда приветливое выражение лица, ласковое, доброе обхождение с людьми, а благодаря подражанию императрице умение безупречно одеваться — всё это показывало, что она вполне соответствует званию камер-фрейлины.

Забегая вперёд, надо сказать, что Александра Васильевна прошла всю иерархическую лестницу российского императорского двора: сначала в звании фрейлины Высочайшего двора (1775), затем камер-фрейлины (1777), потом статс-дамы (1781) и, наконец, самого высокого звания — её высокопревосходительства обер-гофмейстерины Высочайшего двора (1824). Она имела также звание «кавалерственной дамы Большого креста», то есть I степени ордена Св. Екатерины, и орден этот она получила не «ввиду заслуг её мужа», как получали многие дамы большого и малых дворов, а за свои личные заслуги.

В высшем свете ходили слухи, что Потёмкин всех своих племянниц сделал своими любовницами. Теперь трудно сказать, было ли это правдой. Но как-то не верится, что, имея апартаменты, соединённые с апартаментами императрицы, во дворце, где проживали и её фрейлины, фаворит Потёмкин позволил бы себе такой разврат, выходящий даже за рамки

правил фаворитизма. Вряд ли Екатерина позволила бы такое любовное смешение на глазах у неё и её двора.

В те времена ещё не знали слов «фаворит», «фаворитка», а слово «любовница» употреблялось в значениях и «любимица», и «любовница». Возможно, кто-то из вельмож употребил выражение «племянницы-любимицы», а злые языки превратили это в «племянницы-любовницы».

Да, Потёмкин очень любил своих племянниц, всегда чувствовал ответственность за них как дочерей-сирот его умершей родной сестры, заботился о них и их всячески поддерживал и одаривал. Но больше всех он любил Александру, потому что его с ней связывали не только родственные узы, но и дела: он сотрудничал с ней, как деловой партнёр, и в политике, и в коммерции. Александра была близка Григорию Александровичу и по духу, и по чувству гражданского долга. Не имея родителей, она относилась к нему, как к родному отцу, всегда заботилась о нём, о его здоровье, особенно после того, как он перестал быть фаворитом — любовником Екатерины II, но сохранил звание фаворита и стал государственным деятелем, главным помощником императрицы в управлении Российской империей. В 1780 году он вместе с императрицей решал польские дела, особенно вопрос о втором разделе Польши. Это был трудный вопрос, разрешать который приходилось в условиях слабой власти польского короля Августа-Станислава (бывшего любовника Екатерины II, посаженного ею на польский престол), серьёзных разногласий в Сейме и своеволия шляхты. При этом постоянно велась религиозная борьба за окатоличивание населения Речи Посполитой. Поэтому в интересах России было привлечь к сотрудничеству как можно больше знатных, авторитетных шляхтичей.

Заметив особый интерес к Александре Васильевне Энгельгардт со стороны коронного великого польского гетмана графа Ксаверия Петровича Браницкого, Потёмкин от своего имени и имени императрицы обратился к Александре с просьбой не отвергать ухаживаний Браницкого, а напротив того — быть особенно любезной с ним. Александра Васильевна поняла политическую важность привлечения на русскую службу великого коронного (то есть имеющего право на корону) гетмана и, не думая о своих чувствах и личном своём счастье, приняла предложение Браницкого и с одобрения Екатерины II сочеталась с ним браком. Граф Ксаверий Браницкий был принят на русскую службу в чине генерал-аншефа (II класс Табели о рангах), Александра Васильевна стала графиней Браницкой. От их брака родилась дочь Елизавета Ксаверьевна Браницкая, по мужу

Воронцова, известная любовь Александра Сергеевича Пушкина, посвятившего ей пять блистательных любовных стихотворений.

В день свадьбы Сашеньки Энгельгардт, 12 ноября 1781 года, Екатерина II пожаловала свою фаворитку, отныне графиню Александру Васильевну Браницкую, званием статс-дамы.

С этого времени Александра жила летом в подаренном ей мужем имении Александрия или в поместье мужа Белая Церковь, а зимой — для исполнения своих обязанностей статс-дамы — в петербургском императорском дворце, где в её отсутствие всегда сохранялись за ней комнаты рядом с апартаментами императрицы, «стол» (питание) и право обедать за столом императрицы. Придворной конторе это обходилось ежегодно в 400 рублей.

Как статс-дама Высочайшего двора, графиня Браницкая в 1783 году сопровождала императрицу в её путешествии по Днепру в Крым на галере Потёмкина «Буг». Она присутствовала при первом свидании Екатерины II с императором Иосифом II, принявшим участие в поездке в Крым и по Крыму. А как супруга коронного великого гетмана графа Ксаверия Браницкого сопровождала мужа на польский Сейм, что имело большое значение для российско-польских отношений в условиях Второго раздела Польши.

Граф Ксаверий Браницкий хоть и был «великим и коронным», но был почти разорён. Тем не менее он подарил своей молодой жене имение недалеко от Белой Церкви, которое в её честь назвал Александрией. А в Белой Церкви находилось принадлежавшее ему поместье — увы! — имеющее немалые долги. Александра Васильевна, как мы знаем, не имела никакого образования, тем более экономического, но взявшись за ведение хозяйства Александрии и хозяйства своего мужа в Белой Церкви, проявила себя как опытный и талантливый экономист, а выражаясь современным языком, как удачливая бизнес-леди. Своей бережливостью, финансовой рассчётливостью, деловым экономическим предвидением Александра Васильевна не раз спасала графа Браницкого от полного разорения. Удачно, с хорошей прибылью вела она и партнёрские дела с генерал-фельдмаршалом Южной армии Г. А. Потёмкиным, который отправлял ей заказы на поставку различного рода товаров для действующей армии в Русско-турецкой войне. Товары, ею поставляемые, приходили в срок и были качественными, что вполне удовлетворяло генерал-фельдмаршала, заботившегося о своих солдатах и офицерах, а не только о любимой племяннице. Финансовые дела графини Браницкой шли настолько хорошо, что она втрое увеличила состояние своего мужа, а своё состояние

повысила до 28 миллионов рублей.

Преуспевание имений Браницких привлекло к Александре Васильевне хозяев соседних и даже дальних поместий, которые хотели, чтобы она поделилась с ними своим удачливым опытом, и графиня охотно делилась с ними своими экономическими секретами, помогая тем самым спасти их имения от разорения.

Подлинной страстью графини Браницкой было разведение деревьев, создание парков. Вокруг своего имения Александрия и в поместье Белая Церковь Александра Васильевна насадила великолепные парки с разными деревьями, среди которых было много редких пород, которые она выписывала из-за границы. Она сама ухаживала за деревьями, сажала их, поливала, подкармливала, спасала от мороза, жары и насекомых.

Парк Александрии, на радость ботаников, жив до сих пор. Своей красотой и великолепием он привлекает множество туристов, которые восхищаются его парковой архитектурой, его вековыми деревьями, особенно деревьями редких пород.

Несмотря на своё миллионное состояние, графиня в своём имении жила в скромном деревянном доме и вела скромный и экономный образ жизни. Среди людей она слыла скопидомкой, потому что мало кто знал, какие огромные средства она тратит на анонимную благотворительность.

Осенью 1791 года, узнав о том, что её любимый дядя вернулся из Петербурга в свою ставку совершенно больной, Александра Васильевна поспешила к нему в Николаев, чтобы ухаживать за ним. Но он считал своим долгом исправить ошибку Н. И. Панина, который в предварительном мирном договоре с турками не учёл в должной мере интересов России, внести в окончательный вариант мирного русско-турецкого договора существенные поправки. Александра Васильевна отправилась с Потёмкиным на переговоры в Яссы, но в дороге, в 40 километрах от Ясс, Потёмкину стало плохо. Его вынесли из кареты и положили на траву, но он скончался буквально на руках своей племянницы. На месте его кончины Александра Васильевна поставила памятник в виде мраморной колонны. Она заказала живописцу Франческо Казанове картину, изображавшую смерть Потёмкина. С этой картины художником Скородумовым была сделана гравюра. Картина Казановы не дошла до нас, поэтому её содержание известно только по гравюре Скородумова. По завещанию Потёмкина, графиня Браницкая унаследовала большую часть его вотчин и имений. В память о своём дяде светлейшем князе Г. А. Потёмкине, великом государственном деятеле, она учредила больницу для всех сословий, назвав её в его честь Григорьевской. 200 тысяч рублей она пожертвовала на

выкуп из тюрьмы бедных людей, несостоятельных должников.

Через год с небольшим после кончины дяди Григория Александровича, 8 сентября 1792 года, у четы Браницких родилась дочь, Елизавета Ксаверьевна, вошедшая в русскую историю благодаря любви к ней А. С. Пушкина. Александра Васильевна воспитывала свою дочь в строгости и дала ей первоначально очень хорошее, но домашнее образование, которое проходило то в Александрии, то в Белой Церкви.

Забегая вперёд, скажем, что в 1807 году пятнадцатилетняя Елизавета была пожалована фрейлиной малого двора вдовствующей императрицы Марии Феодоровны. Однако на самом деле Елизавета продолжала проживать то в имении отца, то в имении матери. Александра Васильевна не желала, чтобы дочь до замужества находилась при дворе, в атмосфере фаворитизма, по сути вседозволенности. Она очень высоко ценила и уважала Александра I, но хорошо знала, что он — великий покоритель сердец красивых девушек. А её Елизавета хоть и не красавица, но весьма привлекательная девушка, пленявшая своей очаровательной улыбкой и нежным взглядом небольших, медовых глаз. «К тому же польское кокетство пробивалось в ней сквозь большую скромность, к которой с малолетства приучила ее русская мать, что делало ее еще привлекательнее». Поэтому, определив свою дочь фрейлиной при дворе, Александра Васильевна тотчас выхлопотала ей длительный отпуск «для завершения воспитания и образования».

У Александры Васильевны был ещё сын, Александр Ксаверьевич Браницкий, который служил при дворе с 15 сентября 1801 года камер-юнкером, а с 1 января 1804 года был пожалован в действительные камергеры. Но уже 15 января 1804 года Александр I «изволил повелеть, согласно прошению статс-дамы графини Александры Васильевны Браницкой, оставить её младшего сына, действительного камергера графа Александра Ксаверьевича Браницкого, при его родительнице до усовершенствования в науках».

Но вернёмся в 1796 год. Через пять лет после смерти Потёмкина, тоже осенью, скончалась благодетельница фаворитки, статс-дамы Браницкой, — императрица Екатерина II. Её кончину Александра Васильевна переживала так же глубоко, как смерть своего дяди. К императорскому двору, который прежде был для неё родным домом, теперь она потеряла всякий интерес. Она уехала зимой 1797 года в поместье Белая Церковь, а весной следующего года — в Александрию, к своим паркам, к своим деревьям, к их тишине и покою. Связь с императорским двором осталась только в переписке с вдовствующей императрицей

Марией Феодоровной, вдовой Павла I, в постоянном участии в благотворительных делах «Учреждений императрицы Марии Феодоровны», да в редких посещениях Александром I её имения Александрия.

Зная о помощи Александры Васильевны Российскому престолу в международной политике, император Александр I относился к графине Браницкой с большим уважением и всякий раз, посещая Александрию, неизменно звал её вернуться в Петербург.

Нашествие наполеоновских войск имело целью овладение Москвой, древней столицей России, а потому прошло стороной от поместий Браницких. Однако генерал-аншеф граф Ксаверий Петрович Браницкий участвовал в войне 1812 года, а затем в Заграничном походе 1813–1814 годов, освобождая от Наполеона свою родную Польшу. После освобождения и России, и Европы от Наполеона международный престиж России значительно возрос. На Венском конгрессе, созванном в сентябре 1814 года по инициативе России как главной победительницы в Наполеоновских войнах, Александр I был признан буквально героем Конгресс продолжался до июня 1815 года, и всё это время, помимо очень жарких дебатов из-за притязаний держав (Англии, Австрии, Пруссии) на территории, особенно польские, всё же время проходило также в балах, концертах, оперных и драматических представлениях. На конгресс были приглашены вместе с семьями 216 представителей всех европейских держав, в том числе и России. Среди других приглашён был и генерал-аншеф граф Ксаверий Петрович Браницкий с супругой и дочерью. Там, в Вене, Елизавета Ксаверьевна познакомилась с графом Михаилом Семёновичем Воронцовым, героем Отечественной войны 1812 года и заграничных сражений 1813–1814 годов Елизавета, которой в то время было 23 года, была свежа и очень хороша. Граф Воронцов, блистательный молодой генерал, очень увлёкся ею, но не спешил предлагать ей руку и сердце: он опасался, что её связь через отца с польскими магнатами может помешать его дальнейшей карьере. Браницкие вернулись домой, так и не получив предложения от жениха.

Шли годы, но Александра Васильевна продолжала ухаживать за деревьями, а когда стал болеть граф Браницкий, то ухаживать и за своим мужем. В начале 1819 года скончался её муж, польский коронный гетман граф Ксаверий Петрович Браницкий, генерал-аншеф российской армии. Елизавете Ксаверьевне в то время шёл уже 27-й год. И вот тогда ей поступило от Михаила Семёновича Воронцова предложение выйти за него замуж. Предложение было принято, и 20 апреля 1819 года в Париже

состоялась свадьба. Графиня Елизавета Ксаверьевна принесла мужу очень большое приданое.

Во Франции пока ещё оставались российские войска, в Париже войсками командовал граф Воронцов, поэтому молодая чета после свадьбы была вынуждена проживать в Париже до приказа о возвращении. Приказ поступил в 1823 году, и Воронцовы вернулись на родину. Граф Воронцов получил назначение генерал-губернатором Новороссии и в связи с такой высокой должностью — титул князя, а ставшая княгиней Елизавета Воронцова была пожалована, ввиду важных заслуг мужа, в статс-дамы Высочайшего двора с награждением орденом Св. Екатерины II степени, что дало ей звание кавалерственной дамы Малого креста.

Через пять лет после смерти мужа, 1 января 1824 года, графиня Александра Васильевна Браницкая, статс-дама Высочайшего двора, кавалерственная дама ордена Св. Екатерины I степени Большого креста, вняв приглашениям императора, вернулась в Петербург ко двору. Александр I пожаловал её самым высоким придворным званием обер-гофмейстерины Высочайшего двора. Но она была дамой екатерининского двора, а новые порядки императрицы Елизаветы Алексеевны и новый для неё уклад вдовствующей императрицы Марии Феодоровны были ей чужды. Она продолжала подражать своей повелительнице Екатерине Великой в походке, в одежде, в общении с придворными, но пришла новая мода во всём, и Александра Васильевна на этом фоне выглядела весьма старомодно. Обер-гофмейстерина Браницкая была уже далеко не молода: она разменяла уже восьмой десяток. Принимать новые порядки, новую моду, новые взгляды на жизнь двора было уже поздно, и графиня Браницкая, окончательно потеряв интерес к императорскому двору, ушла в отставку.

15 августа 1838 года обер-гофмейстерина Высочайшего двора графиня Браницкая скончалась.

Многие годы место обер-гофмейстерины Высочайшего двора оставалось незанятым И только 2 февраля 1885 года император Александр III пожаловал в звание и должность обер-гофмейстерины Высочайшего двора гофмейстерину, кавалерственную даму княгиню Елену Павловну Кочубей, после кончины которой в 1888 году в это звание не был уже пожалован никто.

Анна Александровна Вырубова — последняя фаворитка-подруга у престола Российской империи

Самой близкой подругой последней российской императрицы Александры Феодоровны была Анна Александровна Танеева (1884–1964), по мужу Вырубова, в царской семье называемая просто Аня.

В марте 1904 года 18-летняя Аня Танеева была представлена императрице, получила шифр и была зачислена в дворцовый штат комплектной фрейлиной Её Императорского Величества с условием проживания при дворце, предоставления ей питания в придворной столовой и права подавать на имя императрицы прошения о денежном пособии на пошив придворного платья, на покупку необходимого нижнего белья и верхней одежды.

Никаких особо выдающихся способностей и достижений в получении знаний в Смольном институте, где она училась, Анна Танеева не проявила. По свидетельствам хорошо её знавших людей, она с большим трудом сдала экзамены на диплом домашней учительницы. Так что получила Танеева шифр не за заслуги во время обучения, как это тогда полагалось, а по милости императрицы.

Милость Государыни объяснялась очень просто: прадед Ани — действительный тайный советник (II класс Табели о рангах) Александр Сергеевич Танеев (1785–1866) с 1812 года служил в Собственной Его Императорского Величества Александра I канцелярии, находился в свите Александра I и в 1814 году, после победы русских войск над наполеоновским нашествием, был участником конгрессов Священного союза. До конца своей жизни он в качестве статс-секретаря Николая I, а затем Александра II управлял отделением Собственной Его Величества канцелярии, будучи одновременно членом Сената и Государственного совета. Дед Ани — Сергей Александрович Танеев (1821–1889), юрист по образованию, служил в Сенате, затем (по теперь уже семейной традиции) — в 1-м отделении Собственной Его Императорского Величества Александра II канцелярии, а в 1866 году, после смерти отца, занял его пост управляющего 1-м отделением Собственной Его Императорского Величества Александра II, а затем Александра III канцелярии. Одновременно с начала 1879 года он был членом Государственного совета. Но в том же году умер.

Отец Ани Танеевой — Александр Сергеевич Танеев (1850–

1918) — на волне заслуг его деда и отца стал одним из влиятельнейших сановников при дворе императора Александра III. Как и отец, он имел юридическое образование, сначала служил в Министерстве юстиции, но затем, в 1882 году, стал помощником управляющего, а после смерти его отца в 1889 году сменил его на посту управляющего Собственной Его Императорского Величества Александра III канцелярией. В 1896 году с приходом к власти Николая II и до 1917 года Александр Сергеевич Танеев исполнял обязанности не просто управляющего 1-м отделением, как его дед и отец, а уже главноуправляющего Собственной Его Величества Николая II канцелярией.

В 1904 году, когда Аня пришла на аудиенцию к императрице, её отец получил звание статс-секретаря Его Императорского Величества Николая II. В 1906 году он стал членом Государственного совета и обер-гофмейстером Высочайшего двора. В этот год этим вниманием к себе со стороны императорской четы он был обязан не только собственным заслугам, но, возможно, и заслугам своей дочери — фрейлины Анны Александровны Танеевой, ставшей к этому времени фавориткой императрицы.

Александр Сергеевич Танеев был очень талантливым человеком не только в ведении государственных дел при императоре, но также известным композитором, автором многих симфоний, опер, музыкальных пьес (в том числе для скрипки с оркестром), романсов и других музыкальных произведений. Но главное — он был «своим» не просто при дворе, а при императорской чете.

Брат Анны Танеевой — Сергей Александрович (1856–1895) — тоже служил при дворе, имел придворное звание церемониймейстера и был очень близок к императорской семье. В переписке Николая II и Александры Феодоровны, особенно в письмах императрицы, его имя упоминается довольно часто то в связи с его посещением Царского Села, то в связи с его докладом о выполнении поручений. Он тоже был для Александры Феодоровны «своим», то есть поддерживающим все действия императорской четы и не выступавшим против Распутина.

Так что Анна Танеева, если не по своим заслугам в учении, то по своей родословной вполне подходила для шифра императрицы, то есть для придворного звания фрейлины Высочайшего двора, потому что она была «своей» и вполне могла стать подругой для императрицы, её правой рукой во всех делах.

С первых дней пребывания при императрице фрейлина Танеева произвела на царскую семью впечатление совсем юной, наивной, простодушной и даже простоватой девушки (чему

способствовала её довольно заурядная внешность), в связи с чем её и стали называть попросту Аней. Этот имидж Анна Танеева (после замужества Вырубова) пронесла до самого конца своего служения «царям», то есть до самого конца Российской империи и её императорской династии. Недаром в царской семье, бывшей уже в ссылке в Тобольске, её называли за простодушие и наивность «Большим Бэби». А императрица в своих письмах мужу нарекала её ещё и «Коровой». А между тем роль, которую она сыграла вместе с фаворитом Распутиным в истории Российского государства, была бы не по плечу простоватой и наивной девушке, «Большому Бэби», или «Корове».

С самого начала своего служения фрейлиной Аня подружилась с дочерьми августейшей семьи, с великими княжнами Ольгой, Татьяной, Марией и Анастасией, которым в 1904 году было соответственно 9, 7, 5 и 3 года, и проявила нежнейшие чувства к родившемуся в том же году, 30 июля, наследнику Алексею. 13 лет она служила царской семье и, когда в 1917 году по причине её ареста Анна Вырубова, ставшая уже неперенным членом этой семьи, рассталась со своими покровителями, Ольге было уже 22 года, Татьяне — 20, Марии — 18, Анастасии — 16, а наследнику Алексею шёл уже 14-й год.

Императрицу она обожала, буквально «смотрела ей в рот», выполняла все её поручения и служила ей без преувеличения круглые сутки. Между Танеевой и Александрой Феодоровной установились настолько близкие и тёплые взаимоотношения, что эту дружбу многие стали называть «слишком пылкой». Среди придворных Высочайшего двора, ревниво встретивших молодую фрейлину из семьи влиятельнейших вельмож, близких к царю, стали циркулировать слухи об этой удивительной дружбе, которую развращенные умы стали расценивать не иначе как порочную связь между императрицей и Анной Танеевой.

После 1907 года имя Танеевой стали связывать с Григорием Распутиным, уже известным в узких кругах в качестве «божьего старца» императрицы Александры Феодоровны и Николая II. Говорили о любовной связи «развратной» Танеевой с Распутиным. Через пять лет такими же сплетнями «злые языки», что «страшнее пистолета», грязнили и имя Александры Феодоровны.

Считалось, что Анна Танеева впервые познакомилась с Распутиным в 1907 году в доме великой княгини Милицы, черногорской принцессы, супруги великого князя Николая Николаевича, что она пришла к Милице для встречи с Распутиным, чтобы посоветоваться с ним о своём предполагаемом замужестве. Тогда она собиралась выйти замуж за лейтенанта морской службы Александра Васильевича Вырубова. Анна

действительно у Милицы встретила тогда с Григорием Распутиным, который предсказал ей, что она выйдет замуж за Вырубова, но брак этот будет несчастлив. Но то, что эта встреча была первой, вызывает сомнение, потому что Распутин появился у трона в конце 1904 года и стал посещать Царское Село для лечения наследника, у которого уже в грудном возрасте стали проявляться признаки гемофилии. Могло ли так быть, чтобы с 1904 по 1907 год, постоянно присутствуя в императорских покоях, фрейлина Танеева, с которой императрица стала делиться самым своим сокровенным, не была знакома с Распутиным? И её подруга-императрица ни разу бы не познакомила её с ним в течение 3-х лет? Такого просто не могло быть. Почему же она поехала к Милице, чтобы познакомиться с Распутиным в её доме, куда для встречи с ним приезжала и императорская чета? Конечно, это была хорошо продуманная акция для введения в заблуждение Милицы, а через неё — всей родственной августейшей семьи, чтобы показать, что Распутин во дворце не бывал и связь с «царями» получил исключительно благодаря Милице. Заявление Вырубовой на допросе в Чрезвычайной комиссии Временного правительства о том, что она познакомилась с Распутиным в 1907 году, соответствовало той версии, которую она уже однажды представила Милице, а через неё — всему Дому Романовых. На самом деле она ездила к великой княгине не просто так — слушать о мистических происшествиях и о таких особенных людях, как Распутин, а чтобы императрица знала, что делается в доме великого князя Николая Николаевича, его брата Петра Николаевича и их жён — Милицы и Анастасии (Станы). Отметим, что после визитов Ани в великокняжеский дом перестали появляться у Милицы как «божий человек», так и императорская чета. А черногорские принцессы Милица и Стана, прежние приятельницы Александры Феодоровны, стали ярыми недоброжелательницами императрицы, «чёрными женщинами».

Фаворитка Аня Танеева уже давно стала «глазами и ушами» Александры Феодоровны (Аликс) и вместе со своей повелительницей участвовала во многих придуманных ими мистификациях. Как только появлялись порочащие императрицу слухи, так разыгрывались противоречащие этим слухам действия. Например, замужество Ани Танеевой, связавшей свою жизнь с совершенно ей незнакомым человеком, без любви, даже без какой-либо привязанности. Не надо было быть экстрасенсом Распутиным, чтобы предсказать, что замуж она выйдет, но брак будет несчастлив. Распутин уже знал, что Аликс и Аню подозревают в порочной связи и что прекратить распространение

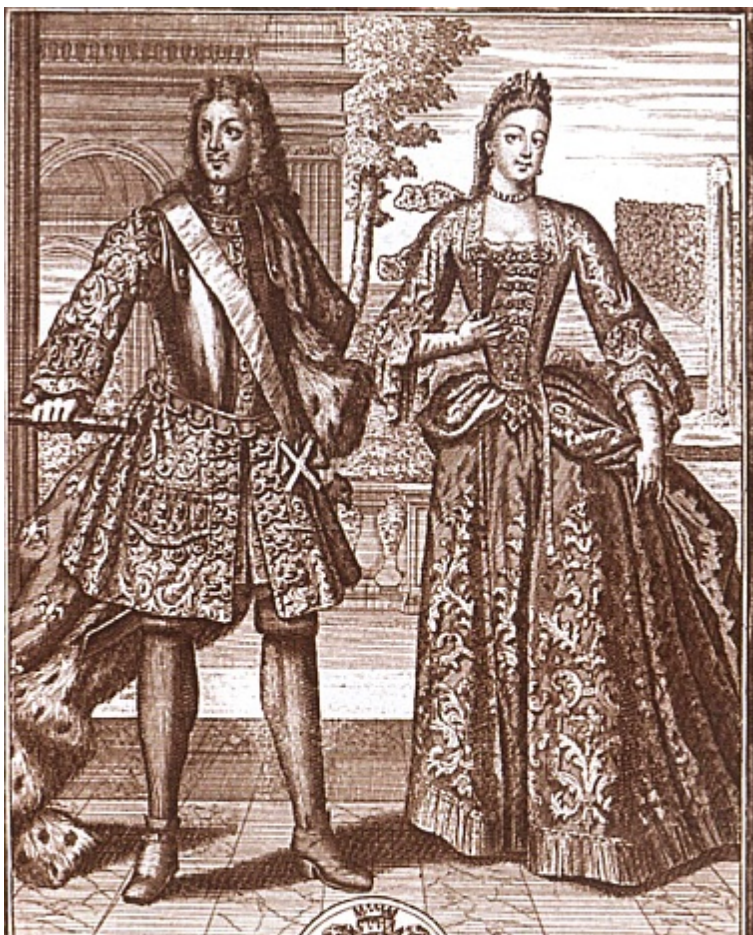
этих грязных слухов может объявление о замужестве фрейлины Анны Танеевой. По закону Анна Танеева в связи с её замужеством не имела права оставаться фрейлиной императрицы, а потому была отставлена от Двора. Правда, обмануть Двор удалось на весьма непродолжительное время, пока молодые Вырубовы были в свадебном путешествии. Никакого замужества, кроме очень скромной свадьбы и перемены фамилии, не было — это факт, о чём свидетельствует обследование Вырубовой в 1917 году, показавшее её девство. «Замужество» продолжалось всего 1,5 года, причиной развода было, по версии Анны Александровны Вырубовой, психическое расстройство её мужа, а по версии её матери, его импотенция. По-видимому, это была просто хорошо оплаченная договорённость с Вырубовым. И той и другой версиям поверить трудно, потому что в 1913 году Александр Вырубов женился, имел детей и жил со своей семьёй в своём поместье, пользовался уважением своих соседей и даже был избран уездным предводителем дворянства. А далее, после 1917 года, его судьба, как судьбы многих русских людей, особенно дворян, растворилась в неизвестности.

*В Немецкой слободе. Отъезд Петра I из дома Лефортова.
Художник А. Н. Бенуа. 1909 г.*

Анна Монс. Предполагаемый портрет. 1700-е гг.

Pierre Alexouitch Czar ou
*est élevé à cette monarchie à l'âge de neuf
 ans, par son père, il fut sa résidence or-
 dinable par ses châteaux et les nom-
 breux en 1712, 1713 et 1714 dans ces lieux
 magnifiquement construits, ce Royaume est
 situé et au milieu par la grande et petite
 tle norrois, il a 100 lieues de long, 100 de
 largeur, dont les terres ont le titre de Royaume
 myvent des états des Russes et des lacs de 55
 lieues de la Pologne ou il est très chaud, ce qui rend le pays fertile en toutes choses, il y a des mines de sel, de soufre
 et d'acier, et de cuivre, la bourse ordinaire est la bourse d'hydromelle, les bâtiments et fortifications sont
 les bois, et d'hydromelle leurs Czar fut couronné à la fin l'apôtre et nommé basile par les évêques, les
 évêques sont les 2 évêques et l'abbé de la Prince, qui les ont vus en public, n'en pour le discipliner, et
 par apprendre l'art militaire, la navigation et le commerce, il ne peut sortir de ses états sans une permission
 de son Czar, pour le point de la voir, my même de l'aller avec les étrangers, le Czar lui-même se soumet à cette loi, et pour se
 le voir, il y a un grand nombre de sciences que la lecture et l'écriture ne peuvent ni y aller, ni y aller, la justice se rend prompte
 et le parti y plaident leurs causes, et le débiteur qui ne peut payer du débiteur, est exilé, et d'un en tromperie
 vint, l'homme, l'homme et l'habilement de sa Majesté, Czar rend au bas de son portrait gravé en cheval, et de la même*

Grand Duc de Moscovie
*ancien 1672, il gouverna avec une fer-
 me à Moscou, la ville capitale, 1712
 de ces maisons qui est de 1712, elle fut
 incendiée 1000 maisons et 1000 églises furent
 brisées au septentrion par la mer glaciale,
 Tartarie et à l'occident par la prépondérance
 de la mer du nord, en 1712, les évêques
 et les autres de l'Église, le palais et les maréchaux
 de la cour de long, son climat est froid, excepté d'un
 côté de la Pologne ou il est très chaud, ce qui rend le pays fertile en toutes choses, il y a des mines de sel, de soufre
 et d'acier, et de cuivre, la bourse ordinaire est la bourse d'hydromelle, les bâtiments et fortifications sont
 les bois, et d'hydromelle leurs Czar fut couronné à la fin l'apôtre et nommé basile par les évêques, les
 évêques sont les 2 évêques et l'abbé de la Prince, qui les ont vus en public, n'en pour le discipliner, et
 par apprendre l'art militaire, la navigation et le commerce, il ne peut sortir de ses états sans une permission
 de son Czar, pour le point de la voir, my même de l'aller avec les étrangers, le Czar lui-même se soumet à cette loi, et pour se
 le voir, il y a un grand nombre de sciences que la lecture et l'écriture ne peuvent ni y aller, ni y aller, la justice se rend prompte
 et le parti y plaident leurs causes, et le débiteur qui ne peut payer du débiteur, est exilé, et d'un en tromperie
 vint, l'homme, l'homme et l'habilement de sa Majesté, Czar rend au bas de son portrait gravé en cheval, et de la même*

**Император Петр I и Екатерина I (Марта Скавронская).
 Гравюра 1717 г.**

Император Петр II. Художник И. Ведекинд. 1730 г.

*Император Петр II в Петергофе. Акварель А. И. Шарлеманя.
1850-е гг.*

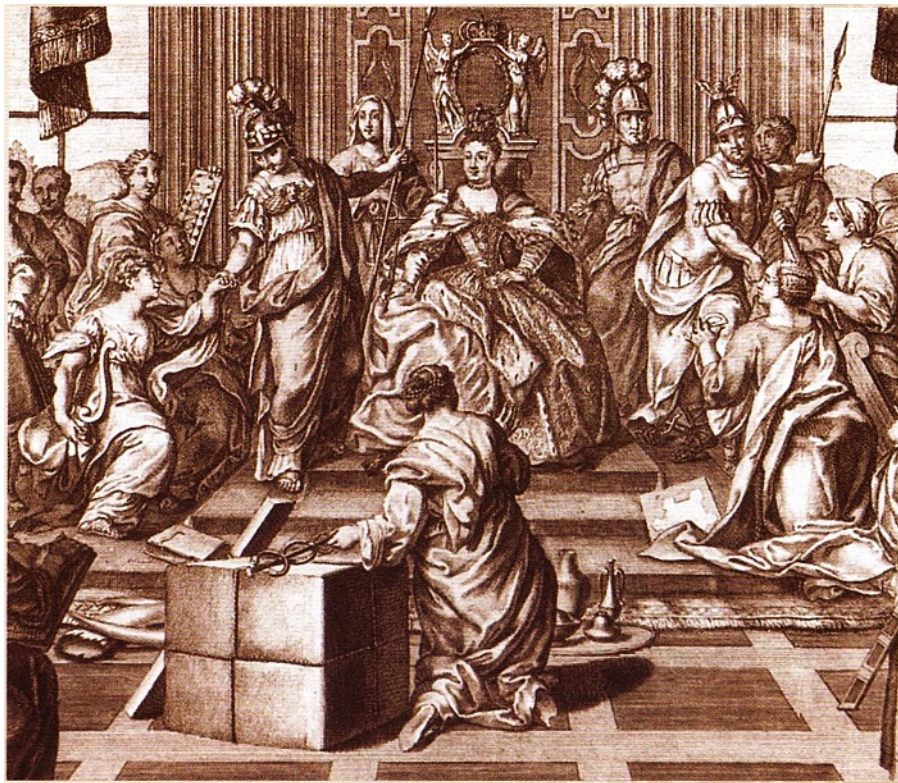
*Цесаревна Елизавета Петровна. Художник И. Н. Никитин.
1720-е гг.*

*Императрица Анна Иоанновна. Гравюра Х.-А. Вортманна.
1730-е гг.*

*Юлиана фон Менгден с младенцем Иоанном Антоновичем.
Портрет 1730 г.*

Императрица Анна Иоанновна в окружении придворных и фавориток. Гравюра М. Энгельбрехта. 1730-е гг.

*Императрица Елизавета Петровна в Царском Селе. Художник
Е. Е. Лансере. 1905 г.*

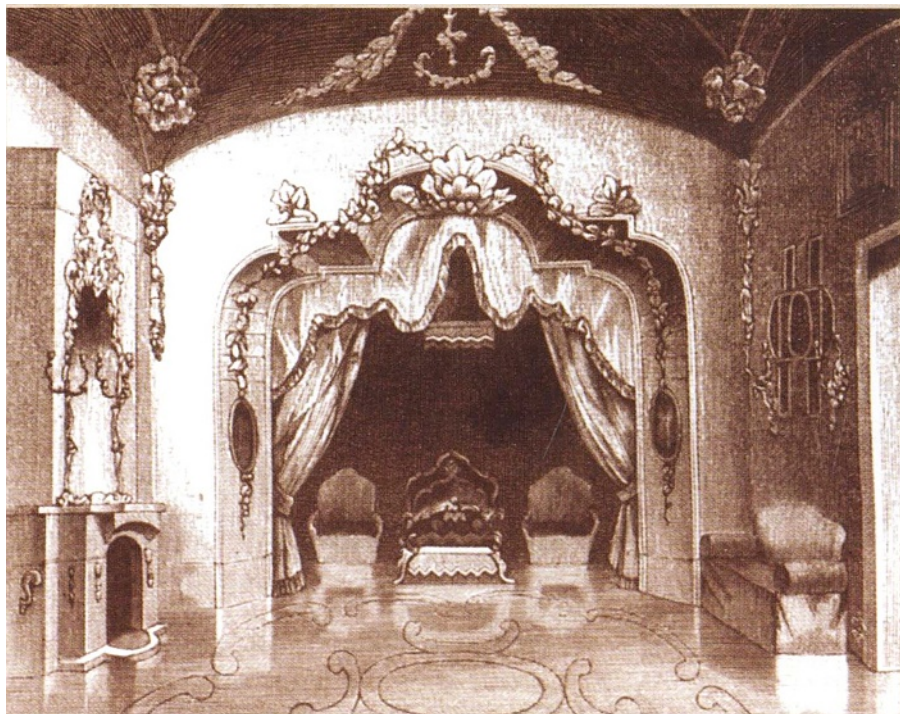
Мавра Егоровна Шувалова. Художник А. П. Антропов. Конец 1750-х гг.

Император Петр III. Художник А. П. Антропов. 1762 г.

*Елизавета Романовна Воронцова. Художник А. П. Антропов.
Около 1761 г.*

Спальня Петра III в Ораниенбаумском дворце

*Императрица Екатерина II. Художник И. Б. Лампи Старший.
1793 г.*

*Анна Никитична Нарышкина. Художник Ж. Ф. де Самсуа.
1756 г.*

*Анна Степановна Протасова. Художник Д. Г. Левицкий.
1800 г.*

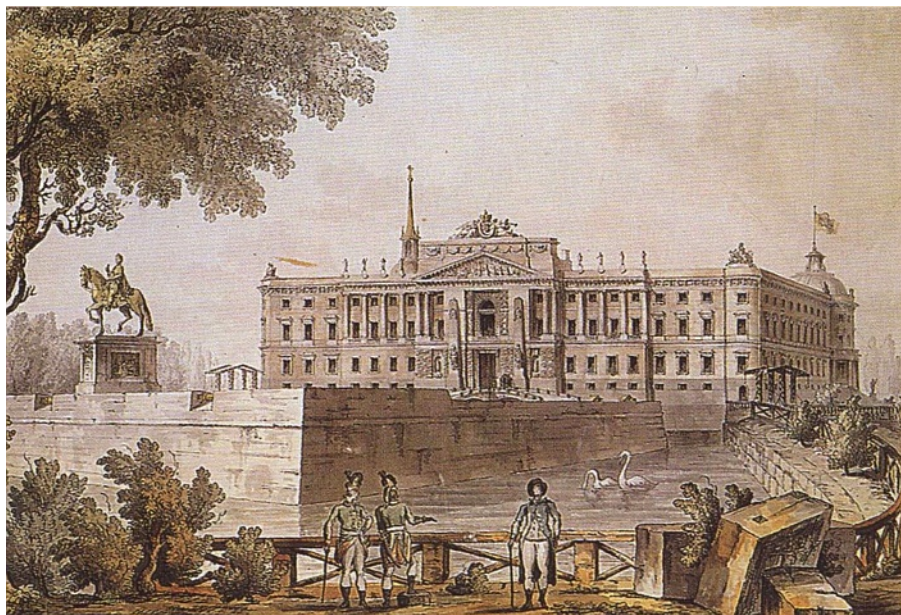
Император Павел I. Художник В. Л. Боровиковский. 1800 г.

Екатерина Ивановна Нелидова. Неизвестный художник. Около 1796 г.

*Анна Петровна Гагарина, урожденная Лопухина. Художник
В. Л. Боровиковский. 1801 г.*

Михайловский замок. Акварель Дж. Кваренги. 1801 г.

Император Александр I.

Художник В. Л. Боровиковский. 1800 г.

Мария Антоновна Нарышкина. Художник С. Тончи. 1800-е гг.

Эммануил Дмитриевич Нарышкин. Портрет 1843–1844 гг.

Опочивальня Александра I в Екатерининском дворце Царского Села. Акварель Л. Премацци. 1855 г.

Император Александр II. Художник Е. И. Ботман. 1856 г.

Екатерина Михайловна Долгорукова. Фото 1880 г.

*Императрица Александра Федоровна и А. А. Вырубова в
Крыму. Фото 1900-х гг.*

Чтобы прекратить слухи о «странной» дружбе Аликс и Ани, была придумана и другая версия, что Аня безответно, но страстно влюблена в императора Николая II. Для этого Аня разыграла в письме к нему признание в любви, а Аликс, перехватившая это письмо, — сцену ревности и изгнание фаворитки со своих глаз, но... на непродолжительное время. Затем состоялось драматическое прощение своей подруги, не виноватой в том, что она так отчаянно влюбилась в Ники. В течение многих лет Анна Вырубова писала императору любовные письма, а Аликс в письмах к мужу рекомендовала передавать Ане приветы через неё, а письма Ани сжигать. Так, в письме от 6 января 1916 года: «Любовь моя, ведь ты сжигаешь её письма, чтоб они никогда не попали в чужие руки?», а от 15 февраля 1917 года; «Напиши мне привет для Ани — это будет ей приятно». И Николай Александрович тотчас же отзывается в письме от 26 февраля 1917 года: «Да благословит тебя Бог, мое сокровище, и детей, и её!», от

27 февраля 1917 года: «Передай ей мой поклон».

Вероятно, Николай Александрович так и не узнал, что он играл роль, назначенную ему женой и её подругой. Даже во время войны, будучи главнокомандующим, этот очень добрый и нежный человек, жалевший всех людей, в письмах к жене считал своим долгом посылать через неё приветы и поклоны бедной влюблённой Ане.

Несмотря на отчисление от Двора, Анна Вырубова осталась при императрице как неизменная её спутница жизни. В Царском Селе был куплен маленький домик в непосредственной близости от дворца, и Анна Вырубова стала его хозяйкой, принимающей своих покровителей, царя и царицу, нужных людей и прежде всего Распутина для встречи с ними.

Анна Александровна Вырубова отнюдь не была такой простушкой, какую она представляла собой в царской семье. Она была доверенным лицом императрицы, которая, считая мужа слишком добрым и мягкотелым (а следовательно, неспособным без её помощи править страной), начала самостоятельно вести политику, набирая на все посты «своих» людей, рекомендованных ей Григорием, и заставляя своего супруга постоянно менять кабинет министров. Аликс писала мужу в Ставку: «Твоя жена — твой оплот — неизменно на страже в тылу». В высших кругах считали, что страной правят императрица с Распутиным. Но редко кто догадывался, что страной правят фаворит с фавориткой — Вырубова с Распутиным.

Вырубова проводила переговоры со многими людьми, имевшими значение в государственных делах и политике, передавала Аликс всё, что она видела и слышала; вместе с Распутиным проворачивала крупные дела по замене министров и других важных лиц «своими», рекомендованными Распутиным, за что через подставных лиц брала большие деньги, часть из которых передавалась Распутину. Знала ли об этом императрица и получала ли она деньги от Вырубовой, неизвестно, но, вероятнее всего, нет, потому что Аликс в качестве благодарности и преклонения перед ней, императрицей, получала дорогие подношения от лиц, назначаемых на высокие посты и приглашаемых к ней на аудиенцию. Всем была известна скупость Аликс и её более чем экономное отношение к деньгам и дорогам вещам. Заметим, что она никогда даже своему любимому Ники не дарила дорогих вещей, а всегда — книги, иконки, букетики цветов. А Ники ей — с первых дней знакомства — дорогую бриллиантовую брошь, а затем — бриллианты и драгоценные изделия Фаберже.

Умная, хитрая и изворотливая Вырубова под личиной

глуповатой, а во время её болезней даже немного капризной простушки постепенно заставила нянчиться с собою не только Аликс, но и Ники. После катастрофы на железной дороге, в которую она попала, она, сильно покалеченная, долго болела. Аликс поместила её в свой госпиталь и часто её навещала. Но Анна требовала, чтобы Аликс была у её постели постоянно и чтобы её навещал и любимый ею император. В письме от 7 марта 1915 года Аликс жалуется мужу: «Видишь, я забочусь о своём здоровье и сегодня встала лишь к 8 часам. Аня этого не хочет понять. Дети, доктор и я ей это объясняем, и все же каждый день приходят пять писем с просьбой прийти к ней, — она знает, что я лежу и все-таки удивляется. Такой эгоизм! Она знает, что я никогда не упускаю случая прийти к ней, когда только могу, даже когда я безумно устала, и все же ворчит, почему я два раза в день ходила к неизвестному офицеру. Она не обращает внимания на слова **Боткина**, что это он меня не пускает: у нее гости целый день. Мои визиты к ней она считает моей обязанностью (мне кажется) и поэтому часто их не ценит, тогда как другие благодарны за каждую секунду, проведенную с ними. Ей очень полезно не видеть меня несколько дней, хотя во вчерашнем шестом письме она жаловалась, что так давно не имела моих поцелуев и благословения. Если бы она хоть раз соблаговолила вспомнить, **кто** я, она поняла бы, что у меня есть другие обязанности, кроме нее. Сто раз я ей говорила про тебя, кто ты, что император никогда не посещает больных ежедневно (что бы подумали об этом!), что ты, прежде всего, должен заботиться о своей стране, что ты устаешь от работы и нуждаешься в свежем воздухе, и должен гулять с Бэби и т. д. Это все как об стену горюх — она не желает понимать, потому что находит, что она должна быть на первом месте. Она предлагает пригласить вечером офицеров для детей, надеясь залучить меня к себе, но они ответили ей, что хотят остаться со мной, так как это единственное время, когда мы можем спокойно посидеть вместе. Мы ее слишком избаловали, но я серьезно нахожу, что она, как дочь наших друзей, должна была бы лучше понимать вещи, и болезнь должна была бы изменить ее. Но теперь довольно про нее — скучно; это перестало огорчать меня, как раньше, меня только изводит ее эгоизм».

Вырубова была очень деятельной натурой и умела заставить людей помогать ей в её начинаниях. Став инвалидом, она очень переживала из-за своей хромоты, испорченной фигуры, начавшей полнеть, из-за плохого самочувствия. Однако она не могла сидеть сложа руки и решила создать приют для инвалидов, некое для них прибежище. Но для этого нужны были деньги, которых у неё

не было. Просить у Аликс было бесполезно. Тогда она собрала пожертвования и к этим средствам добавила 100 тысяч рублей, которые она получила от железной дороги по страховке. Аликс писала мужу в Ставку: «Я очень рада, что у Ани много дела с ее убежищем; она ездит по несколько раз в день, чтобы смотреть за всем и распоряжаться. И как много всего нужно для 50 инвалидов, для санитаров, сестер, докторов и пр.! Ей помогают **Вильч.** (С. Н. Вильчковский. — *И.В.*) **Ломан и Решетников** (из Москвы): у нее, кажется, 27 000, — и все пожертвования! Своих она не дала ни копейки. Так хорошо, что для нее наконец нашлось дело; ей некогда хандрить, и Бог благословит ее за этот труд. В результате она за эту неделю потеряла в весе фунт, что приводит **Жука** в восторг. Завтра она принимает своих первых солдат» (15 января 1916 года).

Поняв, какое значение у трона приобрела фаворитка Вырубова, на неё (а следовательно, и на Александру Феодоровну) пресса обрушила буквально шквал всяких грязных статей и отзывов о якобы развратном поведении Вырубовой, фаворитки императрицы. Монах Варнава, поклонник Распутина, передавал Александре Феодоровне, что Самарин назвал её «глупой бабой», а о Вырубовой говорил «такие отвратительные вещи, которые он даже не может повторить». Императрица пишет мужу в Ставку: «Оказывается, в „Речи“ была ужасная статья против А. (Ани. — *И.В.*). Как люди подлы, что клеветают так на молодую женщину!» (6 марта 1916 года). Шла дискредитация царской семьи, рядом с которой, по мнению многих, находились «грязный, развратный мужик Григорий Распутин» и «развратная, порочная Анна Вырубова».

Вырубова мудро примирилась с поношениями, которые лились на неё грязным потоком. Она продолжала свою неутомимую деятельность, во-первых, в царской семье: помогая встречам «царей» с «отцом Григорием», в случае необходимости посылая ему письма и телеграммы, передавая Аликс распутинские записочки для исполнения якобы провидческих желаний Григория (уже оплаченных его просителями), дружа с царскими детьми, но прежде всего с Аликс, и регулярно посылая императору Николаю письма — признания в любви. В 1911 году вместе с Аликс Анна Александровна писала книгу от имени Распутина о его паломничестве в Иерусалим, названную «Мои мысли и размышления». Во-вторых, вне царской семьи: выполняя поручения Аликс и в роли эмиссара для передачи «своим людям» пожеланий «царей», и в роли почитательницы и защитницы «отца Григория», в том числе и в получении денег за его «просительные» записочки.

Анна Вырубова знала, что для Аликс существует на свете только одно мнение — лично ей принадлежащее, а потому мнение самой Анны выражалось только в поддакивании Аликс при обсуждении абсолютно любых вопросов, в том числе и характеристик людей, их окружавших. Кстати сказать, этой методе поддакивания следовал и Распутин, только он мнение Аликс представлял как своё пророчество. А Вырубова, поддакивая Аликс, могла очень умело, психологически тонко наводить Аликс на нужные им с Распутиным мысли, становившиеся сначала мнением императрицы, а затем пророческим видением «старца». Не исключено, что Вырубова и Григория заранее предупреждала о мнении императрицы по тому или иному вопросу, чтобы он мог безошибочно высказывать свои пророчества.

Действительно ли Вырубова была такой же ярой поклонницей Распутина, какими были многие дамы высшего света? Да, перед Аликс она всегда выступала защитницей и поклонницей «божьего человека» и внешне, на словах, так же, как Аликс, свято верила в него, в его предсказания и силу его молитв. Но на самом деле она должна была сомневаться в его силе, потому что она участвовала в его пророчествах и видела его слабости и смятение. Она вместе с другими дамами ездила вместе с Распутиным к нему на родину, но не в его дом, а в Верхотурский монастырь, где не было места разгулу, посещению бани и прочим его привычкам и хлыстовским действиям. Присутствуя, она как бы устранилась от полного общения. Она была скорее его деловым партнёром, чем поклонницей.

А как на самом деле складывались отношения императрицы с Анной Вырубовой? Аликс, одинокая, не любимая ни придворными, ни членами Дома Романовых, очень сильно привязалась к Ане, потому что Вырубова одобряла все её желания и действия и выполняла все её поручения без вопросов и комментариев, даже если это были капризы Аликс.

Анна Танеева была принята царской семьёй очень радушно: через месяц после её появления во дворце в качестве фрейлины её пригласили обедать вместе с царской семьёй, и такое тесное общение было затем как бы узаконено. Анна стала как бы членом царской семьи. Она не могла не ответить взаимным расположением души и к императрице, и к императору, и к их детям. Умная и наблюдательная, она сразу поняла, что отношения «царей» с окружающими людьми всецело зависят от Аликс. С теми, кто слушает Аликс и одобряет её мнение, она очень мила и даже ласкова. При этом Аликс, как императрица, должна первенствовать во всём: быть всех умнее, образованнее, религиознее и всё знать и предвидеть. И Анна сразу при ней

стала простушкой, глуповатой и наивной девочкой, во всём уступающей своей повелительнице. А будучи одинокой и обласканной императрицей, она полюбила свою госпожу не только по службе, но и по душе. Не только душа Анны, но и душа Аликс была одинокой, а потому они и потянулись друг к другу и стали неразлучны. Конечно, миф об их порочной связи, распространяемый завистливыми и ревнивыми «чёрными женщинами», подхваченный придворными и светом, был всего лишь грязной сплетней. Просто эти две женщины умели быть верными подругами, во всём и крепко держаться друг за друга. Аликс умела любить и дружить, и этого у неё нельзя отнять. То же можно сказать и об Анне Танеевой-Вырубовой, только Анна умела мягкими лапками, расчётливо и тонко руководить этой дружбой, и это ей прекрасно удавалось.

Аликс любила награждать своих знакомых различными кличками: «черные женщины», «суслик», «корова» и пр., не щадя даже свою любимую подругу Аню, именно её и называя за её полноту «коровой». Все эти клички (разумеется, кроме своих, о которых она не подозревала) подхватывала и Анна, вроде бы используя их как некую шифровку, а на самом деле утверждая негативное отношение Аликс к этим людям.

С одной стороны, близость к императорскому семейству приносила фаворитке Вырубовой много преимуществ, вызывавших зависть у её окружения, но было много негативного, тяжёлого: вся жизнь Вырубовой была посвящена «царям», судьба Анны Александровны как бы растворилась в судьбе её царственных покровителей, вся грязь внешнего мира, предназначавшаяся «царям», выливалась на неё, досужие языки представляли её как самую развратную из всех любовниц мужика-хлыста Распутина. Следили за каждым шагом Вырубовой, сплетались значительные выводы из совершенно незначительных фактов. Посудите сами: в 1908 году императорская чета в окружении небольшого числа сопровождавших её лиц совершала маленькое путешествие на яхте по скандинавским шхерам. После этой поездки одна из светских дам рассказывала, что во время ночного вояжа император спал в капитанской рубке, а Аликс и Вырубова — в каюте на одной постели (!). Этот пустяковый случай, на который в XVIII веке никто бы не обратил внимания, развратные завистники начала XX века провозглашали как факт порочной связи между двумя женщинами. Великая княгиня Екатерина Алексеевна (Екатерина II) спала в одной постели со своей тогда очень близкой подругой княгиней Екатериной Дашковой (о чём в своих воспоминаниях написала сама Дашкова), но никому и в голову не пришло делать из этого

подозрительные выводы. Объясняется это просто: в начале XX века в верхних эшелонах власти Российской империи на фоне фаворитизма наблюдалось некоторое растрепывание умов, к тому же плёлся заговор не столько против Распутина и Вырубовой, сколько против императорской четы в целях свержения Николая II и замещения трона другим лицом. Как и в случае с декабристами, у данных заговорщиков тоже не было ни ясной программы, ни понимания: а что же будет дальше? Они не решили даже, кто заменит Николая II на престоле. В результате, если в XIX веке декабристы после своего бездарного восстания пошли в Сибирь гнаться цепями, но Россия всё же осталась незыблемой, то безответственные заговорщики XX столетия пострадали крепче: одни еле унесли ноги за рубеж, другие были арестованы и сосланы, а третьи расстреляны, но — увы! — Российская империя, о которой они вроде бы так сильно пеклись, на этот раз была полностью повержена в прах, было уничтожено всё, что сделано было для её укрепления и развития в предыдущие столетия.

Как в западноевропейских странах, фавориты, фаворитки и их царственные покровители свергались в огне бунтов и революций, так и в России в вихре событий, инспирируемых великими князьями и их светским окружением, фаворит Распутин и фаворитка Вырубова должны были погибнуть вместе со своими «царями». Распутин, понимая, что за ним охотятся, чтобы его убить, растерялся и, несмотря на своё ясновидение, магию и суггестию, покорно пошёл на заклятие. Но Анна Вырубова была хоть и простушкой и не обладала вроде бы никакими подобными талантами, сумела обмануть следователей Чрезвычайной комиссии Временного правительства, скрыться за границу и прожить в Финляндии 56 лет после гибели своих покровителей-«царей».

Но не будем забегать вперёд. Вернёмся в то время, когда созрел заговор против Григория Распутина и три человека из высшего общества: великий князь Дмитрий Павлович, князь Феликс Феликсович Юсупов, он же граф Сумароков-Эльстон, и дворянин, офицер, депутат Государственной думы от правой партии Владимир Митрофанович Пуришкевич — с одобрения великих князей Николая Николаевича, Петра Николаевича, Александра Михайловича, Николая Михайловича и других представителей Дома Романовых, а также княгини Зинаиды Юсуповой и даже великой княгини Елизаветы Феодоровны договорились убить Распутина.

16 декабря 1916 года в Юсуповском дворце на Мойке великий князь Дмитрий Павлович, Феликс Юсупов и Пуришкевич,

обманом заманив Распутина во дворец к Юсупову, с которым у Распутина были дружеские, короткие отношения, жестоко, предательски грязно и мучительно долго убивали и убили его, в конце концов не только расстреляв, но и утопив в Неве. Им помогали доктор С. С. Лазоверт в качестве шофёра и молодой офицер Преображенского полка, поручик С. М. Сухотин. Пуришкевич в своём дневнике описал полностью все приготовления к убийству, само убийство и впоследствии опубликовал свой дневник. Читая дневник Пуришкевича, ясно видишь, что в главном Владимир Митрофанович лжёт: он так настойчиво убеждает читателя, что Дмитрий Павлович не способен кого-либо убить, что становится понятно: застрелил Распутина именно великий князь Дмитрий Павлович.

Заговорщикам казалось, что, убив Распутина, они освободили Россию. Они не видели, что уже сами сидят на пороховой бочке, что Распутин — это жупел, который они создали сами, что для гибели России он уже погоды не делал. И не понимали, что готовят эту гибель другие силы.

Анна Вырубова, а затем и императорская чета узнали об этом трагическом для них событии из сообщения полиции. Для Аликс это известие было ошеломляющим. 17 декабря в письме к мужу она сообщает, что пропал их Друг, что он уехал к Феликсу Юсупову на присланном за ним автомобиле, чтобы повидаться с великой княжной Ириной, супругой Феликса. Александра Феодоровна еще не может поверить, что «наш Друг» уже мёртв. А когда ей донесли, что перехвачены телеграммы её родной сестры Эллы, в которых она поздравляет убийц Распутина — великого князя Дмитрия Павловича и Феликса Юсупова — «с героическим подвигом», отчаянию Аликс не было предела. Вырубова в своих воспоминаниях пишет: «Эти постыдные телеграммы совсем убили Государыню, она плакала горько и безутешно, и я ничем не могла успокоить ее».

Николай II, который всегда был прежде всего мужем и отцом, а уж потом императором, бросил все свои дела на фронте, поручив их весьма ненадёжным людям, и примчался к своей любимой Аликс, чтобы поддержать её в её ужасном горе — гибели «божьего человека» Григория Распутина. Два месяца он утешал свою жену, своих дочерей и Аню, ставшую неотъемлемой частью его семьи, а за это время страна стала медленно, но верно погружаться в революционный хаос, и одни ловкие люди, во главу которых выдвинулся А. Ф. Керенский, создали Временный комитет Государственной думы, а затем Временное правительство, а другие, не менее ловкие, во главе с Чхеидзе, — Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов, руководство

которым захватил В. И. Ленин. И создание этих двух властных органов предрешило судьбу императорской власти и императорской семьи.

Только 22 февраля 1917 года Николай II вернулся в Ставку, но только он уехал из Петрограда, где по совету жены занимался наиважнейшим, по их мнению, делом: увольнением одних министров и заменой их другими, как буквально на следующий день начались уличные «хлебные» беспорядки, а 27 февраля — восстание: началась Февральская революция. Были захвачены Арсенал и Зимний дворец.

Найденное в Неве тело Распутина было похоронено рядом со строящейся церковью в Царском Селе, и Аликс с Аней, которая снова поселилась в императорском дворце, постоянно стали посещать его могилу. Императрица наивно, но свято верила, что её Друг и теперь молится за них и им помогает и что если их Друг за них молится, то ни императорской семье, ни стране ничто не может угрожать. В письме к мужу от 22 февраля 1917 года Аликс, взявшаяся руководить Россией, но ничего, как видно из её строк, не понимавшая в её политической обстановке, написала: «Наш дорогой Друг в ином мире тоже молится за тебя — так он еще ближе к нам. Но все же как хочется услышать Его утешающий и ободряющий голос! Бог поможет, я верю, и ниспошлет великую награду за все, что ты терпишь. Но как долго еще ждать! Кажется, дела поправляются. Только, дорогой, будь тверд, покажи властную руку, вот что надо русским. Ты никогда не упускал случая показать любовь и доброту, дай им почувствовать порой твой кулак. Они сами просят об этом — сколь многие недавно говорили мне: „Нам нужен кнут“!»

И это написано за день до начала Февральской революции! Особенно удивительны слова: «Кажется, дела поправляются».

В этот день заболели корью дочь Ольга и наследник Алексей. А 23 февраля, заразившись от них, слегла с корью и Вырубова. Обычно дети болеют корью более легко, чем взрослые. Аня болела очень тяжело: в полубессознательном состоянии, с высокой температурой, вся покрытая сыпью, она не могла прийти в себя несколько дней. Все письма императрицы, на этот раз весьма сумбурные, заполнены сводками о температурах и состоянии больных.

А в это время генерал Алексеев не раз подходил к Николаю II с требованием отречься от престола. 2 марта 1917 года Николай II на станции Дно под Псковом подписал акт об отречении от престола в пользу брата-великого князя Михаила Александровича. На следующий день, 3 марта, великий князь Михаил Александрович отказался от принятия престола до

решения Учредительного собрания (!). Этого решения он так и не дождался: в феврале 1918 года он был выслан в Пермь, а в ночь с 12 на 13 июня того же года там, в Перми, расстрелян.

Бывший император Российской империи хотел уже только одного — соединиться со своей семьёй. Но его задержали в пути: решался вопрос о создании Временного правительства, и Керенский распорядился до избрания его на пост председателя задержать бывшего императора в пути, не разрешать его проезд в Царское Село, где бедная Аликс металась между больными, уже зная о его отречении, но не ведая, где он и что с ним. Умная Вырубова, как только немного оправилась от болезни, стала жечь все свои бумаги в камине. Она уже понимала, что Керенский, эта пародия на Бонапарта, не пощадит никого, что её непременно арестуют: для уничтожения императорской семьи необходимы порочащие «царей» сведения, а больше всего сведений можно получить от Вырубовой. Так началась игра Ани с Временным правительством.

Наконец, Николаю Александровичу разрешили вернуться в Царское Село, но арестовали его и всю его семью, в том числе и Вырубову. Арест осуществило Временное правительство во главе с Керенским (впоследствии, в эмиграции, Керенский лгал, что он не виноват в гибели царской семьи). Семью оставили пока на месте, а арестованную Анну Вырубову 21 марта 1917 года увезли в Петропавловскую крепость. «Гражданину Романову» предписали исправительный труд: колоть дрова, убирать снег, мести расчищенные от снега дорожки, и при этом солдаты, сторожившие арестованных, всячески унижали бывшего царя. Но Ники не обращал на это внимания, он, как истинный христианин, терпел, ибо, как сказано в Евангелии, «претерпевший же до конца спасется» (Мк. 13: 13). Зато в свободное от работы время он мог гулять по парку, дышать свежим воздухом, что когда-то предписывалось ему врачами. Вечером Ники читал жене и детям книги и, несмотря на арест, должно быть, впервые в жизни чувствовал себя совершенно свободным, наивно полагая потолстовски, что «всё образуется». Но Аликс горько переживала своё унижение: сразу состарилась, поседела и очень похудела, О фаворитке Ане у царской семьи никаких известий не было.

Анна Александровна Вырубова попала к следователю Чрезвычайной Комиссии Временного правительства Гирчичу, который постоянно ловил её на лжи, но она, такая глупая и беззащитная, не отрицая этой лжи, защищалась нелепыми, наивными и неразумными словами. Приводили её из сырых тёмных подвалов Петропавловки и к следователю В. Рудневу, на допросах у которого Анна Вырубова представляла себя несколько

по-иному: наивной, всей душой преданной царской семье, которая и относилась к ней как к глуповатой бедной Ане. Она предстала перед следователем Рудневым как христианка, которая всё терпит и всё прощает тем, кто над ней издевается, её обижает и унижает, исходя из той же евангельской мудрости: надо всем прощать, потому что «они не ведают, что творят», и помнить: «претерпевший же до конца спасется». И она просит Руднева не наказывать тех, кто над ней издевается, чем подкупает его окончательно. И он понимает и прощает ей «ложь во спасение». Итог его расследования приводит в своей книге Э. Радзинский: «Никаким влиянием при дворе она не пользовалась и пользоваться не могла — слишком был велик перевес умственных и волевых качеств императрицы по сравнению с ограниченной, бесхарактерной, но беззаветно преданной и горячо любившей ее Вырубовой». «Бедный провинциал, — пишет о Рудневе Радзинский, — не мог даже подозревать, какие утончённые психологические игры вела его подследственная». И далее о Вырубовой: «...достаточно прочитать протоколы ее допросов, чтобы почувствовать, сколь блистательно изворотлива и опасно умна эта женщина, С самого начала следствия она удивительно верно избрала свою роль — ту самую роль наивной, простодушной, недалекой Ани, которую с таким успехом играла в Царской Семье».

В стенах Петропавловской крепости, где пришлось ей сидеть, было ей нелегко: стража, настроенная против арестованных «кровопивцев», безнаказанно, как хотела, издевалась над ними. Вырубова терпела и плевки в лицо, и пощёчины, и толчки в бока и в спину, и, конечно, вынуждена была выслушивать самые грязные ругательства и оскорбления. И хотя обвинение, ей предъявленное, было особо тяжёлым: вместе с Распутиным принимала участие в политических интригах, назначала угодных Распутину людей на министерские и другие высокие посты — ей, притворившейся полной дурой, лгущей со страху всё подряд, удалось снять с себя это обвинение и выйти на свободу. Образ страдающей от людей несчастной, недалёкой Вырубовой предполагал её страдания и от «царей», и от царедворцев.

Как только Вырубова, просидев в Петропавловской крепости 9 месяцев, освободилась из-под стражи (20 декабря 1917 года), она тотчас спряталась от людей, поселившись не у родителей, а на съёмной квартире, и стала думать, как ей освободить Аликс, Ники и их детей. Царская семья в то время находилась в Тобольске и имела относительную свободу. До Тобольска тогда еще не дошли разруха и голод, которые уже охватили Петербург, и Аликс сумела даже переправлять для её любимой Ани посылки

с продовольствием С помощью самых доверенных людей Вырубова письменно связалась с Аликс, и им удалось наладить не только взаимную переписку и переписку Аликс с другими близкими ей людьми, но даже и обмен посылками. Сохранилось несколько писем низложенной императрицы Александры Феодоровны к Вырубовой, в которых Аликс с чисто немецкой аккуратностью сообщала, какие продукты она посылает и как она регистрирует свои посылки с продовольствием. Она и Анну просит следить за их получением по номерам. В письме от 8 декабря 1917 года с припиской «9-го»: «Посылаю макароны, колбасы, кофе, хотя пост теперь». «Я в книге отмечаю, когда посылаю, и что писала 10-го, а послала 14-го и до этого 9-го. Рисованные карточки. Ты все получила? Посылаю еще муки на днях». (Аликс очень хорошо и с большим вкусом рисовала миниатюрные картинки «без всякого значения», которые она называла «рисованными карточками».) 9 января 1918 года из Тобольска: «Скажи, получила ли Ты разные посылки через знакомых с колбасой, мукой, кофе, чаем и лапшой и подарки, письма и снимки через (...) М.Э.Г. Волнуясь, так как, говорят, открывают посылки со съестными продуктами. Тоже говорят, лучше не посылать „заказные“, они больше на них обращают внимание, и оттого теряются. Начинаю сегодня номера ставить, и Ты следи за ними». В письмах к Вырубовой Аликс перечисляет все подарки, которые она получила от Анны и от знакомых: «Накануне Рождества получили письмо и духи, Тобой еще в октябре посланные. Потом еще раз духи через маленькую Н., жалею, что ее не видела. (...) Твои карточки, серебряное блюдечко и Лили колокольчик, тот пакет еще не могли передать».

Любящая подруга Александры Феодоровны и обожательница Николая Александровича стала предпринимать шаги к освобождению бывшей императорской семьи. Она объединила верных, как ей казалось, людей, целью которых было освобождение царской семьи. Но в эту группу вошёл И. И. Манухин, который работал врачом в тюрьме Петропавловской крепости. Когда Вырубова сидела там, он проявил к ней внимание, втёрся к ней в доверие и, по её мнению, даже спас её от гибели. На самом деле, как это выяснилось позже, его помощь имела целью втереться к ней в доверие, получать от неё сведения о царской семье и всячески противодействовать освобождению «царей». Он был активным масоном, членом организации, которая ставила своей задачей не допустить освобождения царской семьи. Он всячески задерживал деятельность вырубовской группы. Анне удалось только собрать денежные средства и передать их «царям», потому что царская

семья, ограбленная Временным правительством и не получавшая ни копейки на содержание, очень нуждалась в деньгах. Пока царская семья содержалась в Тобольске, еще была возможность её освобождения, но Временное правительство передало её в руки большевиков, и эта возможность была утрачена.

Вырубова получила известие, что уже большевики перевели «царей» в Екатеринбург и ужесточили их содержание под стражей. Анна поняла: время освобождения царской семьи упущено, что новые власти её непременно арестуют и уже не выпустят. Собравши совсем маленькие пожитки, она тайком перебралась в Финляндию и этим спасла себе жизнь.

Её жизнь в Финляндии была далеко не сладкой и далеко не свободной. Несмотря на то что Вырубова, фаворитка императрицы, столько лет находившаяся у российского престола, была известна финским властям (ведь Финляндия была частью России), её направили, наравне со всеми эмигрантами из России, в Тариоки, на остров, где помещался карантин для беженцев, завели на неё полицейское досье и приступили к допросам. На допросах Анна Вырубова не уронила чести: она отвергла все небылицы, возведённые на царскую семью и лично на неё, особенно отрицала любовную связь императрицы Александры Феодоровны с Григорием Распутиным. Анна Вырубова всегда и везде: на допросах ли, в частных ли беседах — говорила одно и то же, не путаясь в показаниях.

Когда ей разрешили проживание в Хельсинки, она несколько раз писала прошения о предоставлении ей гражданства Финляндии, но каждый раз ей в этом отказывали на том основании, что она «занималась политической деятельностью». Жизнь в стране на «птичьих правах» всегда и везде бывает во многом ущемлённой. Вырубовой жилось очень трудно, в том числе и в материальном отношении. Тех средств, которые ей удалось вывезти (а это кольца, серьги и броши, которые были на ней), хватило ненадолго. Отсутствие гражданства не позволяло ей устроиться на работу. В 1923 году ей удалось опубликовать свои воспоминания, но этого сравнительно небольшого гонорара тоже хватило ненадолго. Только в 1939 году по ходатайству барона Маннергейма Вырубова получила наконец финское гражданство. Но уже ни денег, ни сил у неё не было. И тогда, чтобы спастись от голодной смерти, Анна Александровна обратилась в ортодоксальный (православный) монастырь, где был совершён над ней тайный постриг, и она стала «тайной монахиней». Ввиду её инвалидности ей разрешили проживание дома, но монастырь обеспечивал её продовольствием и монашеской одеждой, что дало ей возможность быть одетой и не

умереть с голоду.

Нуждаясь в деньгах, Вырубова пробовала еще раз опубликовать свои воспоминания, как бы новые, более полные, но началась советско-финская война, и этот проект был отвергнут. Кроме того, издатель, с которым она в 1937 году заключила контракт, не мог рассчитывать на большую прибыль: многие читатели уже были знакомы с её воспоминаниями по первому изданию, почему книга не могла хорошо продаваться. За финской войной началась Вторая мировая, а по окончании этой войны советские победители стали сильно влиять на политику Финляндии, и Вырубовой пришлось сидеть дома тихо и одиноко. В 1964 году, на 80-м году жизни, Анна Александровна Вырубова скончалась.

В 1983 году, во время моей работы в одном из высших учебных заведений города Турку, мы с моими приятелями, тоже работавшими в Турку, решили поехать в Хельсинки и найти могилу Анны Вырубовой. В ближайшее воскресенье, в один из солнечных весенних дней, мы отправились в Хельсинки на машине. По нашим расчётам, Вырубова, как православная верующая, должна была быть похоронена в Хельсинки, на Ортодоксальном кладбище, и мы отправились туда. К нашей радости, на этом кладбище нас встретил сторож, он же и администратор, прекрасно говоривший по-русски. Оказалось, что он ничего не слышал о Вырубовой, но любезно согласился поискать её могилу. Он открыл книгу регистрации захоронений за 1964 год и нашёл номер её могилы и место её расположения. Мы отправились на её могилу. Могила Вырубовой произвела на нас очень грустное впечатление: перед нами лежала на земле серая плита из бетона с выдавленным на ней именем бывшей фаворитки российских императоров. Сопровождавший нас служитель кладбища пояснил, что это стандартная могила. В таких могилах хоронили одиноких неимущих людей за счёт государства.

Так печально закончился жизненный путь последней фаворитки при российском престоле, самой любимой, самой близкой подруги последней российской императрицы Анны Александровны Вырубовой, сумевшей сыграть весьма важную роль в российских событиях начала XX века и отразиться в зеркале русской истории незаметно для нелюбопытных глаз.

Фаворитки и любовницы российских государей

Были ли фаворитки при великокняжеских и царских Государевых дворах?

При Государевых дворах Великих князей всея Руси Иоанне III Васильевиче и его сыне Василии III Иоанновиче ни фаворитов, ни фавориток в полном смысле этих слов не было. Правда, были подозрения, что Иоанн III одно время особо выделял княгиню Елену, супругу его сына, княжича Ивана, особенно после смерти Ивана, горько им оплакиваемой.

Иван, носивший для отличия от отца наименование Молодой, родился в 1458 году от первого брака великого князя с тверской княжной Марией Борисовной (1422–1467), был наследником престола и опорой отца. Он умер в 1490 году, когда ему было 32 года. Иван Молодой был женат на Елене, дочери Валашского господаря Стефана III, и имел от этого брака сына Дмитрия, родившегося в 1483 году. (Вскользь заметим, что родной брат Елены — Иван — явился предком знаменитого композитора и исполнителя С. В. Рахманинова.)

Как известно, в 1472 году Иоанн III женился вторично на Софье (Зое, Зинаиде) Палеолог, дочери деспота Морей, племяннице последнего императора Византии Константина XII Драгаша. От их брака в 1479 году родился Василий Иоаннович (Василий III), который, по существовавшим тогда законам, после смерти своего старшего брата должен был унаследовать московский престол. Однако Иоанн III, уделявший в то время много внимания своей вдове-невестке Елене и отстранивший от себя свою жену Софью Палеолог, назначил своим наследником не 19-летнего Василия, своего сына, а внука, сына Ивана Молодого и княгини Елены, 15-летнего Дмитрия Ивановича.

14 февраля 1498 года в Успенском соборе Московского Кремля, по специально написанному чину венчания (впоследствии традиционно использовавшемуся в церемониях венчания на царство московских государей), состоялось венчание на Великое княжение внука Иоанна III — Дмитрия Ивановича.

Великая княгиня Софья не могла смириться с тем, что её родной сын Василий, потомок византийского императора, получивший имя, означающее «царь», будет в услужении у ничем не примечательных по рождению внука Дмитрия и его матери Елены. Она понимала, что это решение вызвано увлечением её мужа молодой и красивой валашкой (молдаванкой) Еленой. Софья Палеолог, славившаяся своим умом, знаниями и умением вести интриги, в течение 11 лет вела упорную борьбу за своего

сына Василия. Прежде всего, она обратила внимание Великого князя на то, что его внук, уже венчанный на Великое княжение, совершенно не интересуется делами государства и не собирается помогать своему деду в государственном управлении. Она сумела помириться с великим князем, снова войти к нему в доверие и обратить его отцовское внимание на достойного его сына Василия Иоанновича, уже вполне зрелого мужчину, всегда готового помочь отцу в его нелёгких государственных делах. Свою соперницу — молодую красавицу валашку Елену — она сумела не сама лично, а косвенными путями обвинить в ереси и добиться, что 11 апреля 1502 года Елена, как вредная еретичка, и её сын Димитрий были арестованы и заключены под стражу.

Победа Софьи была полной: через 3 дня после их ареста, 14 апреля 1502 года, в Успенском соборе Московского Кремля по тому же чину венчания на Великое княжение состоялось провозглашение Василия Иоанновича наследником московского престола.

Димитрий, а за ним и его мать Елена погибли в тюрьме в 1509 году.

Можно ли назвать княгиню Елену фавориткой Иоанна III в период с 1490 по 1502 год? Судя по её влиянию на великого князя Иоанна III, по отстранению им законной жены Софьи и законного наследника сына Василия, по венчанию её сына Димитрия как наследника, на наш взгляд, можно.

Но его сын Василий III Иоаннович, мечтавший о детях и не имевший их в течение почти всей жизни, несмотря на свою неплодную супругу Соломонию, никаких явных метресок не имел.

Его внук, Иоанн IV Васильевич Грозный, после смерти своей жены Анастасии Романовны относился к женщинам настолько пренебрежительно и даже жестоко, имел столько жён, наложниц и случайных женщин, которых к нему его клеветы даже не приводили — притаскивали, а он, опозорив их, в лучшем случае прогонял с глаз долой, а то и казнил, так что ни одну из них нельзя назвать не только фавориткой, но и просто любимицей. Впрочем, одну из них можно назвать любимицей Иоанна Грозного: бедную красавицу вдову Василису Мелентьеву. Она и вдовой стала из-за своей пышной, зрелой красоты, понравившейся Иоанну. Его клеветы, чтобы освободить красавицу от замужества, убили её мужа, а её привезли во дворец к царю. Но недолго тешился немолодой уже царь этой красотой русской женщины в расцвете лет. Василиса вдруг пропала из дворца, а куда делась — неизвестно. На этот счёт имеется много всяких версий: что её казнили, что её постригли в монастырь и т. п. Но причину этой немилости все указывают одну: всё это

Грозный сделал из ревности. Великий русский драматург А. Н. Островский написал пьесу, которую так и назвал — «Василиса Мелентьева». Сюжет исторический, но незамысловатый: в дворцовые покои царской любимицы Василисы Мелентьевой под видом её теремной девушки пробрался её любовник. Однажды похотливый царь застал эту «девушку» у своей любимицы Василисы и возжелал её. Пришлось этой «девушке» покориться желанию царя, который так распалился к ней любовью, что даже подарил ей дорогое жемчужное ожерелье. Обман, конечно, был обнаружен, и Василиса, и её любовник были жестоко наказаны.

Разумеется, Василиса Мелентьева не могла быть фавориткой в европейском понимании: она не играла никакой роли при великокняжеском дворе, её во дворце мало кто и видел. Эта любимица была скорее просто наложницей Грозного царя.

Царь Феодор Иоаннович имел одну супругу Ирину Феодоровну Годунову и, будучи глубоко религиозным и воцерковлённым, ни о каких других женщинах и не помышлял да по своему здоровью и не мог помышлять.

О фаворитках Бориса Годунова никаких сведений нет. Его опорой, доверенным лицом была его супруга Мария Григорьевна, урожденная Скуратова-Бельская, дочь Малюты (Григория) Скуратова, женщина, по преданию, властная и суровая, которая ни при каких условиях не позволила бы царю Борису иметь какую-нибудь метреску.

После тяжелых лет Смуты был всенародно избран царём Михаил Феодорович Романов. В первые годы его царствования он был под неусыпным вниманием матери, инокини Марфы. Он даже женился по её настойчивому желанию на княжне Марии Владимировне Долгоруковой, умершей через месяц после свадьбы. По возвращении его отца, патриарха Филарета, из польского плена начались годы совместного правления двух «великих государей», что само по себе исключало появление каких-либо фаворитов, а тем более фавориток.

Сын царя Михаила — царь «Великия, и Малыя, и Белья России» Алексей Михайлович — всю жизнь был окружён своими сёстрами, во главе которых стояла царевна Ирина, а затем любимой женой Марией Ильиничной Милославской с тринадцатью от неё чадами, а после её смерти — последней своей любовью — Натальей Кирилловной Нарышкиной, подарившей ему сына Петра I. Так что у Алексея Михайловича на это «баловство», фавориток, не хватало ни времени, ни возможностей.

Его сын от Марии Ильиничны Милославской — царь Феодор

Алексиевич, с детства слабый и больной, прожил на свете всего лишь 21 год и правил государством около 6 лет. Ученик гуманиста Симеона Полоцкого, царь Феодор II уничтожил местничество, занимался разработкой проекта Славяно-греко-латинской академии и других культурных программ. Во всё время своего правления он находился под патронажем своей сестры, царевны Софьи, которая оказывала на него очень сильное влияние, и в окружении польских родственников его жены Агафьи Грушецкой. Одним из ближайших к нему людей можно назвать боярина князя Василия Васильевича Голицына, но он был фаворитом царевны Софьи.

Ни о фаворитах, ни о фаворитках «скорбного головою», больного Иоанна V Алексиевича говорить не приходится. Хотя и был он признан, благодаря интригам царевны Софьи, «старшим царём», но к правлению, тем более самостоятельному, не имел никакого отношения, соглашаясь со всем, что ему предлагали сначала Софья, а потом Пётр I. По некоторым известиям, он, женатый на Прасковье Фёдоровне Салтыковой, не мог быть, в силу своей немощи, отцом своих дочерей, в том числе оставшихся в живых Анны (Анны Иоанновны), Екатерины и Прасковьи, а потому, чтобы были дети, ему в помощь был приставлен к царице Прасковье постельничий Юшков.

Так что на протяжении XVI и XVII столетий никаких официальных фавориток у русского престола не существовало.

Пётр I и его фаворитки-любовницы

Пётр I, не получив серьёзного образования и воспитания, приобретал знания и взгляды на жизнь в процессе своего царствования. Знакомство с Францем Лефортом, ставшим его фаворитом, привело его в 1691 году в Немецкую слободу, где перед ним развернулась иная жизнь, чем жизнь в царских хоромах. Он встретился с девушками и женщинами «без комплексов», и среди них с красавицей, как ему казалось, Анной Монс, пленившей его сердце. Это была первая и очень сильная любовь царя Петра. Жениться на ней он, естественно, не мог: он был женат, а кроме того, в силу её происхождения она могла быть только его любовницей-фавориткой.

Анна Ивановна Монс (ум 1714) была дочерью уроженца Германии, золотых дел мастера (по другим сведениям — винооторговца) в Немецкой слободе под Москвой (ныне это один из центральных районов Москвы — Лефортово).

Это была хорошенькая девушка с чисто немецкой внешностью, весёлая, раскованная, умевшая изящно танцевать и вести с кавалером беседу. Она не белилась и не рисовала у себя на щеках красных яблок, как это было модно среди русских боярышен. (Кстати, мода эта запечатлелась на куклах-матрёшках.) Она не робела перед царём, а, напротив, смело отвечала на его ухаживания и без жеманства подчинялась его желаниям.

Анна не испытывала любви к царю Петру, но стала его любовницей-фавориткой из меркантильных соображений: царь осыпал её дорогими подарками, выстроил специально для неё богато отделанный каменный дом, назначил ей солидный годовой пенсион, милостью своею одарил имениями не только Анну, но и по её просьбе всю её родню и даже соседей и знакомых.

Влюблённый Петр был настолько привязан к Анне, что не мог далее продолжать свою семейную жизнь. После смерти его матери, царицы Натальи Кирилловны, он решил развязать свои семейные узы с царицей Евдокией Фёдоровной из рода Лопухиных и готов был через все препятствия жениться на Анне Монс. Во время своего путешествия в Европу вместе с Великим посольством, которое возглавлял Франц Лефорт, он, по совету Лефорта, отправил Евдокии письмо, в котором просил её уйти в монастырь. Но Евдокия, считая, что она не может бросить своего сына Алексея, отказалась от этого предложения. Уговоры не привели ни к чему, и тогда к Евдокии была применена сила: в

связи с разводом она была сослана в суздальский Покровский монастырь, где насильно была пострижена в монахини. Это случилось 23 сентября 1698 года. Но осуществить вторую часть плана — жениться на Анне Монс — царю Петру не удалось. Сначала его отвлекли государственные дела, а затем Пётр узнал, что Анна изменяет ему с прусским посланником Кейзерлингом и собирается выйти за него замуж. Для Петра, уверенного в том, что целомудрие было принесено Анной в дар только ему одному, что Анна любит его, это был тяжёлый удар. Кроме того, он узнал, что родственники фаворитки Анны Монс широко используют её близость с царём и под обещание выполнить просьбу через царя неплохо зарабатывают: берут взятки. По этому делу было проведён розыск, и выяснилось, что во взятках замешано около 30 человек, связанных с Анной, фавориткой царя Петра.

В 1704 году произошёл полный разрыв оскорблённого Петра I с Анной Монс.

Нелишне, дорогой читатель, обратить внимание на то, что ещё 25 августа 1702 года в русский плен при взятии Мариенбурга попала Марта Скавронская, а разрыв Петра I с Анной Монс совпал с крещением Марты Скавронской в православие под именем Екатерины Алексеевны, ставшей крестницей царевны Натальи Алексеевны и царевича Алексея Петровича, что показывает, что Марта-Екатерина стала уже фавориткой-любовницей царя Петра I. Но главное, что является основным свидетельством, — в этом же году у Екатерины Алексеевны родился от Петра I сын, названный в честь отца Петром.

Несмотря на эти события в жизни царя, Анна Монс после разрыва с нею Петра I подверглась строгому домашнему аресту, который продолжался около двух лет. Только в апреле 1706 года Пётр разрешил ей выходить из дома, чтобы посещать лютеранскую церковь. Кейзерлинг старался получить у Петра разрешения на брак с Анной. Но Пётр был непреклонен. Лишь в 1711 году, через 7 лет после разрыва, Пётр дал согласие на этот брак, и свадьба Анны Монс с Кейзерлингом наконец состоялась. (В скобках заметим, что, став фавориткой-любовницей Петра I, Екатерина Алексеевна за этот период родила царю еще одного сына, Павла (1705), и дочь Екатерину (1706), которые умерли во младенчестве, а 27 февраля 1708 года у неё родилась дочь Анна и 18 декабря 1709 года — дочь Елизавета, которым в 1711 году исполнилось первой — 3 года, а второй — 2 года, и Пётр был счастлив своей семьёй.)

После столь долго ожидаемой свадьбы счастье Анны Монс окончилось быстро: в 1712 году Кейзерлинг, оставив ей двоих детей, умер, и Анна осталась одна, обременённая детьми и

болезнью. Несмотря на болезнь или просто болезненность, госпожа Анна Кейзерлинг со всей энергией здорового человека взялась вести с родственниками покойного мужа судебный процесс из-за наследства и весьма преуспела в этом.

В 1713 году Анна Монс познакомилась с пленным шведским капитаном фон Миллером, произошёл сговор, они обручились, но второму замужеству Анны Монс-Кейзерлинг не суждено было осуществиться. В 1714 году, через несколько месяцев после обручения, она скончалась.

Помимо Анны Монс и Марты-Екатерины Скавронской у Петра I была в тот период ещё одна любимица — Мария Андреевна Румянцева, урожденная Матвеева, внучка боярина Артамона Сергеевича Матвеева, ближнего боярина и друга царя Алексея Михайловича, а после его смерти друга и советчика царицы Натальи Кирилловны с малолетним Петром Алексиевичем. На глазах царицы и царевичей Петра и Ивана боярин Артамон Матвеев погиб от рук взбунтовавшихся стрельцов, которые сбросили его с кремлёвского высокого крыльца на копьё, а затем саблями изрубили на куски.

Отец Марии Андреевны, Андрей Артамонович Матвеев, был верным соратником Петра I. Пётр направил его на дипломатическую службу в Европу, и Мария Андреевна получила там европейское воспитание. Когда семья Матвеевых вернулась в Москву, Мария Андреевна уже была взрослой девушкой, притом весьма привлекательной. Пётр обратил на неё внимание. Пётр, считавший себя лишённым чувства ревности по отношению к женщинам, Марию Андреевну — увы! — ревновал. Чтобы закрепить отношения с ней, он выдал её замуж за своего бывшего денщика Александра Румянцева и сразу же после свадьбы отправил его одного в Персию на дипломатическую работу, оставив Марию Андреевну в Москве.

Александр Румянцев все годы вплоть до смерти государя Петра I оставался за границей. За службу вдаль от родины Пётр I наградил его графским достоинством, тем самым удостоив свою любовницу Марию Андреевну Румянцеву титулом графини. Только после кончины Петра I, в 1725 году, Румянцеву было разрешено вернуться домой. Мария Андреевна, радуясь возвращению мужа, выехала ему навстречу. В то время она была беременна и в конце этого года родила сына, которого назвали Петром Крестной матерью младенца Петра Александровича Румянцева была, по одним сведениям, цесаревна Елизавета Петровна, дочь Петра I, по другим — императрица Екатерина Алексеевна (Екатерина I).

Через много лет после смерти Петра Великого, будучи уже

пожилой женщиной, статс-дама графиня Мария Андреевна Румянцева, не отличавшаяся скрытностью, говорила, что в молодые годы она ни в чём не могла отказать желаниям Петра Великого, который имел к ней особый интерес, тем самым как бы намекая, кто был отцом её сына.

Её сын, Пётр Александрович Румянцев, один из крупнейших полководцев екатерининского времени, в числе многочисленных наград за свои победы над турками получил от Екатерины II добавление к его фамилии почётного наименования и стал именоваться Румянцевым-Задунайским.

Принимая во внимание военные заслуги Петра Александровича Румянцева-Задунайского, Екатерина II присвоила его матери, Марии Андреевне, звание статс-дамы Высочайшего двора. Мария Андреевна Матвеева-Румянцева, обласканная двором, умерла в глубокой старости.

Как уже говорилось выше, фавориткой Петра I до 1704 года была Анна Монс, и разрыв с ней пришёлся на то время, когда у царя появилась новая любовница-фаворитка — Марта Скавронская, в 1704 году принявшая православие с именем Екатерина Алексеевна и родившая ему в том же году сына Петра.

Отношения с Екатериной Алексеевной складывались у Петра как нельзя лучше: она понимала его, умела погасить взрывы его негодования, больше похожие на психические припадки. Не требуя от него никаких материальных благ, она безропотно следовала за ним всюду, даже на театр военных действий то со шведами, то с турками.

В 1705 году у Екатерины Алексеевны родился второй сын, которого называли Павлом. Оба мальчика умерли в 1707 году, когда одному было три года, а другому — два. Родившаяся в 1706 году дочь Екатерина умерла в 1708 году. Невольно возникает вопрос: что послужило причиной этих смертей? Возможно, дети оставались без родительского присмотра, потому что с 30 июня 1705-го до 13 марта 1706 года в Астрахани проходил весьма опасный для царствования Петра мятеж против «бояр и немцев». Мятеж был подавлен, но в октябре 1707 года началось восстание Донского казачества под предводительством Кондратия Афанасьевича Булавина. Екатерина везде следовала за Петром; приглядывали за детьми чужие люди, «приглядывали», видимо, «очень хорошо». Умирили и законнорожденные дети — Наталья (1713–1715), Маргарита (1714–1715), Пётр (1715–1719), Павел (род. и ум. 1717), Наталья (1718–1725), Пётр (1719–1723). Всего Екатерина Алексеевна родила Петру I одиннадцать детей, из которых в живых остались только две дочери — Анна и Елизавета.

Екатерина не была красавицей. Её портреты показывают, что у неё было скуластое лицо, небольшие глаза, но, по отзывам её современников, она обладала женской притягательной силой, была, выражаясь современным языком, женщиной-вамп и притом «без комплексов».

В 1711 году Екатерина сопровождала Петра в Прутском походе, оказавшемся для русского царя весьма неудачным: Пётр вместе со своим войском попал в окружение. Спасти царя Петра от позора плена мог только подкуп визиря, весьма падкого на взятки. Екатерина собрала все свои бриллианты, полученные ею от Петра и других покровителей (Шереметева, Меншикова), и отдала их для выкупа. Пётр был потрясён этим поступком подлинного благородства и по возвращении в Россию учредил орден Св. Екатерины, первым номером которого была награждена его фаворитка Екатерина Алексеевна.

Пётр полюбил своих дочерей Анну и Елизавету и 19 февраля 1712 года обвенчался со своей фавориткой, которая с этого дня приобрела титул царицы, а её дочери — титулы царевен.

22 октября 1721 года по решению Сената Пётр I получил титул Императора Всероссийского Петра Великого и звание «Отца Отечества».

7 мая 1724 года в Успенском соборе Московского Кремля Пётр I короновал свою супругу как императрицу Екатерину I. Его дочери стали цесаревнами, по-западноевропейски — принцессами.

В том же 1724 году, осенью, Петру донесли, что у Екатерины, которую он считал самой верной своей женой и другом, есть фаворит и этот фаворит — Виллим Монс, родной брат Анны Монс. Пётр не поверил доносу и сам лично удостоверился в этом предательстве. Он казнил Виллима Монса за казнокрадство, а его сестру Матрёну Монс отправил в монастырь за пособничество в казнокрадстве и за воровство. Екатерина, которой Пётр из кареты показал отрубленную голову Монса, надетую на шест, ни одним мускулом лица не выдала своего волнения. В этот день она со своими дочками разучивала новый бальный танец и была очень весела.

Пётр очень тяжело переживал разочарование в своих самых близких людях — Кате и Данилыче, который знал о фаворите и ничего не говорил Петру на протяжении довольно длительного времени. До января 1725 года Пётр старался не общаться с женой, но за день до его смерти Екатерине удалось помириться с ним. Однако наследницей трона Пётр её не объявил, как, впрочем, не успел объявить и никого другого. Есть версия, что, попросив привести дочь Анну, Пётр хотел ей передать трон, но эта версия

не может быть состоятельной, потому что одним из условий брачного контракта Анны с герцогом Карлом-Фридрихом Голштейн-Готторп был отказ Анны, её супруга и их детей от российского престола.

После смерти Петра I Марта Скаврнская, дочь крестьянина Самуила Скавронского и Доротеи Ган, «замужняя воспитанница пастора Глюка», наложница генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева, потом наложница А.Д. Меншикова, переданная им царю тоже в качестве наложницы, затем фаворитка царя под православным именем Екатерина Алексеевна, ставшая царицей и коронованная императрицей, была стараниями Меншикова избрана на Всероссийский престол как императрица Екатерина I. Ввиду того что править страной она была не в состоянии, так как едва после долгих тренировок научилась ставить только свою подпись, фактическим правителем Российской империи стал её фаворит Александр Данилович Меншиков. По отзывам современников, императрица Екатерина I, занимая престол, полностью доверила все дела своему фавориту, а сама вела беспорядочный образ жизни, много пила, особенно часто с Меншиковым, и имела любовников из числа дворцового караула. По преданию, она была больна туберкулёзом Царствовала императрица Екатерина I недолго — с 28 января 1725 года до 6 мая 1727 года. Похоронили её в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга.

«Фаворитка» императора-отрока Петра II

В начале мая 1727 года, после смерти Екатерины I, по решению Тайного Совета, якобы на основании завещания императрицы Екатерины I, Всероссийский трон занял Пётр II (1715–1730), внук Петра I, сын погибшего в петровских застенках царевича Алексея Петровича и умершей от родов принцессы Шарлотты-Кристины-Софии Брауншвейгской-Вольфенбюттельской. Он родился 12 октября 1715 года, и в пору его восхождения на престол ему было всего 12 лет, но уже 25 мая 1727 года А. Д. Меншиков, что называется, «подсутился» в жажде продолжать безраздельно править державой и провёл обручение малолетнего императора со своей дочерью княжной Марией Александровной. Ещё до обручения Меншиков перевёл императора-отрока для проживания в свой дом, вместо прежних учителей назначил ему Остермана, который не очень-то настаивал на учёбе. После обручения Мария Александровна получила титул «Ея Высочества» и, как царской невесте, ей был учреждён двор с особым штатом и содержанием в 34 тысячи рублей в год. Обер-гофмейстериней её двора 22 мая 1727 года была назначена Варвара Михайловна Арсеньева, в июле того же года пожалованная орденом Св. Екатерины I степени и полагающимся при ордене званием кавалерственной дамы Большого креста.

Казалось бы, Меншиков должен торжествовать, но тяжёлый недуг лихорадки свалил его в постель на две недели. А в это время император-отрок, забросив учёбу, стал большую часть времени проводить со своей родной сестрой Натальей и её подругой и их общей тёткой цесаревной Елизаветой Петровной, которая была неутомимой наездницей и неустрашимой любительницей охоты. Елизавете Петровне было тогда 17 лет, это была стройная девушка в самом расцвете юной красоты. И Пётр сразу же был очарован её живостью, ловкостью, обаянием, нежной, алебастровой кожей лица Наталья, больная туберкулёзом, не всегда могла принимать участие в прогулках верхом, а тем более в охоте. А Елизавета Петровна, воспринимавшая Петра как младшего братца, с весёлой радостью совершала с ним далёкие прогулки верхом, скакала на лошади наперегонки с ним и стреляла дичь или зверя на охоте. А Пётр серьёзно увлёкся своей тёткой, и она для него стала его любимицей, его, императора, фавориткой. Он полностью забросил своё учение, а о своей невесте даже и не вспоминал. Для него главными стали его прогулки верхом с Елизаветой и встречи

с ней на охоте.

В эту пору о нём говорили: «У государя нет другого занятия, как бегать днем и ночью в компании царевны Елизаветы и сестры...» Он возненавидел Меншикова, перестал ему подчиняться, особенно после того, как Меншиков дважды отнял у Елизаветы и у Натальи деньги, подаренные им Петром.

Князя Долгоруковы, которых Меншиков в качестве своей опоры подпустил к молодому императору, завладели сердцем и душой Петра II, особенно Иван Долгоруков, и настроили его против Меншикова. 8 сентября 1727 года по решению Верховного тайного совета, в котором Долгоруковы играли не последнюю роль, и указу императора Петра II, генералиссимус, светлейший князь АД Меншиков был арестован и сослан в его Рязанское имение Ранненбаум.

15 октября 1727 года Петру II исполнилось 13 лет, а 30 ноября 1727 года Пётр II был обручён с княжной Екатериной Алексеевной Долгоруковой. Однако его единственной сердечной привязанностью, помимо сестры Натальи, была его тётка, цесаревна Елизавета Петровна.

Елизавета Петровна, возможно, даже и не подозревала, что она «фаворитка» (тогда, правда, такого слова не знали), или, вернее, любимица. Остерман придумал, что лучше было бы Елизавету Петровну выдать замуж за Петра. Но духовенство не могло позволить женитьбу племянника на тётке, а сама Елизавета Петровна даже и представить себе не могла своего замужества с отроком-племянником. Она не разделяла его приязни и не желала быть ни его супругой, ни тем более его «фавориткой». В том же 1727 году её посетила первая любовь в лице Александра Бутурлина. Встречи с Петром стали для неё совсем неинтересными, и она стала видаться с ним всё реже, затем их встречи совсем прекратились. А Пётр, полностью подчинённый Долгоруковыми, почти всё время проводил в подмосковном долгоруковском имении Горенки, где приобщился к вину и недетским удовольствиям в особой комнатке возле бильярдной.

Когда наступило время коронавания Петра II и двор переехал в Москву, Елизавета Петровна поселилась в подмосковном селе Покровском, где вместе со своими фрейлинами предавалась народным забавам: зимой — катание с горы на санях, по замёрзшему пруду — на коньках, в поле — охота на зайцев; а летом водила с девушками хороводы, травила волков, увлекалась соколиной охотой. В принадлежавшем ей селе Курганиха Елизавета занималась разведением сада. Сюда, подальше от любопытных глаз, и зачастил приезжать Александр Бутурлин, не на шутку ею увлечённый. Тайна их встреч продержалась около

двух лет. Как только это стало известно Петру II, он тотчас же распорядился: отослать Бутурлина на Украину, в армейский полк.

Сердце царевны Елизаветы не могло быть свободным, и его был перенесён на обер-гофмейстера двора Семёна Нарышкина. Их любовь протекала на глазах придворных Высочайшего двора. Семён Кириллович Нарышкин (1710–1775) мог победить любое женское сердце: он был блестящим кавалером, прекрасно одевался и был щёголем среди других придворных мужчин. Он получил образование за границей, знал несколько иностранных языков, и его культурные предпочтения совпадали со вкусами Елизаветы Петровны. Так, она очень любила театр, а у Семёна Нарышкина в его поместье был свой театр, которым он очень гордился. Отношения между Елизаветой и Нарышкиным были настолько нежными, что двор уже считал дело слаженным и стал ожидать свадьбы. Возможно, так бы оно и было, но опять вмешался Пётр II. Он отправил Нарышкина за границу, по одной версии — путешествовать, по другой — посланником в какую-то европейскую страну.

Казалось бы, дороги императора-отрока с его тёткой разошлись: у него намечалась свадьба с Екатериной Долгоруковой, а у неё были свои любовные предпочтения. Но нет, ревность Петра II к цесаревне Елизавете продолжалась до самой его смерти. Пётр никого из мужчин не хотел подпускать к цесаревне, которую ревновал, словно она и впрямь была его фавориткой. Однажды к Елизавете Петровне посватался через своего посла прусский, бранденбургский курфюрст Карл. Для Елизаветы это была хорошая партия, но Пётр II, даже не уведомив цесаревну, отказал бранденбуржцу. В ответ на эти акты ревности Елизавета Петровна, потеряв одного любовника, находила другого. Вот и теперь её третьим возлюбленным стал красавец, любимец всего Семёновского полка гренадер Шубин.

Пётр II умер в Москве в возрасте 14 лет от оспы 19 января 1730 года и был погребён в Архангельском соборе Московского Кремля. С 1730 по 1741 год Всероссийский трон занимала императрица Анна Иоанновна, затем несколько месяцев правительницей при младенце-императоре Иоанне VI Антоновиче была Анна Леопольдовна, Пройдя через унижения и притеснения этих правительниц, в 1741 году Елизавета Петровна захватила российский престол и царствовала до 1761 года.

Фаворитка Петра III Елизавета Романовна Воронцова

После смерти Елизаветы Петровны в декабре 1761 года на престол взойшёл герцог Голштейн-Готторп Карл-Петер-Ульрих, внук Петра I и внучатый племянник Карла XII, сын Анны Петровны, дочери Петра I, и Карла-Фридриха, герцога Голштейн-Готторп.

Призванный в Россию Елизаветой Петровной в 1742 году, он принял православие с именем Пётр Феодорович, а потому на Всероссийском троне именовался Петром III Феодоровичем (1728–1762). Елизавета Петровна женила его на принцессе Ангальт-Цербстской — Софии-Фредерике-Августе, по принятии православия получившей имя Екатерина Алексеевна и впоследствии ставшей императрицей Екатериной II. Пётр и Екатерина были троюродными братом и сестрой, и Пётр в большей степени воспринимал её как сестру, чем как супругу. Он был влюблён в графиню Елизавету Романовну Воронцову и, вступив на престол, сделал её своей официальной фавориткой-любовницей.

Елизавета Романовна (1739–1792) принадлежала к княжескому, графскому и дворянскому роду Воронцовых, известному с середины XVII века. Возвышение рода началось в XVIII веке, в 1741 году, в период воцарения Елизаветы Петровны, которая одарила милостью главу семьи Воронцовых — Иллариона Гавриловича — за помощь в достижении ею трона, оказанную его сыном Михаилом Илларионовичем (1714–1767). Статский советник Илларион Гаврилович получил от императрицы в день её коронации повышение в ранге — чин действительного статского советника (II класс Табели о рангах), орден Св. Александра Невского и богатые поместья.

Его сын, Михаил Илларионович, с 1728 года, то есть с 14 лет, служил при малом дворе цесаревны Елизаветы Петровны пажом, потом камер-пажом, затем камер-юнкером и в 1741 году принял деятельное участие в возведении своей госпожи на Всероссийский трон. Так начался карьерный взлёт видного государственного деятеля и дипломата Михаила Илларионовича Воронцова, кавалера всех высших российских и иностранных орденов. В марте 1744 года Михаил Воронцов по просьбе Елизаветы Петровны был возведён в графское Римской империи достоинство. В том же году он был назначен членом Коллегии иностранных дел и вице-канцлером, а в 1758 году

государственным канцлером и сенатором и возглавил внешнеполитическое ведомство Российской империи. Постоянный карьерный рост Михаила Илларионовича Воронцова объясняется, помимо его личных заслуг, также тем, что он был женат на Анне Карловне Скавронской, двоюродной сестре Елизаветы Петровны, статс-даме, а затем гофмейстерине Высочайшего двора, награждённой орденом Св. Екатерины I степени, стало быть, кавалерственной даме Большого креста.

Граф Михаил Илларионович Воронцов приходился Елизавете Романовне родным дядей. Его родные братья Роман Илларионович (1707–1783), отец Елизаветы, и Иван Илларионович пользовались близостью Михаила и его жены к императрице Елизавете Петровне и тоже получали от неё милости. Так, его братья Роман и Иван, за которых он хлопотал, в январе 1760 года по просьбе Елизаветы Петровны были возведены императором Францем I в графское Римской империи достоинство с нисходящим потомством, а Романа Илларионовича императрица пожаловала ещё и в сенаторы.

Пришедшая к власти в 1762 году Екатерина II назначила Романа Воронцова наместником Владимирской, Пензенской и Тамбовской губерний, что благодаря взяткам и поборам явилось для него источником огромного богатства, так что он не случайно получил прозвище «Роман — большой карман».

У Елизаветы Воронцовой было две сестры: старшая Мария Романовна, после замужества графиня Бутурлина, и младшая Екатерина Романовна, в замужестве Дашкова. Елизавета с Марией воспитывались при малом, великокняжеском дворе: Елизавета Петровна определила их фрейлинами к великой княгине Екатерине Алексеевне (Екатерине II), а младшую, Екатерину, взял к себе на воспитание её дядя Михаил Илларионович Воронцов.

Дядя сестёр Воронцовых, государственный канцлер Михаил Илларионович, принял в свою семью Екатерину и воспитывал её вместе со своей единственной дочерью, впоследствии графиней Строгановой. Екатерина очень любила читать и получила очень хорошее образование. А две другие сестры, Мария и Елизавета, служили фрейлинами, жили в великокняжеском дворце, но такого образования и воспитания, как Екатерина, не получили. Мария и Елизавета Романовны, с 1760 года ставшие графинями, редко виделись со своей младшей сестрой Екатериной. Однако родственные привязанности сестёр друг к другу они сохранили до конца жизни. Проживая во дворце в атмосфере фаворитизма, свободных любовных связей великой княгини, великого князя и их придворных, они и воспитывались в этом духе, почти не получая никакого образования. Особенно Елизавета, весьма

нескладная и ленивая, небыстрого ума, не склонна была овладевать науками.

Великая княгиня Екатерина Алексеевна вспоминала впоследствии, что фрейлина Елизавета Воронцова была «очень некрасивым ребёнком с оливковым цветом кожи», «широкорожей», «толстой и нескладной», «с каким-то обрюзглым лицом». Неудивительно, что весь двор был потрясён, когда выяснилось, что великий князь Пётр Феодорович пленён этой «широкорожей» фрейлиной и называет свою любовь, как старуху простолодинку, — «Романовной».

Елизавета Петровна смеялась над этим увлечением великого князя и иронически наделила «Романовну» прозвищем «Госпожа Помпадур».

Екатерина II в своих «Записках» отметила, что вкус у Петра Феодоровича был весьма странный: он любил всякого рода уродства, а потому и выбор любовницы-фаворитки был в полном соответствии с его вкусом. А вкус его соответствовал его внутреннему содержанию большого ребёнка, любящего играть в солдатики, устраивать в своих покоях представления, используя своих слуг в качестве действующих лиц. Романовна тоже была большим неуклюжим ребёнком, беспечным, бесхитростным, добродушным и не требующим наград и подарков. Она единственная при дворе понимала детские причуды и игры великого князя и поддерживала их, с удовольствием с ним играя. Пётр III побаивался своей жены Екатерины Алексеевны, её ума, образованности и серьёзности. Эта боязнь особенно проявилась в то время, когда он почти безропотно подписал своё отречение и в своём письме к ней униженно просил позволить ему свободно жить. А с Романовной ему было комфортно. Она принимала его таким, как он есть. Он видел, что при дворе нет ни одной дамы, которая бы его так чистосердечно принимала со всеми его недостатками, как добрая фрейлина Воронцова.

Екатерина Дашкова, несмотря на то что её сестра Елизавета занимала положение официальной фаворитки великого князя, в деле противостояния наследника и великой княгини отдала решительное предпочтение Екатерине Алексеевне. Поэтому на все приглашения Петра III Дашкова отвечала отказами под любыми предлогами. Пётр Феодорович был недоволен этим обстоятельством, и «сестра, — вспоминает Екатерина Романовна, — уведомила меня, что государь сердится на мои отказы и не хочет верить в искренность их предлогов».

«Однажды, — вспоминает Екатерина Дашкова в своих „Записках“, — отозвав меня в сторону, он удивил меня своим замечанием, вполне достойным его нехитрой головы и простого

сердца <...> „Дитя мое, — сказал он, — вам бы не мешало помнить, что водить хлеб-соль с честными дураками, подобными вашей сестре и мне, гораздо безопаснее, чем с теми великими умниками, которые выжмут из апельсина сок, а корки бросят под ноги“».

Императрица Елизавета Петровна скончалась 25 декабря 1761 года, в самый день Рождества Христова, и место её на Всероссийском троне занял её племянник император Пётр III Фёдорович. По своём воцарении он пожаловал Елизавету Романовну званием камер-фрейлины, приказал отвести ей во дворце комнаты рядом с его покоем и по примеру французских королей объявил её своей официальной фавориткой. 9 июня 1762 года фаворитка императора Романовна была пожалована орденом Св. Екатерины I степени и стала кавалерственной дамой Большого креста. В связи с этим событием князь Н. И. Репнин ночью приехал к Дашковой. Впоследствии Дашкова описала этот эпизод так: «Он казался чрезвычайно взволнованным и без дальних околичностей воскликнул: „Ну, моя милая кузина, все потеряно — наш план разрушен! Сестра ваша Елизавета получила орден Св. Екатерины, а я назначен министром-адъютантом, или министром-лакеем, к прусскому королю“».

Это обстоятельство, которое служило прелюдией низвержения императрицы, сильно поразило меня; орден Св. Екатерины жаловался только принцессам королевской крови».

Пётр III со многими, в том числе с княгиней Дашковой и с иностранными посланниками, делился своими планами о намерении заточить императрицу в монастырь и жениться на камер-фрейлине графине Воронцовой. Сама же Воронцова, ленивая, добродушная и безмятежная, не предпринимала никаких действий, так что у Екатерины II не было причин считать её врагом и даже на неё сердиться.

Княгиня Дашкова писала впоследствии: «Здесь я не могу не отдать справедливости моей сестре Елизавете, которая хорошо знала различие наших характеров и не требовала от меня того раболепного внимания к себе, на какое она получила право по своему положению от остальной придворной толпы».

Всего лишь через несколько дней после незаконного получения графиней Воронцовой ордена Св. Екатерины, 28 июня 1762 года, в ходе дворцового переворота, возглавляемого императрицей Екатериной Алексеевной, Пётр III подписал отречение, был низложен, а на следующий день, 29 июня, арестован. Говорили, что его Романовна бросалась в ноги Алексею Орлову с просьбой не разлучать их, а отпустить незадачливого императора, обещая, что они уедут и не будут

никогда никому досаждают. Но просьба её не была уважена: Пётр III, содержащийся под арестом, был препровождён в усадьбу Ропша, близ Петергофа, а Елизавета Романовна была отправлена временно в петербургский дом её отца. Дашкова посчитала необходимым навестить сестру и успокоить её. Когда она подъехала к дому своего отца, она увидела, что дом оцеплен солдатами со всех сторон и командует ими глуповатый офицер Каковинский. Дашкова отпустила часть солдат, а Каковинскому сделала внушение. О состоянии отца и сестры она написала в «Записках» так: «Отец принял меня без всякого ропота и неудовольствия. Он жаловался на обстоятельство, о котором я упомянула, и был недоволен тем, что дочь его Елизавета находилась с ним под одной кровлей. В первом случае я успокоила его, объяснив, что виной его стеснения было недоразумение Каковинского и что к вечеру в его доме не будет ни одного солдата. Что же касается второго обстоятельства, я умоляла его подумать о критическом положении моей сестры, для которой его дом стал единственно честным убежищем, как некогда был естественным ее приютом. „Скоро, впрочем, — прибавила я, — ваше покровительство ей будет не нужно, и тогда, если на то будет обоюдная добрая воля, можно расстаться совершенно прилично“».

Основной целью посещения дома отца для Дашковой была встреча с сестрой Елизаветой. Об этой встрече и о дальнейшей судьбе Елизаветы Романовны она пишет так: «Когда я вошла в комнату своей сестры, она начала оплакивать бедствия этого дня и свое собственное несчастье. Относительно личных неприятностей я советовала ей утешиться. Уверив в полной готовности служить ей, я в то же время заметила: государыня так добра и благородна, что поможет ей без всякого участия с моей стороны. В этом отношении моя уверенность была совершенно основательна».

Став императрицей, Екатерина II уволила Елизавету Воронцову от двора, лишила её придворного звания камер-фрейлины, объявила незаконным награждение её орденом Св. Екатерины, а вместе с этим и права носить портрет императрицы на голубом муаровом банте, прикрепляемом к платью. Но в то же время Екатерина II старалась упрочить материальное положение Елизаветы Романовны, желая даже купить ей дом в Москве. В связи с этим она приказала графу Роману Илларионовичу Воронцову, отцу Елизаветы, определить дочь, выделив ей часть своего имения, «чтоб она уже ни с кем дела не имела и жила в тишине, не подавая людям много причин о себе говорить».

Первое время своего царствования Екатерина II еще не совсем доверяла Елизавете Воронцовой, не надеясь на её благопристойное поведение, опасаясь пересудов со стороны придворных, разговоров об убийстве Петра III. Так, перед коронацией она писала Елагину: «Перфильич, сказывал ли ты кому из Лизаветиных родственников, чтоб она в дворец не размахнулась, а то, боюсь, к общему соблазну завтра прилетит».

Дашкова писала: «Хотя императрица сочла отсутствие Елизаветы Воронцовой необходимым во время коронации, она постоянно посылала ей гонцов с уверением в своем покровительстве. Сестра вскоре удалилась в подмосковную деревню отца; когда же после коронования двор оставил Москву, она переселилась сюда и жила здесь до своего замужества с Полянским». Графиня Елизавета Романовна Воронцова вышла замуж в 1765 году за полковника, а затем статского советника Александра Ивановича Полянского. Они жили в Петербурге, но Елизавета Романовна уже никогда не появлялась при дворе. Однако Екатерина II продолжала ей покровительствовать. По свидетельству Дашковой, когда у Елизаветы родился старший сын, императрица стала его крестной матерью. Императрица обращалась с милостями не только лично к Елизавете Романовне. Когда Анна Полянская, дочь Елизаветы, в 1781 году окончила Смольный институт, то, по одной из версий, Елизавета Воронцова-Полянская обратилась к Екатерине II с письмом, в котором просила дать её дочери Анне шифр, то есть должность фрейлины при дворе. Другую версию изложила Дашкова: «А через несколько лет ее дочь по моей просьбе была назначена фрейлиной».

Семья Воронцовых: сестра Екатерина Дашкова и оба брата Елизаветы Романовны — Семён и Александр Романовичи — не отвернулись от несчастливой фаворитки императора Петра III Феодоровича, все они любили её и помогали ей. Была ли она подлинной фавориткой императора Петра III? Объявленная официальной фавориткой при российском императорском дворе, Елизавета Воронцова, в силу своего характера, малой образованности и невоспитанности, не получила никаких поручений государственного характера и не принимала никакого участия ни в назначении на государственные посты, ни в первенстве при дворе, никого из придворных не преследовала, никому не делала никакого вреда. Напротив, в тяжёлые для императрицы Екатерины Алексеевны дни она смягчала отношение к ней Петра Феодоровича, и Екатерина порой прибегала к её заступничеству.

Елизавета Романовна Полянская (Воронцова) скончалась 2

февраля 1792 года на пятьдесят третьем году жизни, оставив о себе в своей семье добрые воспоминания.

Фаворитки императора Павла I — Екатерина Нелидова и Анна Лопухина

Екатерина Ивановна Нелидова (1758–1839), дочь поручика Ивана Дмитриевича Нелидова и Анны Александровны Симоновой, родилась 12 декабря 1758 года. В 1765 году, когда ей исполнилось всего семь лет, она была принята при первом наборе в Воспитательное общество благородных девиц — Смольный институт, основанный Екатериной II. Она провела в Смольном институте 11 лет и в 1776 году, уже 18-летней девушкой, первым выпуском окончила его с шифром, отличием, позволившим Екатерине II назначить её фрейлиной малого двора великой княгини Наталии Алексеевны, первой супруги великого князя и наследника Павла Петровича. Так как это был первый набор и первый выпуск смолянок, можно сказать, «экспериментальный проект императрицы», Екатерина II внимательно следила за успехами каждой институтки и после выпускного бала заказала знаменитому в то время художнику Д. Г. Левицкому масляные портреты в полный рост наиболее отличившихся благородных девиц, в том числе и портрет Екатерины Нелидовой. (Портрет ныне экспонируется в Третьяковской галерее.)

Екатерина Нелидова была девушкой некрасивой, но миловидной и с живым выражением лица, а особенно чёрных глаз, светящихся умом и проницательностью. Она отличалась грациозностью движений, великолепной пластикой и потому преуспела в танцах. Д. Г. Левицкий изобразил её танцующей менуэт на фоне дворцовой парковой панорамы, в позе, полной женской грации и кокетливого очарования.

Не успел отгреметь первый выпускной бал смолянок, как 16 апреля 1776 года великая княгиня Наталия Алексеевна (принцесса Августа-Вильгельмина-Луиза Гессен-Дармштадтская) скончалась при родах. Служение фрейлиной при малом дворе пришлось на время отложить. По существовавшим в Воспитательном обществе благородных девиц правилам Екатерина Нелидова оставалась в Смольном институте в качестве «пепиньерки» (то есть воспитательницы, помощницы преподавателей института), как говорится, до лучших времён.

Великий князь Павел Петрович сначала так сильно горевал по поводу смерти жены, что готов был отрешиться от всего земного. Екатерина II, желая прекратить его страдания, открыла ему тайну великой княгини Наталии Алексеевны, изменявшей своему супругу с его другом детства Андреем Разумовским,

сыном знаменитого гетмана Украины Кирилла Григорьевича Разумовского и племянником Алексея Григорьевича Разумовского, фаворита императрицы Елизаветы Петровны. Неопровержимое доказательство её измены — переписка Наталии Алексеевны с Андреем Разумовским, представленная ему Екатериной II, — отрезвляюще подействовало на наследника престола, и через пять месяцев после кончины Наталии Алексеевны, 26 сентября 1776 года, он женился на принцессе Софии-Доротее-Августе-Луизе Вюртембергской, принявшей православное имя Мария Феодоровна. И тогда Екатерина Ивановна Нелидова приступила к выполнению обязанностей фрейлины малого двора великих князей Павла Петровича и Марии Феодоровны.

Несмотря на некрасивость, фрейлина Нелидова очаровывала своей грациозностью, весёлостью, остроумием и подкупала всех, кто был с ней знаком, глубокими знаниями, простотой поведения и искренностью. Она была умна, образованна и начитанна, умела вести беседы на многие темы, проявляя в них твёрдость характера, благородство души и желание быть полезной обществу.

Великая княгиня Мария Феодоровна, по просьбе великого князя Павла Петровича, но ссылаясь на честное служение фрейлины Нелидовой, её ум и благородство, а особенно на её готовность служить людям, испросила у Екатерины II разрешение на перевод Нелидовой в придворное звание камер-фрейлины малого двора, на что был дан положительный ответ. В то же время Екатерина II, чтобы избежать сплетен и конфликтов, назначила Екатерину Ивановну на должность начальницы Смольного института, что заставило Нелидову переехать на жительство в Смольный и бывать при дворе только в особых случаях.

Прекрасные качества камер-фрейлины Екатерины Ивановны Нелидовой привлекли внимание цесаревича Павла Петровича, и великий князь стал проводить много времени в беседах с умной, веселой, начитанной камер-фрейлиной, которая понимала устремления наследника престола, его стремление к правде, к честному служению своей стране. Со своей стороны Екатерина Ивановна уважала в цесаревиче рыцарский характер, искреннее желание сделать всё для блага его подданных, когда он станет императором. Но своим проницательным умом она понимала, что его неуравновешенность, его вспыльчивость приводят к неправильным, иногда далее странным решениям, что в его оценках людей нет «золотой середины», а есть непостоянство: то чрезмерное восхищение человеком, то полная его дискредитация

и сиюминутное желание удалить его со своих глаз. И Екатерина Ивановна пыталась совершенствовать характер наследника, приготавливая его к идеальному управлению империей.

Постепенно изучив характер цесаревича и обнаружив своё влияние на него, Нелидова свято поверила, что Господь приготовил её к великой миссии — подготовить и поддержать великого князя в выполнении его императорского предназначения, что она в состоянии дать ему то, чем он пока не обладает: душевное равновесие, спокойствие духа, умение принимать обдуманное решение «на холодную голову». Она верила, что её влияние на цесаревича Павла Петровича, её советы и просьбы необходимы не ей лично, не из корыстных побуждений, а для общего блага, для будущего процветания Российской империи. И она действительно в течение почти целого десятилетия умела оказывать на неуравновешенного наследника, полного противоречий и колебаний, благотворное влияние.

Великая княгиня Мария Феодоровна, видя, как её супруг целыми вечерами пропадает в комнатах камер-фрейлины Нелидовой, слыша шёпот придворной толпы по поводу наследника и его фаворитки, очень страдала. Однажды Екатерина II подвела её к зеркалу и сказала: «Посмотри на себя, как ты хороша, и посмотри на Нелидову. Разве есть хоть какое-то сравнение?» Екатерина Ивановна тоже со своей стороны сумела убедить великую княгиню в чистоте её отношений с Павлом Петровичем, в бескорыстии их дружбы. Да и сам великий князь не раз повторял Марии Феодоровне, что с Нелидовой его соединяет «дружба священная и нежная, но невинная и чистая». Мария Феодоровна поверила мужу и приняла руку дружбы от его фаворитки. Теперь они уже вместе стали оказывать на будущего императора благотворное влияние. Несмотря на заявление цесаревича о чистоте его дружбы с камер-фрейлиной Екатериной Ивановной, несмотря на дружбу Нелидовой с великой княгиней Марией Феодоровной, и Высочайший двор, и свет считали, что фаворитка Павла Петровича — камер-фрейлина Нелидова — любовница цесаревича.

Объединение великой княгини Марии Феодоровны с камер-фрейлиной Екатериной Ивановной стало великим заслоном для всех, кто хотел в своих интересах влиять на наследника. Естественно, многим вельможам, получавшим милости от великого князя за их мнимую дружбу и поддержку, мешала эта двойная преграда. Особенно она мешала таким людям, как фаворит великого князя Иван Павлович Кутайсов и его окружение, тем более она стала большой помехой, когда в ноябре 1796 года Павел Петрович стал императором.

Разрушить мешающую преграду можно было только одним — заменить эту чересчур умную и хитрую фаворитку другой. И случай скоро представился. В конце марта 1797 года весь двор выехал в Москву на предстоящую коронацию Павла Петровича, 5 апреля 1797 года в Успенском соборе Московского Кремля торжественно прошла коронация императора Павла I. Москва торжественно и весело праздновала это великое событие: всюду проводились балы, праздники и торжества в честь нового Государя Всероссийского. На одном из балов Кутайсов ловко обратил внимание императора на молоденькую девушку, Анну Петровну Лопухину, впервые вывезенную в свет. Совсем юная (ей в то время ещё не было и 20 лет), она понравилась императору Павлу своей свежестью, белизной кожи, чёрными сверкающими глазами, добрым и милым выражением лица, И тогда его фаворит Иван Кутайсов, отлично знавший характер своего покровителя, шепнул Павлу, что якобы Анна Лопухина «потеряла голову» от его императорского величества. Разумеется, это заявление запало в душу честолюбивого мужчины. И потому Кутайсову далее не представляло особого труда настоять на переводе в Петербург семейства Лопухиных, что и произошло в 1798 году. Анна Петровна Лопухина была зачислена камер-фрейлиной в штат Высочайшего двора, и ей были предоставлены в Зимнем дворце комнаты рядом с покоями императора Павла. Придворные императорского двора поняли, что у Павла Петровича появилась новая фаворитка.

Занятая делами Смольного института, Нелидова бывала при дворе нечасто, а потому узнала о перемене в её жизни несколько позже, когда Павел изгнал из Петербурга за какое-то не понравившееся ему высказывание её ближайшую подругу еще по Смольному институту — графиню Наталью Александровну Буксгевден (урожденную Алексееву). Наталья Александровна уехала в принадлежавший её мужу замок Лоде в Прибалтике. Екатерина Ивановна в такой ситуации не могла оставаться ни во дворце, ни в Смольном институте, а потому вынуждена была последовать за своей подругой. Она вернулась в Смольный в 1800 году, когда узнала, что Анна Петровна Лопухина с рыцарского благословения Павла I вышла замуж за князя П. Г. Гагарина и выехала из Петербурга.

Гибель Павла I от рук заговорщиков, в числе которых был и его ближайший «друг» и фаворит Иван Павлович Кутайсов, потрясла Екатерину Ивановну. Она как-то сразу состарилась и поседела. Она продолжала работать в Смольном институте и дружить со вдовствующей императрицей Марией Феодоровной. Их сближала теперь только благотворительная деятельность

«Учреждений императрицы Марии Феодоровны», в состав которых входило и Воспитательное общество благородных девиц — Смольный институт, начальницей которого была Екатерина Ивановна. В 1828 году скончалась Мария Феодоровна, и Екатерина Ивановна оказалась совершенно одинокой. Она доживала свой век в Смольном, продолжая традиции Воспитательного общества благородных девиц, заложенные Екатериной II, заботясь о своих воспитанницах-смолянках.

По воспоминаниям её современников, она сохранила живой проницательный ум и способность вести интересные беседы на волнующие её собеседников темы. Однако она утратила прежнюю мягкость, живость и приветливость и стала более славиться строгостью, принципиальностью и требовательностью к окружающим её людям.

Последние её дни были скрашены заботой о ней её любимой племянницы — княгини Александры Александровны Трубецкой, на руках которой Екатерина Ивановна Нелидова и скончалась 2 января 1839 года. Тело её было погребено на кладбище, находившемся рядом со Смольным институтом

Анна Петровна Лопухина (1777–1805), неожиданно для неё самой ставшая фавориткой императора Павла I и камер-фрейлиной Высочайшего двора, не разделяла чувств своего покровителя и потому во время пребывания своего в Зимнем дворце старалась отдалить его от себя, а для этого много капризничала и, под влиянием своих родичей, просила титулов для семьи, чинов и должностей для отца. Очарованный ею император исполнял все её капризы и просьбы. Он даже армейские штандарты приказал изготавливать со словом ANNA, что в переводе с еврейского означает благодать. А уж Анну и её семью облагодетельствовал полностью: Петру Васильевичу Лопухину, её отцу, 19 января 1799 года пожаловал княжеский титул с нисходящим потомством (из чего следовало, что Анна Петровна становится княжной), а затем и должность генерал-прокурора Святейшего Синода, соответственно с повышением класса чина, и назначение членом Государственного совета. Мачеха Анны Лопухиной, женщина необразованная и даже довольно невежественная, не отличавшаяся добродетелью, стала не только княгиней, но и получила придворное звание статс-дамы Высочайшего двора.

Спустя месяц, в конце февраля 1799 года, князь Пётр Васильевич Лопухин с нисходящим потомством был пожалован титулом светлости и гербом с девизом «Благодать».

Камер-фрейлина Её Императорского Величества императрицы Марии Феодоровны — светлейшая княжна Анна Петровна

Лопухина — должна была постоянно находиться во дворце, сопровождать императрицу и её семейство во время выходов, больших и малых, в паломничестве и загородных поездках. Поэтому Павел I имел возможность видаться со своей фавориткой почти ежедневно. Императрица Мария Феодоровна уже не переживала, видя влюблённость своего мужа. Она уже знала его рыцарский характер и верила, что его отношения с Анной Петровной нежны, но целомудренны. Супружеские отношения у императорской четы протекали нормально. К этому времени у них было уже 10 детей (Александр, Константин, Александра, Елена, Мария, Екатерина, Ольга, Анна, Николай и рождённый в 1798 году Михаил), и все они были живы. Правда, с появлением при дворе фаворитки Анны Петровны и удалением Екатерины Ивановны Нелидовой влияние Марии Феодоровны на мужа значительно ослабло.

Анна Петровна, как уже говорилось, не разделяла страсти государя и даже тяготилась его вниманием и заботой, потому что любила другого человека. И однажды она не выдержала и призналась Павлу Петровичу, что она любит князя Павла Гавриловича Гагарина и любовь эта взаимна. Император проявил царственную доброту: он вызвал князя Гагарина из Италии, где тот состоял при армии А. В. Суворова в чине майора, произвёл его в звание генерал-адъютанта при Особе Его Императорского Величества и дал ему согласие на брак со светлейшей княжной Анной Петровной Лопухиной. Свадьба состоялась 8 февраля 1800 года в присутствии августейшей семьи и всего двора. После замужества княгиня Анна Петровна Гагарина осталась при дворе, и Павел Петрович продолжал оказывать ей царские милости. Она была пожалована званием статс-дамы Высочайшего двора, награждена орденом Св. Екатерины Большого креста и орденом Св. Иоанна Иерусалимского, которым до неё была награждена только одна дама российского двора — племянница светлейшего князя ГЛ. Потёмкина, графиня Екатерина Васильевна Литта, урожденная Энгельгардт, в первом замужестве графиня Скавронская.

После гибели Павла I в ночь с 11 на 12 марта 1801 года и после восхождения на престол его сына Александра I Павловича статс-дама Анна Петровна Лопухина оставалась при дворе Марии Феодоровны, но это уже был не Высочайший двор, а малый двор вдовствующей императрицы.

Бывшая фаворитка императора Павла, княгиня Анна Петровна прожила на свете недолго: она умерла в 1805 году 28 лет от роду после родов, от чахотки. Фаворитка Екатерина Ивановна Нелидова, родившаяся на 19 лет ранее Анны Петровны,

пережила свою соперницу на 35 лет.

Александр I и его возлюбленная Мария Антоновна Нарышкина

Великий князь и император Александр I (1777–1825) 23 сентября 1793 года, с благословения Екатерины II, сочетался законным браком с принцессой Луизой-Марией-Августой Баденской, получившей при крещении в православной церкви имя Елизавета Алексеевна. По единодушным отзывам современников, это была очень красивая, образованная, безукоризненно воспитанная и доброжелательная женщина. Она очаровывала не только своей красотой, но деликатным обращением и внимательностью к окружающим её людям. В придворных кругах, когда хотели похвалить какую-нибудь девушку или женщину, говорили: «Она очаровательна и безупречна, как великая княгиня Елизавета Алексеевна». Великий князь Александр Павлович был тоже красив, и в первые годы их совместной жизни с Елизаветой Алексеевной они составляли необыкновенно гармоничную супружескую пару. Но на несчастье Елизаветы Алексеевны, Александр I очень любил красивых женщин и потому, довольно быстро охладев к своей супруге, стал часто заводить любовные интриги на стороне. Многие дамы императорского окружения пользовались его вниманием, и ни для кого это не было тайной. Но будущий император, быстро загораюсь чувством к какой-нибудь даме, очень быстро охладевал к ней, воспламенившись уже к другой.

Однажды на балу во время Масленицы (это было в феврале 1801 года) цесаревич Александр Павлович обратил внимание на очень красивую придворную даму из свиты своей жены. Это была Мария Антоновна Нарышкина, су-прута Дмитрия Львовича Нарышкина, обер-егермейстера Высочайшего двора.

Мария Антоновна Нарышкина (1779–1854), урожденная княжна Святополк-Четвертинская, дочь князя Антона Святополк-Четвертинского, родилась в Москве и воспитывалась в семье, где её тётка, княгиня Святополк-Четвертинская, и две её двоюродные сестры — княгиня Трубецкая и княгиня Шаховская — славились своей благотворительностью, строительством вдовьих домов в Лефортове, сохранившихся до наших с вами дней, уважаемые читатели, и созданием общества сестёр милосердия «Утоли моя печали», в здании которого до сих пор царит медицина. Не лишена была такого гражданского чувства долга перед неимущими и страждущими и Мария Антоновна. Но в большей степени она, ревностная полька, обеспокоена была судьбой своей

разделённой между тремя государствами родины, а потому собирала вокруг себя польских патриотов. Ходили слухи, что принятие польским сеймом конституции Польши не обошлось без участия Марии Антоновны.

Салон Марии Антоновны был единственным местом в Петербурге, где можно было говорить свободно, даже о самом Аракчееве, которого, к слову сказать, Мария Антоновна просто ненавидела.

Но в то время, когда на неё обратил внимание великий князь Александр Павлович, она блистала своей красотой и грацией на придворных балах императора Павла I. Менее чем через месяц после бала, такого памятного для великого князя и Марии Антоновны, император Павел был убит заговорщиками, и в жизни Александра Павловича наступил новый период: он стал Императором Всероссийским.

Несмотря на все эти и тяжелые, и в то же время радостные для многих события, император Александр I не забыл Марию Антоновну, и в течение последующих почти четырнадцати лет она была его фавориткой. Хотя об этом при дворе и не провозглашалось громко и официально, но как однажды высказался бытописатель Вигель: «О взаимной ее любви с императором Александром я не позволил бы себе говорить, если бы для кого-нибудь она оставалась тайной».

Действовавшие при дворе законы фаворитизма не позволили мужу Марии Антоновны — Дмитрию Львовичу Нарышкину — как-то явно реагировать на измену его жены, да и личность любовника заставляла мужа склоняться перед ним в перегиб. Те же законы заставляли императрицу Елизавету Алексеевну страдать тайно от всех, в том числе и от своего супруга, и найти утешителя своих страданий, тайного любовника. В первые годы связи с Марией Антоновной Александр I ревновал свою возлюбленную, а потому тех своих подданных, которые отваживались ухаживать за Марией Антоновной, отправлял в далекие и долгие командировки, и не только в европейские страны, но и в противоположную сторону.

В 1805 году Россия приняла участие в войне с наполеоновской армией в составе анти-французской коалиции, которую составляли Англия, Турция и Австрия. Сначала русские войска одерживали победы: Кутузов у Кремса, затем в Шёнграбенском сражении. Но 20 ноября 1805 года русские потерпели поражение под Аустерлицем, о котором мы имеем почти наглядное представление через роман Л. Н. Толстого «Война и мир» и его героя Андрея Болконского.

Этот период времени в жизни Марии Антоновны

Нарышкиной отметил в своём романе «Александр I» Д. С. Мережковский:

«Вскоре после Аустерлица появилось в иностранных газетах известие из Петербурга: „Госпожа Нарышкина победила всех своих соперниц. Государь был у нее в первый же день по своем возвращении из армии. Доселе связь была тайной; теперь же Нарышкина выставляет её напоказ, и все перед ней на коленях. Эта открытая связь мучит императрицу“».

Однажды на придворном балу государыня спросила Марию Антоновну об ее здоровье.

— Не совсем хорошо, — ответила та, — я, кажется, беременна.

Обе знали от кого.

«Поведение вашего супруга возмутительно, особенно маленькие обеды с этой тварью, в собственном кабинете, рядом с вами», — писала дочери своей, русской императрице, великая герцогиня Баденская. Шла речь о разводе.

Но за двадцать лет к этому все привыкли, и уже никто не удивлялся. Марья Антоновна была так хороша, что не хватало духа осудить ее любовника.

«Разиня рот, стоял я в театре перед ее ложей и преглупым образом дивился красоте ее, до того совершенной, что она казалась неестественной, невозможной», — вспоминал через много лет один из поклонников княгини Нарышкиной.

«Скажи ей, что она ангел, — писал Кутузов о Марии Антоновне жене, — и что если я боготворю женщин, то для того только, что она — сего пола; а если б она мужчиной была, тогда бы все женщины были мне равнодушны».

«Всех Аспазия милей
Черными очей огнями,
Грудью пышною своей...
Она чувствует, вздыхает,
Нежная видна душа;
И сама того не знает,
Чем всех боле хороша», —

пел о ней старик Державин.

Никто не удивлялся и тому, что у мужа Марьи Антоновны, Дмитрия Львовича Нарышкина, две должности: явная — обер-гофмейстера и тайная — «снисходительного мужа», или, как шутники говорили, «великого мастера масонской ложи рогиносцев».

Добродетельная императрица Мария Феодоровна писала

«добродетельной супруге» Марии Антоновне: «Супруг ваш доставляет мне удовольствие, говоря о вас с чувствами такой любви, коей, полагаю, немногие жены, подобно вам, похвалиться могут».

Любовник, впрочем, был не менее снисходителен, чем муж. Однажды застал он Марью Антоновну врасплох со своим адъютантом Ожаровским. Но она сумела убедить государя, что ничего не было, и он поверил ей больше, чем глазам своим. Но следовали другие, бесчисленны её поклонники, большею частью из молоденьких флигель-адъютантов.

В июле 1713 года Мария Антоновна разрешилась от бремени сыном, которого назвали Эммануилом В отличие от западноевропейских королей, которые своих детей от фавориток признавали официально, брали к себе на воспитание во дворец, затем присваивали им титулы и обеспечивали дворцами и землями, Александр I, хоть и не имел иного прямого наследника, не отважился на такой поступок. (Возможно, он не был полностью уверен, что это именно его сын.) Однако через месяц после рождения сына, 30 августа 1713 года, он отослал Дмитрию Львовичу Нарышкину собственноручно написанный рескрипт, в котором говорилось: «Принимая искреннее участие в благосостоянии семейства вашего, я, согласно с желанием вашим, полагаю сделать следующее распоряжение: 1) все движимое и недвижимое имение, которое будет оставаться по кончине вашей, разделить между братом Эммануилом и сестрами его, Мариною и Софиею, на законном основании; 2) таким образом, имение, доставшееся Эммануилу и Софии, оценить с тем, что сумма, какая за оное причтется, заплачена будет дочери вашей Марине из моего Кабинета По предстоящей вам надобности в деньгах вы получите при сем 300 тысяч рублей. Сумма сия в свое время должна быть вычтена из той, которая выше сего назначается в пользу старшей сестры Марины. Ежели при жизни моей не мог бы я привести к совершению сего постановления, я возлагаю на наследников моих исполнить во всей силе и со всей точностью сию столь близкую к сердцу моему обязанность» (Д. С. Мережковский).

Текст этого рескрипта не производит впечатления душевной широты благодетеля, он пронизан желанием окутать благотворительный акт тайной, доступной только немногим Из него ясно, что Эммануил и София — это его дети, а Марина — дочь Дмитрия Львовича Нарышкина Александр I не только не поддержал своего сына Эммануила вниманием и заботой, но уже в следующем, 1814 году прекратил с Марией Антоновной всякие отношения.

Напомним, что это был период, когда на долю Александра I выпали Отечественная война 1812 года, а затем Заграничный поход 1813–1814 годов и международный конгресс победителей Наполеона в 1814 году. В эти два года он почти всё время был при армии и редко бывал в Петербурге.

В свете говорили, что Мария Антоновна Нарышкина «сама порвала ту связь, которую не умела ценить». Мы не знаем, справедливо ли было такое суждение. Можно только предположить, что женщина, муж которой получил такой рескрипт, должна испытать не только стыд, но и настолько глубокое разочарование в своём возлюбленном, что уже о любви не могло быть и речи.

С прямыми наследниками у Александра I было неблагополучно: две дочери, рождённые императрицей Елизаветой Алексеевной, умерли во младенчестве. Первая дочь Александра Павловича от Марии Антоновны умерла тоже. Вторая, Софья, которую император считал бесспорно своей, осталась в живых, но с детства была предрасположена к туберкулёзу, или, как тогда говорили, «была слаба грудью». Александр очень любил Софочку, постоянно навещал её, особенно больную. Но Софья, больная чахоткой, несмотря на все старания её вылечить, умерла совсем еще юной, накануне своей свадьбы.

В 1825 году Александр I, порвавший со своей фавориткой и примирившийся с женой, императрицей Елизаветой Алексеевной, умер в Таганроге при загадочных обстоятельствах и был похоронен (он или его двойник?) в Петропавловской крепости. Его самая яркая и долголетняя фаворитка-любовница Мария Антоновна Нарышкина из рода князей Святополк-Четвертинских скончалась в 75-летнем возрасте значительно позже императора — 6 сентября 1854 года.

Фаворитка Николая I — Варвара Аркадьевна Нелидова

Император Николай I Павлович, в отличие от своего брата императора Александра I, был человеком более степенным: к своей семье, особенно к своей супруге, императрице Александре Феодоровне, он относился с большим вниманием и нежностью. Императрица Александра Феодоровна, до принятия православия Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина, принцесса Прусская, не отличалась крепким здоровьем. Она родила Николаю Павловичу семь детей: четверых сыновей и трёх дочерей. Состояние её здоровья заставило врачей в 1833 году рекомендовать ей воздержаться от деторождения, а следовательно, прекратить выполнение супружеских обязанностей. Император Николай I Павлович, в то время 37-летний мужчина, в полном расцвете сил и здоровья, как все Романовы, начиная с Петра I, весьма темпераментный и любвеобильный, оказался при живой жене «соломенным вдовцом». Александра Феодоровна чувствовала свою вину, не препятствовала его любовным связям, но очень страдала, о чём мы узнаём из мемуаров её фрейлины — Тютчевой, дочери знаменитого поэта.

Как человек основательный, Николай Павлович любил заводить проверенные и длительные связи, хоть иногда это и не спасало его от небольших скандалов.

Многолетней фавориткой императора Николая I была **Варвара Аркадьевна Нелидова** (1814–1897), и связь эта была проверенной, она была «своим человеком»: Варвара Нелидова была родной племянницей Екатерины Ивановны Нелидовой, фаворитки его отца Павла I.

С детства Варенька Нелидова была под патронатом своей тётки, служившей начальницей Воспитательного общества благородных девиц. Екатерина Ивановна способствовала её приёму в Смольный институт и успешному его окончанию с шифром, что дало возможность Вареньке занять место фрейлины в свите к тому времени уже вдовствующей императрицы Марии Феодоровны, с которой Екатерина Ивановна была в большой дружбе. В царствование Николая I, после смерти императрицы Марии Феодоровны, случившейся в 1839 году, Варвара Аркадьевна получила звание камер-фрейлины Высочайшего двора и была причислена к свите императрицы Александры Феодоровны.

Варвара Аркадьевна, как камер-фрейлина и негласная, но всем известная фаворитка императора, имела большой вес и среди придворных, и в светском обществе, но, в отличие от официальных фавориток европейских стран, не была при императорском дворе ни законодательницей моды, ни выразительницей новых идей и политического значения не имела.

Отец Варвары Нелидовой, Аркадий Иванович (1772–1834), родной брат Екатерины Ивановны, в день воцарения императора Павла, не без просьбы сестры, был пожалован во флигель-адъютанты Его Императорского Величества. А по случаю коронации Павла I в апреле 1797 года был пожалован в чин генерал-майора и назначен генерал-адъютантом императора. Когда фаворитка Павла I Екатерина Ивановна Нелидова в 1798 году покинула двор в связи с появлением при дворе новой фаворитки — Анны Петровны Лопухиной, император Павел отправил Аркадия Ивановича Нелидова в отставку. С приходом на престол Александра I карьера Аркадия Ивановича опять пошла в гору: он был избран шлиссельбургским уездным предводителем дворянства, почётным опекуном Санкт-Петербургского опекунского совета, затем назначен курским губернатором, а в 1825 году — сенатором. Когда к власти пришёл Николай I, Аркадий Иванович Нелидов был избран Санкт-Петербургским предводителем дворянства и исполнял эту должность с 1826 по 1829 год. В последние годы жизни Аркадий Иванович получил чин действительного тайного советника (II класс Табели о рангах) с титулованием «Ваше высокопревосходительство». Карьера Аркадия Ивановича, хоть и целиком зависела от фавориток императоров Павла I и Николая I — сестры Екатерины и дочери Варвары, — одновременно служила возвышению его дочери в глазах общества, что позволяло Варваре Аркадьевне занимать высокое место в свете. Можно ли было назвать Варвару Нелидову фавориткой императора с точки зрения западноевропейского фаворитизма? По-видимому, нет, потому что она не была в полной мере законодательницей мод при дворе, не имела влияния на ход государственных дел, потому что ей не была делегирована какая-либо отрасль управления государством. Её роль фаворитки сводилась лишь к усладе императора, ходатайству за своих родственников, в частности за отца Аркадия Ивановича, и к выполнению просьб знакомых вельмож, желающих получить от императора те или иные блага.

Николай I имел еще одну длительную связь — с Еленой Андреевной Цвилленевой, внебрачной дочерью графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского. Она тоже была человеком из

своей среды: её двоюродным братом был граф Алексей Григорьевич Бобринский, сын Екатерины II и её фаворита Григория Григорьевича Орлова.

Елена Андреевна много лет была любовницей-фавориткой Николая I. За это время она родила Николаю Павловичу восемь детей. Воспитывать своих детей во дворце, где проживали его законные жена и дети, в России было не принято, хоть это и практиковалось во Франции, при дворах Людовиков XIV и XV. Однако признать детей своими Николаю I всё же удалось: он присвоил им фамилию Николаевы. Есть сведения, что их потомство существует и поныне.

Николай I, как и его братья Александр I и Константин, был большим ценителем женской красоты, а потому, кроме постоянных фавориток, заводил любовные интриги и с другими женщинами, в том числе и с замужними, что порой выливалось в светские скандалы.

Княжна Екатерина Михайловна Долгорукова — тайная любовница, а затем морганатическая супруга Александра II

Личная жизнь Александра II Николаевича была во многом схожа с личной жизнью его отца, императора Николая I.

В 1841 году 28-летним молодым человеком Александр Николаевич женился на принцессе Гессенской и Рейнской (тоже на немецкой принцессе, как и отец) Максимилиане-Вильгельмине-Августе-Софии-Марии, после принятия ею православия нареченной Марией Александровной (1824–1880). Несмотря на то что была она женщиной хрупкой и болезненной, она родила Александру Николаевичу целый букет наследников — 6 мальчиков и 2 девочек — 8 детей, из которых их первенец — дочь Александра — умерла в семилетнем возрасте, а наследник Николай — в возрасте 22 лет в 1865 году. 8 родов в течение 19 лет окончательно подорвали здоровье Марии Александровны: в тяжелом климате Петербурга у неё развилась астма и участились острые сердечные приступы, а потому после последних родов в 1860 году врачи так же, как императрице Александре Феодоровне, матери Александра II, рекомендовали Марии Александровне воздержаться от дальнейшего деторождения, а следовательно, прекратить выполнение супружеских обязанностей. Александру II в то время было всего 48 лет, он был в хорошей форме и любвеобилен по своей натуре. Как и его отец, он волею обстоятельств оказался «соломенным вдовцом».

Естественно, у него, эстета и ценителя женской красоты, были любовницы, отличавшиеся особенной красотой, в основном из числа придворных дам и девиц. При дворе называли его фавориткой то княжну Александру Долгорукую, то Лабунскую, то Замятину, то Макарову, то Ванду Кароцци, то Макову. Все они были отменно красивы, но струн сердца императора не задевали, и он менял своих любовниц одну за другой. От этих связей были и дети. Считается, что одним из внебрачных детей Александра II был адмирал Евгений Иванович Алексеев — видный военноморской деятель начала XX века, наместник на Дальнем Востоке, один из инициаторов войны 1905 года с Японией, окончившейся для России поражением.

На основе мемуаров княгини Марии Клавдиевны Тенишевой, где она довольно туманно, но намекает на своё происхождение от Александра II, можно считать внебрачной дочерью императора и её, необычайно энергичную и талантливую собирательницу,

благотворительницу, художницу, искусствоведа и этнографа, создавшую музей «Русская старина» в Смоленске, художественную школу для крестьянских детей во Флёнове, представлявшую в Париже во время Русских сезонов русское народное искусство.

Несмотря на калейдоскоп увлечений, да еще и осложнённый внебрачными детьми, Александр II не испытывал чувства удовлетворённости: он искал настоящей любви.

Государь император любил в свободное время гулять в Летнем саду, и однажды (это было весной 1865 года) публика заметила среди прогуливающихся рядом с ним необыкновенно красивую и грациозную девушку с большими лучистыми глазами, сопровождаемую элегантною дамой. Обе они были модно и с отменным вкусом одеты. Оказалось, что Александр Николаевич давно знаком и с этой девушкой, и с её бонной — фрейлиной Варварой Шебеко. Это была княжна Екатерина Михайловна Долгорукова, которая вместе со своей сестрой училась в Смольном институте и которую император знал еще маленькой девочкой. Летом 1857 года он проводил большие манёвры под Полтавой и останавливался в имении её отца — князя Михаила Михайловича Долгорукого. Там он и увидел впервые девятилетнюю Катеньку, которая поразила его грациозностью, скромностью, непосредственностью и особенной какой-то ласковостью. Император подружился с Долгоруковыми, князем Михаилом и его женой княгиней Верой, а через несколько лет узнал, что, будучи людьми непрактичными, они разорились. Их усадьба несколько раз была описана кредиторами. Княгиня Вера Долгорукова продала всё своё золото и бриллианты, но смогла уплатить только проценты, чем на время спасла своё имение Тепловку от публичной продажи с молотка. Проведённая императором Александром II реформа 1861 года губительным образом сказалась на их благосостоянии. А в довершение всех несчастий сгорел их большой и богатый дом, в котором в 1857 году останавливался император Александр II. Несмотря на протесты мужа, княгиня Вера обратилась к государю с письмом, в котором рассказала о всех постигших семью несчастьях. Александр Николаевич счёл необходимым помочь семье, которую он знал давно, и распорядился четверых мальчиков Долгоруковых определить в кадетские корпуса Санкт-Петербурга за казённый счёт, а Катеньку и её сестричку Машеньку — в Смольный институт благородных девиц на тех же условиях. Кроме того, он остановил претензии банка к Долгоруковым, чем спас семью от окончательного разорения.

Сердце князя Михаила Михайловича, перенесшего столько

несчастий, не выдержало, и он покинул сей свет, оставив вдову в одиночестве. Княгиня Вера переехала в Петербург, сняла маленькую квартирку и жила там на скромные средства дорогими для неё посещениями по воскресеньям то своих сыновей в кадетском корпусе, то своих дочерей в Смольном институте, радуясь достижениям в военном деле своих мальчиков и успехам своих девочек, стремившихся стать первыми в своих классах.

Сёстры Катенька и Машенька, обе красивые девочки, не были похожи друг на друга. По воспоминаниям современников, Машенька была шатенка с нежной кожей лица цвета слоновой кости. А Катенька была яркой блондинкой с «лилейным» цветом лица.

Для «смолянок» самыми радостными событиями были посещения родных в родительский день и «царские дни», когда в Смольный приезжали император или императрица, когда устраивался роскошный обед и все девочки получали подарки. Перед встречей с Екатериной Долгоруковой в Летнем саду Александр II приезжал, в Смольный в Вербное воскресенье, где ему были представлены начальницей Леонтьевой все преподаватели, наставницы и воспитанницы старших классов. Среди последних он сразу узнал сестёр Долгоруковых, семье которых он покровительствовал. Особенно ему понравилась Катенька, и он просил фрейлину Варвару Шебеко, её бонну, приводить свою подопечную на прогулки в Летний сад.

Встреча в Летнем саду с восемнадцатилетней Екатериной Долгоруковой нарушила сердечный покой императора. Он влюбился в неё, как юный мальчишка.

Беседы с Екатериной Долгоруковой во время прогулок, её свежесть молодости, лучистые глаза, румянец во всю щеку, а главное — полное равнодушие к его высокому статусу, а только робость и стеснённость общения с ним — всё покорило императора, и он стал встречаться с ней сначала в Летнем саду, затем, видя, что на них обращают внимание, — на Елагинском, Крестовском или Каменном островах, всё более и более очаровываясь ею. Их отношения были романтическими и платоническими, хотя влюблённый Александр Николаевич мечтал о настоящей близости. И он стал завоёвывать чистую душу Катеньки Долгоруковой, пока еще остававшейся в стенах Смольного института. С этой целью он обратился к давнему своему другу — фрейлине Вареньке Шебеко, которая и раньше выполняла его деликатные поручения, а кроме того, была родственницей начальницы Смольного института мадам Леонтьевой. С Варенькой Шебеко он стал посылать сестрам Долгоруковым фрукты и сладости, приезжать в Смольный с

визитом Однажды, когда Катенька простудилась, её положили в больницу института, в маленькую отдельную палату, Шебеко провела Александра инкогнито к больной. Конечно, Леонтьева догадывалась о происходящем, но не препятствовала развитию событий. В тот день Катенька поняла, что она очень нравится царю.

А фрейлина Шебеко по поручению Александра II поехала к княгине Вере Долгоруковой (урождённой Вишневецкой), предложила ей переселиться в приличные, уже оплаченные апартаменты, ссудила княгиню деньгами и сказала, что эта помощь исходит от императора Александра II. Она просила всё сохранить в тайне, чтобы не было пересудов в свете. Варенька Шебеко дала понять княгине, что это «счастье Вишневецких», прапрадед которых, полковник Вишневецкий, привёз ко двору императрицы Анны Иоанновны голосистого пастушка Алёшу Розума, ставшего впоследствии графом Алексеем Григорьевичем Разумовским, фаворитом, а затем и мужем императрицы Елизаветы Петровны. Из всего ей сказанного княгиня Вера поняла только одно, что государю очень нравится её дочь Екатерина.

Александру II в то время было уже за 50, но он не утратил ещё ни своей мужской формы, ни красоты. Теофиль Готье, французский поэт, оставил нам описание его внешности: «Волосы государя были коротко стрижены и хорошо обрамляли высокий и красивый лоб. Черты лица изумительно правильны и кажутся высеченными скульптором. Голубые глаза особенно выделяются благодаря коричневому тону лица, обветренного во время долгих путешествий. Очертания рта так тонки и определены, что напоминают греческую скульптуру. Выражение лица величественно-спокойное и мягкое, время от времени украшается милостивой улыбкой». Живописные портреты Александра II подтверждают это описание Готье.

Княжна Долгорукова, хоть и была моложе Александра более чем на четверть века, не могла не увлечься этим красивым мужчиной, так нежно к ней относящимся, разделяющим с ней и романтическое влечение любви, и жизненные заботы. Однако между влюблёнными стояла большая и почти непреодолимая проблема, и прежде всего — разность социального положения.

Княжна **Екатерина Михайловна Долгорукова** (1847–1922) была из древнейшего княжеского рода Долгоруких (Долгоруковых), известного своей близостью к великокняжеским и царским родам и своими предками: например, Юрием Долгоруким — основателем Москвы; Екатериной Алексеевной Долгоруковой, невестой императора Петра II, её братом, фаворитом Петра II Иваном Долгоруковым, четвертованным за

подделку завещания императора, его женой Натальей Борисовной Долгоруковой, дочерью Бориса Петровича Шереметева, известного полководца петровских времен; княжной Марией Владимировной Долгоруковой, первой женой царя Михаила Феодоровича Романова; генерал-фельдмаршалом князем Василием Михайловичем Долгоруким-Крымским, известным своими победами, и многими другими представителями, славными своими делами, особенно на пользу Отечества.

Но княжна Екатерина Михайловна Долгорукова не была принцессой королевской крови, а потому при дальнейшем развитии романа император мог рассчитывать только на морганатический брак с нею. Страстно влюблённый Александр II после их первой любовной близости обещал своей возлюбленной жениться на ней сразу, как только он освободится от первого брака (то есть после смерти императрицы Марии Александровны), но пока он брал на себя грех соблазнения невинной девушки, а на неё возлагал грех сожительства, не освящённого церковью, да еще с женатым мужчиной.

Это было в 1866 году, оказавшимся тяжёлым и для Екатерины Долгоруковой, и для Александра II. Весной этого года умерла мать Екатерины Долгоруковой, и, чувствуя своё одиночество, Екатерина еще больше стала ценить свои платонические свидания с Александром Николаевичем, внимательно, нежно и бережно относившимся к ней. Фактически он стал единственной её опорой, самым близким ей человеком, потому что и её братья, и сестра Маша жили своей жизнью и при этом далеко от неё. Постоянно рядом с ней была «тётя Вава» — фрейлина Варвара Шебеко, приставленная к ней Александром II и выполнявшая все его указания, о чём Екатерине, разумеется, известно не было. А тётя Вава, заботясь о Катеньке и выполняя указания императора, постоянно говорила ей о том, что настоящая любовь освещена Богом, завещавшим людям: «Да любите друг друга», а потому не является грешной при любых обстоятельствах, если люди любят друг друга от всего сердца, искренне и бескорыстно.

4 апреля этого года произошло из ряда вон выходящее событие. Александр II, закончив свой обычный променад по Летнему саду в четвёртом часу пополудни, вышел за ворота, где стояла его коляска, и только хотел сесть в неё, как неожиданно к нему подбежал молодой мужчина и направил пистолет прямо ему в грудь. Вдруг стоявший неподалёку человек быстрым движением ударил стрелявшего по руке. Пуля просвистела мимо государя. Жандармы и некоторые из публики бросились на стрелявшего, повалили его. Террорист кричал: «Ребята! Я за вас стрелял!» Император, уже севший в экипаж, приказал подвести к нему

террориста и спросил его:

— Ты поляк?

— Русский, — ответил тот.

— Почему же ты стрелял в меня?

— Ты обманул народ: обещал землю, да не дал.

Государь отдал приказание отвезти и стрелявшего, и помешавшего стрельбе в Третье отделение. Стрелявший назвал себя крестьянином Алексеем Петровым, а второй задержанный — петербургским картузником Осипом Ивановичем Комиссаровым, происходившим из крестьян села Молвитино Костромской губернии, находящегося в 12 верстах от села Домнина, родины Ивана Сусанина, что дало повод называть этого государева спасителя вторым Иваном Сусаниным.

Александр II после покушения сразу же отправился в Казанский собор и возблагодарил Господа за чудо своего спасения. На вечерних службах в церквях прошли благодарственные молебны.

Вечером в Зимнем дворце собрались члены Государственного совета, сенаторы, министры, генералитет. Туда же был приглашен и Осип Комиссаров. Представители государственной службы поздравляли императора с чудесным спасением, даже кричали «Ура!». А государь горячо поблагодарил за своё спасение Осипа Ивановича Комиссарова, а затем возвёл его под именем Иосифа Ивановича Комиссарова-Костромского в дворянское достоинство.

Еще более торжественно деяние Комиссарова отметило московское дворянство. В Английском клубе на 1-й Тверской-Ямской в его честь был устроен великолепный банкет, на котором Осип Иванович был избран почётным членом клуба. Затем от имени московского дворянства ему была преподнесена золотая шпага. Было решено, что вновь принятый во дворянство Комиссаров должен стать, как истинный дворянин, владельцем поместья. Была объявлена подписка на сбор средств для покупки для него имения. Деньги были собраны быстро, и так же быстро был куплен дом с усадьбой именно в Костромской губернии.

Но, бывший изготовитель и торговец картузами, ставший богатым помещиком, уважаемым дворянином Иосифом Ивановичем Комиссаровым-Костромским, не смог перенести этой метаморфозы: он запил горькую и повесился.

Расследование покушения на императора показало, что террорист, назвавшийся крестьянином Петровым, на самом деле саратовский дворянин Дмитрий Васильевич Каракозов, двоюродный брат которого Н. А. Ишутин возглавлял студенческую революционную организацию «Московский кружок», членом которого был Каракозов. Каракозов был

повешен, а Ишутину смертная казнь была заменена пожизненной каторгой, ссылкой на Кару. Он умер там в 1877 году с признаками явного помешательства.

Все обстоятельства тяжёлого 1866 года: чудесное избавление императора от смерти, смерть Катенькиной матери, следственные разбирательства 197 задержанных революционеров, суд над 36 «ишутинцами», казнь Каракозова, ссылка Ишутина, переезд Варвары Шебеко к Катеньке, невозможный без участия императора, беседы с Екатериной фрейлины Варвары, «тёти Вавы», о необыкновенной любви государя, о его терпении и благородстве — подготовили княжну Екатерину к переходу её отношений с императором от невинных — к близким, интимным. Это произошло в ночь с 1 на 2 июля 1866 года в Петергофе, в павильоне «Бабигон», расположенном в трёх верстах от Главного дворца, неподалёку от дороги, ведущей в Царское Село.

Павильон «Бабигон» был уединённым и поистине райским местом. Там было тихо, спокойно, слышно только птичье щебетанье; а растущие вокруг него деревья, цветущие кустарники и клумбы с благоухающими цветами как будто хотели «скрыть тайну происходящих перемен». А внутри павильона, в его бельэтаже, предоставлялись все удобства: несколько великолепно, с большим вкусом меблированных комнат, мраморные ванны и туалеты, снабжённые горячей и холодной водой и всеми необходимыми принадлежностями.

Варвара Шебеко привезла Катеньку в «Бабигон» к вечеру, чтобы остаться здесь ночевать. Она уложила её в постель в одной из комнат, а сама удалилась в соседнюю комнату. Александр пришёл в «Бабигон» поздним вечером. В целях конспирации он шёл пешком из Петергофа один, без обычного сопровождения.

Впоследствии Екатерина Михайловна, светлейшая княгиня Юрьевская, вспоминала, что во время этой встречи она так сильно волновалась, что её просто трясло, и она была близка к обмороку. Но как ни странно, Александр Николаевич, мужчина с огромным опытом общения с женщинами, волновался не меньше, чем она.

При расставании, вспоминала она, император дал ей клятвенное обещание: «Я не свободен сейчас, но при первой же возможности я женюсь на тебе, ибо отныне и навеки я перед Богом считаю тебя своей женой».

С этого дня и Екатерина считала себя женой Александра Николаевича, Императора Всероссийского. Их встречи в «Бабигоне» стали почти ежедневными, а когда наступила осень, пошли дожди и Императорский двор переехал в Петербург, они стали встречаться в Зимнем дворце, в бывших кабинетных комнатах императора Николая I на первом этаже, соединённых

потайной лестницей с покоем Александра II и имевших отдельный вход со стороны площади. Довольно длительное время об этом их укромном гнёздышке никто не догадывался. Но разве можно было обмануть двор? Вскоре все придворные были в курсе нового романа императора. Но отнеслись к этому событию спокойно, потому что считали, что этот роман, как и все предыдущие, скоро окончится. «Даже самые приближенные к императору лица, — писала фрейлина Высочайшего двора Александра Толстая, — не предполагали серьезного оборота дела. Напротив, все было весьма далеко от подозрения, что он способен на настоящую любовную интригу, роман, зревший в тайне. Видели лишь происходившее на глазах — прогулки с частыми, как бы случайными встречами, переглядывания в театральные ложа и т. д. и т. п. Говорили, что княжна преследует императора, но никто пока не знал, что они видятся не только на публике, но и в других местах — между прочим, и у её брата князя Михаила, женатого на итальянке». О таких встречах на публике вспоминал и великий князь Александр Михайлович в «Книге воспоминаний»: «Где я видел княгиню Юрьевскую? — спрашивал я себя, прислушиваясь к разговору родителей. И в моем воспоминании воскресла картина придворного бала в один из прошлых наших приездов в С.-Петербург.

Громадные залы Зимнего дворца были украшены орхидеями и другими тропическими растениями, привезенными из императорских оранжерей. Бесконечные ряды пальм стояли на главной лестнице и вдоль стен галерей. Восемьсот служащих и рабочих две недели трудились над украшением дворца. Придворные повара и кондитеры старались перещеголять один другого в изготовлении яств и напитков. «...» Высочайший выход открыл бал. Государь шел в первой паре об руку с цесаревной Марией Фёдоровной (супругой наследника Александра Александровича), за ним следовали великие князья и великие княгини в порядке старшинства. Так как великих князей, чтобы составить пары, было недостаточно, младшие великие князья, как я, должны были идти в паре с придворными дамами. Моя дама была стара и помнила детство моего отца. Наша процессия не была, собственно говоря, танцем в совершенном значении этого слова. Это было торжественное шествие с несколькими камергерами впереди, которые возвещали наше прохождение через все залы Зимнего дворца. «...» Танцующие, сидящие и проходящие через одну из зал часто поднимали глаза на хоры, показывали на молодую, красивую даму и о чем-то перешептывались. Я заметил, что Государь часто смотрел на нее, ласково улыбаясь. Это и была княгиня Юрьевская».

Императрица Мария Александровна умерла 22 мая 1880 года. Все эти годы — с июля 1866-го до мая 1880 года, то есть 14 лет, — Екатерина Михайловна Долгорукова была тайной любовницей-фавориткой императора, родила ему мальчика и двух девочек и, по желанию её возлюбленного, тайно следовала за ним повсюду.

В мае 1867 года Александр II, по приглашению Наполеона III, с большой свитой и двумя своими сыновьями, Александром и Владимиром, отправился на Всемирную выставку в Париж. Протокол пребывания российского императора и великих князей в Париже предусматривал целый ряд пышных торжеств: обед и бал в Тюильри, спектакль в Опере, посещение Всемирной выставки. Но это не очень-то интересовало Александра II. Он ухитрялся выбираться из сетей протокольных мероприятий, его личной охраны, французских и русских агентов, чтобы повидаться с Катенькой, которая ждала его в Париже, в доме на улице Рампар, где она поселилась вместе со второй женой её брата Михаила Михайловича — княгиней Луизой Долгоруковой, урожденной итальянской графиней Вулкане. После посещения Китти Долгоруковой на улице Рампар Александру II удалось поселить её в Елисейском дворце, чтобы не пугать шефа жандармов Шувалова своими ночными исчезновениями. Казалось, всё шло хорошо: политические проблемы переплетались с романтическими. Но 22 мая 1867 года, после смотра войск на Лоншанском поле, устроенном в честь русского императора, Александр II, Наполеон III и оба великих князя торжественно ехали в открытой коляске, сопровождаемые свитами обоих императоров. Вдруг раздался выстрел Пуля попала в лошадь французского шталмейстера, который ехал рядом с коляской императоров. Охрана успела задержать стрелявшего. Это был польский эмигрант, сын бедного дворянина Волынской губернии Антон Иосифович Березовский, который объявил, что он стрелял в русского царя в отмщение за вековое угнетение Польши и за то жестокое обращение с поляками, которое проявляли русские войска во время подавления Польского восстания 1863 года. Французский суд присяжных приговорил Березовского, совершившего покушение на жизнь императора, гостя Франции (!), не к лишению жизни, а лишь к пожизненной каторге.

Александр II перенёс факт второго на него покушения внешне спокойно и невозмутимо. Но Екатерину охватили два разнородных чувства — восторженная гордость за возлюбленного и страх за его и свою жизнь.

В Париже Катенька Долгорукова осознала себя фавориткой императора. Она ходила по тем же улицам и по тому же саду

Елисейского дворца, что и мадам Помпадур. Только такого влияния и такого следа в истории страны, какие оставила мадам Помпадур, Катенька Долгорукова оставить не могла, потому что она не обладала такими знаниями, такой энергией в созидании на благо её родины и таким признанием её в обществе, какими прославилась самая яркая и знаменитая фаворитка Людовика XV. И хотя российский император клялся княжне Долгоруковой, что она перед Богом его жена и что с тех пор, как он полюбил её, он не приблизил к себе ни одной женщины, княжна Долгорукова оставалась фавориткой-любовницей, личным делом Всероссийского императора.

После второго покушения связь Александра II с княжной Долгоруковой стала еще более прочной. Тревожась друг за друга, они теперь всегда были вместе.

Когда они вернулись в Петербург, встречаться в «Бабигоне» и в Зимнем дворце было уже невозможно: места их встреч стали известны многим людям. На некоторое время брат Катеньки — князь Михаил Михайлович Долгоруков и его супруга Луиза предоставляли им свою квартиру, но это убежище для влюблённых вскоре было закрыто: Долгоруковы боялись испортить свою репутацию в свете. Как ни умолял их царь даже в письмах не лишать их с Катей возможности быть вместе, Долгоруковы не соглашались, потому что знали, что и это убежище влюблённых уже открыто двором и светом. Мнение двора, что княжна Долгорукова преследует императора, не казалось безосновательным. Действительно, где бы ни появлялся император, княжна находилась там же: в театре, на прогулке, на придворном балу. Разумеется, она не осталась незамеченной в Париже, поселившись в Елисейском дворце. Это положение было неловким как для императора, так и для княжны. И император нашёл выход.

Когда в 1870 году Александр II с императрицей Марией Александровной отправились в очередной раз на лечение в Эмс, по его желанию Екатерина Михайловна и на этот раз поехала туда. Но теперь уже официально, как фрейлина императрицы Марии Александровны. Александр II уговорил жену принять в свиту фрейлину Долгорукову, хотя каждому понятно, насколько было тяжело Марии Александровне видеть эту фаворитку своего супруга в своей свите на больших и малых выходах, в паломнических поездках, на торжественных приёмах и придворных балах. Но нужно было «сохранять лицо августейшей четы», а потому терпеть. И императрица терпела.

Получив категорический отказ в предоставлении убежища со стороны князя Михаила Михайловича Долгорукова и его супруги,

Александр был в растерянности, не зная, что предпринять. Как ни странно, помог влюблённым родной внук казнённого декабриста поэта К. Ф. Рылеева — начальник личной охраны государя генерал А. М. Рылеев, предоставивший им свою квартиру.

В сентябре 1871 года княжна сообщила императору о своей беременности.

Вечером 29 апреля 1872 года Екатерина Михайловна почувствовала, что близятся роды. По договорённости с императором она быстро вышла из дома, наняла карету и поехала в Зимний дворец, в старый кабинет Николая I.

В 10 часов утра 30 апреля 1872 года у неё родился мальчик, которого через несколько дней крестили и назвали Георгием. А в конце 1873 года там же родилась дочь Ольга. Стало ясно, что у императора Всероссийского, помимо официальной семьи, появилась и вторая, как бы побочная. Этот скандал переживали не только больная и оскорблённая императрица, но недовольные поведением отца великие князья и великие княжны, боявшиеся, что побочные дети смогут когда-нибудь претендовать на блага, полагающиеся августейшей семье, а возможно, и на престол. При дворе шли толки, придворные защищали честь императрицы, выражали своё негативное отношение к княжне Екатерине Долгоруковой.

Шеф жандармов граф Шувалов, слывший фаворитом императора, посчитал своим долгом доложить императору о создавшейся атмосфере при дворе по поводу его связи с княжной Долгоруковой. Александр II очень холодно выслушал Шувалова и дал ему понять, что никому не позволит вмешиваться в его личную жизнь. А затем принял меры: в 1874 году он неожиданно, не спросив у графа Андрея Шувалова ни совета, ни согласия, назначил его послом в Лондон, а своим побочным детям, как потомкам Юрия Долгорукого, пожаловал титул светлейших князей Юрьевских. 11 июля 1874 года в Царском Селе Александр II написал указ: «Малолетним Георгию Александровичу и Ольге Александровне Юрьевским даруем Мы права, присущие дворянству, и возводим в княжеское достоинство с титулом Светлейших». (В скобках заметим, что Екатерина Михайловна родила четверых детей: Георгия (1872–1913), Ольгу (1873–1925), Бориса (род. и ум. 1876) и Екатерину (1878–1959), но, как мы видим, Борис и Екатерина родились после 1874 года, когда был издан Указ, а потому в указ не попали.) Этот Указ был опубликован не сразу. Александр II после написания не передал его в Сенат, а вручил генералу Рылееву, в квартире которого он довольно долгое время жил с Екатериной Михайловной, и приказал хранить его до того времени, когда понадобится его

опубликование.

Императрица Мария Александровна последние 14 лет её жизни (с 1866 по 1880 год) была лишь номинальной супругой Александра Николаевича Романова, но зато — центральной фигурой Императорской Фамилии. Она была главой благотворительных «Учреждений императрицы Марии Феодоровны», супруги Павла I, матери Александра I и Николая I, бабушки Александра II. Это значит, что под её неусыпным вниманием находились все институты благородных девиц, воспитательные дома, пансионы, училища — все женские учебные заведения, вдовьи дома, больницы под патронатом сестёр милосердия, работные дома, детские сады и ясли. Она была продолжательницей дела императрицы Марии Феодоровны, главной благотворительницей Российской империи и потому снискала глубокое к себе уважение не только двора и света, но и простого народа.

Все эти годы рядом с императором неотступно находилась его фаворитка — княжна Екатерина Михайловна Долгорукова, что чрезвычайно огорчало большую императрицу и возбуждало предосудительное отношение прежде всего к княжне, а затем и к Александру II как со стороны членов августейшей фамилии, так и со стороны всего общества.

6 июля 1880 года, как только кончился Петровский пост, через сорок пять дней после кончины императрицы, на пятый день после её сороковин, не дожидаясь положенного годового траурного срока, Александр II решился выполнить обещание, данное им княжне Долгоруковой, — и обвенчался с нею. Венчание не было церковным и было обставлено очень скромно: оно проходило в одной из маленьких комнат Большого Царскосельского дворца, где был поставлен походный алтарь — обыкновенный стол, на котором стояли крест, евангелие, свечи, венцы и обручальные кольца.

Присутствовали на венчании только четверо самых близких людей: граф Александр Адлеберг, генерал-адъютант Его Величества А. М. Рылеев, мадемуазель Варвара Шебеко и генерал-адъютант граф Э. Т. Баранов. Считая этот акт своим личным делом, не императора, а штатского человека, который «исправляет совершённую ошибку и восстанавливает репутацию юной девушки», Александр II был на венчании в штатском платье. (Заметим, что свою любовь, свою страсть, соблазнение невинной девушки он назвал «совершённой ошибкой».) После венчания Александр пригласил свою молодую жену со старшими детьми Георгием и Ольгой, а также Варвару Игнатьевну Шебеко на прогулку по Царскосельскому саду.

После прогулки в тот же день император составил акт о бракосочетании, который заверили своими подписями свидетели: Адлеберг, Рылеев, Баранов, Шебеко и он сам, а затем написал указ Сенату от 6 (19) июля 1880 года такого содержания: «Вторично вступив в законный брак с княжной Екатериной Михайловной Долгоруковой, Мы приказываем присвоить ей имя княгини Юрьевской с титулом „Светлейшей“. Одновременно Мы приказываем присвоить то же имя с тем же титулом нашим детям: сыну Нашему Георгию, дочерям Ольге и Екатерине, а также тем, которые могут родиться впоследствии, Мы жалуем их всеми правами, принадлежащими законным детям согласно статье 14 Основных законов Империи и статье 147 Учреждения Императорской Фамилии».

Однако статьи Основных законов Российской империи, на которые ссылался Александр II (в последнем издании Свода законов соответственно 36 и 188), не давали ему полномочий на жалование их «всеми правами, принадлежащими законным детям», потому что гласили: «Дети, происшедшие от брачного союза лица Императорской Фамилии с лицом, не имеющим соответствующего достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому Царствующему или Владетельному дому, на наследование Престола прав не имеют». И далее: «Лицо Императорской Фамилии, вступающее в брачный союз с лицом, не имеющим соответствующего достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому Царствующему или Владетельному дому, не может сообщить тому прав, принадлежащих членам Императорской Фамилии».

Таким образом, Екатерина Михайловна Долгорукова и её дети, хоть и были объявлены в указе Александра II как бы полноправными членами Императорской Фамилии, однако на самом деле по законам Российской империи таковыми не являлись. Они оставались детьми от морганатического брака, а сама Екатерина Михайловна — морганатической супругой Императора Всероссийского, не имевшей права на титул императрицы.

11 сентября 1880 года Александр II перевёл в Государственный банк 3 302 970 рублей на имя Екатерины Михайловны Долгоруковой с доверенностью и завещанием: «Ей одной я даю право распоряжаться этим капиталом при моей жизни и после моей смерти», тем самым обеспечив безбедное существование своей новой семье.

После венчания Александр Николаевич с женой и детьми уехал на всё лето и осень в Крым, в Ливадию. Это, по сути, бегство от своей официальной семьи и своего окружения имело

целью дать всем возможность свыкнуться с мыслью о произошедшем, а ему самому отдохнуть от всех дел и пожить жизнью частного человека в кругу побочной семьи.

Члены императорской семьи, особенно Наследник великий князь Александр Александрович, были шокированы скоропалительным браком Александра II в дни неоконченного траура. Этот акт неуважения к покойной императрице и всей августейшей фамилии приписывали влиянию княжны Долгоруковой (светлейшей княгини Юрьевской). Великий князь Александр Михайлович в своих воспоминаниях писал: «Губительное влияние княгини Юрьевской явилось темой всех разговоров зимою 1880/81 гг. Члены Императорского дома и представители петербургского общества открыто обвиняли ее в намерении передать диктаторские полномочия ее любимцу графу Лорис-Меликову и установить в Империи конституционный образ правления.

Как всегда бывает в подобных случаях, женщины были особенно безжалостны к матери Гоги. Руководимые уязвленным самолюбием и ослепленные завистью, они спешили из одного салона в другой, распространяя самые невероятные слухи и поощряя клевету. Факт, что княгиня Юрьевская (Долгорукая) принадлежала по рождению к одному из стариннейших русских родов Рюриковичей, делал ее положение еще более трудным, ибо неугомонные сплетники распространяли фантастические слухи об исторической вражде между Романовыми и Долгорукими. Они передавали легенду, как какой-то старец, 200 лет тому назад, предсказал преждевременную смерть тому из Романовых, который женится на Долгорукой. В подтверждение этой легенды они ссылались на трагическую кончину Петра II. Разве он не погиб в день, назначенный для его бракосочетания с роковой княжной Долгорукой? И разве не было странным то, что лучшие доктора не могли спасти жизнь единственному внуку Петра Великого?»

Разумеется, не все члены Императорского Дома разделяли это мнение, но Наследник великий князь Александр Александрович не мог простить отцу оскорбления, нанесённого памяти его матери, императрицы Марии Александровны, потому что тот, не дождавшись окончания хотя бы годового траура, как будто кем-то подгоняемый, срочно женился на княжне Екатерине Долгоруковой.

На самом деле никто не знал и никогда не узнает, чем действительно в этом деле руководствовался император. А он после четырёх на него покушений, в том числе и во дворце, самом, казалось бы, безопасном месте, не мог не видеть

неминуемого приближения его конца, и боялся, что он не успеет освободить свою возлюбленную от позора прелюбодеяния, а детей от позорного наименования «выблядков», а потому и спешил дать Екатерине статус хотя и морганатической жены, но супруги императора Всероссийского, светлейшей княгини Юрьевской. Однако августейшая семья, двор и светское общество, а за ними и всё дворянское сословие понимали обстановку по-иному и осуждали царя за его поспешную женитьбу.

Предполагая, какие мысли могут одолевать наследника, и считая необходимым наладить отношения со своим старшим сыном, Александр II вызвал его вместе с женой в Крым. Но, приехав, великие князь и княгиня обнаружили, что княгиня Юрьевская, не испытывая никакого уважения к покойной императрице, заняла в Ливадийском дворце все её апартаменты. Для них это было непереносимой обидой и свидетельством демонстрации ею своего величия, основанной на отсутствии душевного благородства. А потому о примирении не могло быть и речи. Великий князь и его супруга, оставаясь в Ливадии, избегали встреч с княгиней Юрьевской вообще, а за обеденным столом в особенности, и Александру Николаевичу приходилось регулировать график обеденного стола: когда обедали сын с невесткой, Екатерина Михайловна отсутствовала, а когда обедала она, наследник с женой отправлялись на какую-нибудь прогулку.

Когда в конце ноября император с новой семьёй возвратился в Петербург, княгиня Юрьевская поселилась в покоях Зимнего дворца, специально для неё отделанных с особой пышностью и роскошью, что тоже вызвало порицание её за нескромность и безвкусицу. Но Александр II продолжал свою политику сближения двух его семейств и в Петербурге снова предпринял попытку их примирения. Великий князь Александр Михайлович, родной племянник Александра II, в своей «Книге воспоминаний» так описывает эту попытку императора: «Сам старый церемониймейстер был заметно смущен, когда, в следующее после нашего приезда воскресенье, вечером, члены Императорской семьи собрались в Зимнем дворце у обеденного стола, чтобы встретиться с княгиней Юрьевской. Голос церемониймейстера, когда он три раза постучал, об пол жезлом с ручкой из слоновой кости, звучал неуверенно:

— Его Величество и светлейшая княгиня Юрьевская!

Мать моя смотрела в сторону, цесаревна Мария Фёдоровна потупилась...

Император быстро вошел, ведя под руку молодую, красивую женщину. Он весело кивнул моему отцу и окинул испытующим взглядом могучую фигуру наследника. Вполне рассчитывая на

полную лояльность своего брата (нашего отца), он не имел никаких иллюзий относительно взгляда наследника на этот его второй брак. Княгиня Юрьевская любезно отвечала на вежливые поклоны великих княгинь и князей и села рядом с Императором в кресло покойной Императрицы. Полный любопытства, я не спускал с княгини Юрьевской глаз. Мне понравилось выражение ее грустного лица и лучистое сияние, идущее от светлых волос. Было ясно, что она волновалась. Она часто обращалась к Императору, и он успокаивающе поглаживал ее руку. Ей, конечно, удалось бы покорить сердца всех мужчин, но за ними следили женщины, и всякая ее попытка принять участие в общем разговоре встречалась вежливым, холодным молчанием. Я жалел ее и не мог понять, почему к ней относились с презрением за то, что она полюбила красивого, веселого, доброго человека, который, к ее несчастью, был Императором Всероссийским?»

Долгая совместная жизнь несколько не уменьшила их взаимного обожания. В шестьдесят четыре года Император Александр II держал себя с нею как восемнадцатилетний мальчик. Он нашептывал слова одобрения в ее маленькое ушко. Он интересовался, нравятся ли ей вина. Он соглашался со всем, что она говорила. Он смотрел на всех нас с дружеской улыбкой, как бы приглашая радоваться его счастью, шутил со мною и моими братьями, страшно довольный тем, что княгиня, очевидно, нам понравилась.

К концу обеда гувернантка ввела в столовую их троих детей.

— А вот и мой Гога! — воскликнул гордо Император, поднимая в воздух веселого мальчугана и сажая его на плечо. — Скажи-ка нам, Гога, как тебя зовут?

— Меня зовут князь Георгий Александрович Юрьевский, — ответил Гога и начал возиться с бакенбардами Императора, тербя их ручонками.

— Очень приятно познакомиться, князь Юрьевский! — шутил Государь. — А не хочется ли, молодой человек, вам сделаться великим князем?

— Саша, ради Бога, оставь! — нервно сказала княгиня.

Этой шуткой Александр II как бы пробовал почву среди своих родственников по вопросу об узаконении своих морганатических детей. Княгиня Юрьевская пришла в величайшее смущение и в первый раз забыла об этикете двора и назвала Государя — своего супруга — во всеуслышание уменьшительным именем.

К счастью, маленький Гога был слишком занят исполнением роли парикмахера Его Величества, чтобы задумываться над преимуществами императорского титула, да и Царь не настаивал на ответе. Одно было ясно: Император решил игнорировать

неудовольствие членов Императорской фамилии и хотел из этого первого семейного обеда устроить веселое воскресенье для своих детей. «...» На обратном пути из Зимнего дворца мы были свидетелями новой ссоры между родителями:

— Что бы ты ни говорил, — заявила моя мать, — я никогда не признаю эту авантюристку. Я ее ненавижу! Она — достойна презрения. Как смеет она в присутствии всей Императорской семьи называть Сашей твоего брата.

Отец вздохнул и в отчаянии покачал головой.

— Ты не хочешь понять до сих пор, моя дорогая, — ответил он кротко, — хороша ли она или плоха, но она замужем за Государем С каких пор запрещено женам называть уменьшительным именем своего законного мужа в присутствии других? Разве ты называешь меня «Ваше Императорское Высочество»?

— Как можно делать такие глупые сравнения! — сказала моя мать со слезами на глазах. — Я не разбила ничьей семьи. Я вышла за тебя замуж с согласия твоих и моих родителей. Я не замышляю гибель Империи.

Тогда настала очередь отца рассердиться.

— Я запрещаю, — он делал при этом ударение на каждом слове, — повторять эти позорные сплетни! Будущей Императрице Всероссийской вы и все члены Императорской семьи, включая наследника и его супругу, должны будете оказывать ей полное уважение! Это вопрос конченный».

Увы! Светлейшей княгине Юрьевской не суждено было стать Императрицей Всероссийской, хотя Александр II, по преданию, был готов нарушить закон и её короновать. И в какой-то степени виноватой в этом была она сама.

Общественное мнение связывало начало романа Государя с княжной Долгоруковой с началом активного выступления нигилистов-революционеров против царя, видимо, предполагая некую тайную связь княжны с нигилистами.

В 1880 году на пост министра внутренних дел был назначен граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1825–1888), который за успешное командование корпусом на Кавказском фронте в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов получил графский титул и назначение начальником Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия, получившей небывало широкие полномочия. Граф М. Т. Лорис-Меликов пользовался полным доверием императора, и ему была поручена разработка проекта коренной реформы русского государственного устройства, в основу которого он считал необходимым положить принципы

английской конституции. Ему же была поручена охрана особы императора и борьба с нигилистами, что ему довольно успешно удавалось, когда он был харьковским генерал-губернатором. Но в условиях обширной территории Петербурга эта борьба против нигилистов-революционеров требовала значительно больших резервов, как финансовых, так и людских, и работа Лорис-Меликова явным образом давала сбой. Было объявлено чрезвычайное положение, один за другим ловили и казнили террористов, но фактически это не давало желаемых результатов. Было совершено покушение и на самого Лорис-Меликова Некий Молодецкий, террорист-народоволец, стрелял в него, но храбрый генерал, несмотря на свои 55 лет, сумел свалить его на тротуар, обезоружить и сдать подоспевшим полицейским Молодецкий по законам чрезвычайного положения был осуждён в 24 часа и повешен. Но народовольцы не умирялись. Они буквально открыли охоту на императора.

В высшем свете враги Лорис-Меликова распространяли слухи, что он стал послушным орудием в руках княгини Юрьевской. А она молила его прийти к соглашению с террористами «Народной воли», думая, что «худой мир лучше доброй ссоры», что они поймут: император всё делал и делает на пользу народу — и перестанут охотиться за её мужем.

Великий князь Александр Михайлович написал впоследствии: «После долгих колебаний он решил внять мольбам влюбленной женщины и протянуть руку примирения революционерам, что и ускорило катастрофу. Революционеры удвоили свои требования и стали грозить открытым восстанием Люди, преданные престолу, возмущались и уклонялись от деятельности. А народ — эти сто двадцать пять миллионов крестьян, раскинутых по всему лицу земли русской, — говорили, что помещики наняли армянского генерала, чтобы убить царя за то, что он дал мужикам волю.

Удивительное заключение, но оно представлялось вполне логичным, если принять во внимание, что, кроме С-Петербурга, Москвы и нескольких крупных провинциальных центров, в которых выходили газеты, вся остальная страна питалась слухами».

Несмотря на явную охоту на него со стороны террористов-боевиков «Народной воли», Александр II не соглашался в целях безопасности ни на выезд из Петербурга в Гатчину, ни на прекращение своих выездов на парады и в Сенат, ни на прекращение прогулок в Летнем саду. После четвёртого покушения в столовой Зимнего дворца, под которой в караульном помещении была взорвана бомба и погибло много солдат из караула, несмотря на все уговоры, Александр II поехал хоронить

погибших солдат. Он не изменил своих ежедневных маршрутов, и террористы Андрей Желябов и Софья Перовская имели возможность расставить по этим маршрутам своих боевиков-бомбистов и основательно подготовиться к покушению на царя. Главной датой покушения было назначено 1 марта 1881 года.

И хотя после ареста Григория Гольденберга, выдавшего значительное число террористов «Народной воли», пойманные полицией бомбисты были казнены, хотя был пойман и Андрей Желябов, это не меняло дела: террористы стояли на всех трассах выездов императора, готовые в любой удобный момент бросить ему под ноги бомбу.

Поручив Лорис-Меликову не только борьбу с революционерами, но и новые реформы, Александр II хотел сделать второй шаг после освобождения крестьян в 1861 году — преобразовать Россию из абсолютной и самодержавной в конституционную монархию. А кроме того, короновать Екатерину Михайловну, сделав её императрицей и тем самым искупив свой грех перед Богом и исполнив своё обещание и её желание. А затем, передав власть старшему сыну своему Александру Александровичу (Александру III), вместе со своей новой семьёй уехать из России в Ниццу или в По и жить там как частное лицо.

В субботу 28 февраля 1881 года был подписан по представлению Лорис-Меликова манифест о введении в состав Государственного Совета делегатов от представительных организаций, что означало движение к конституции. Манифест должен был быть опубликован 2 марта этого года. Министр внутренних дел предупредил императора о готовящемся на него покушении, но Александр перевёл разговор на другую тему.

Утром 1 марта Александр II выехал в манеж на парад, а после — к своей любимой кузине Екатерине Михайловне в Михайловский дворец. Оттуда он направился в Зимний дворец. Его карета, проехав по Инженерной улице, свернула на пустынную набережную Екатерининского канала. Навстречу шел мальчик, за ним какой-то офицер, а дальше стоял молодой человек со свёртком в руке. Когда карета поравнялась с ним, он бросил под неё свёрток, раздался взрыв, карету тряхнуло, занесло в сторону. Были убиты мальчик и двое казаков из конвоя. Убиты были и лошади. Какие-то люди, схватив бомбиста, держали его, закрутив ему руки за спину. Император подошёл к нему и спросил:

— Кто таков?

— Мещанин Глазов, — ответил тот. (Это была неправда: его фамилия была Рысаков.)

Кучер Фрол Сергеев кричал, чтобы император скорее ехал во

дворец. Но Александр II не мог оставить раненых, как он не мог оставить раненых на поле боя во время Русско-турецкой войны. В это время раздался второй взрыв. У Александра была оторвана ступня, искорёжены ноги. Он пытался подняться, но не мог. Он шептал: «Помогите... Жив ли наследник? Снесите меня во дворец-. Там умереть...»

Предоставим далее рассказ очевидцу дальнейших событий, великому князю Александру Михайловичу: «В воскресенье 1 марта 1881 года мой отец поехал, по своему обыкновению, на парад в половине второго. Мы же, мальчишки, решили отправиться с Никки и его матерью кататься на коньках. Мы должны были зайти за ними в Зимний дворец после трех часов дня.

Ровно в три часа раздался звук сильнейшего взрыва.

— Это бомба! — сказал мой брат Георгий.

В тот же момент еще более сильный взрыв потряс стекла окон в нашей комнате. Мы кинулись на улицу, но были остановлены нашим воспитателем. Через минуту в комнату вбежал запыхавшийся лакей.

— Государь убит! — крикнул он. — И великий князь Михаил Николаевич тоже! Их тела доставлены в Зимний дворец.

На его крик мать выбежала из соседней комнаты. Мы все бросились к выходу в карету, стоящую у подъезда, и помчались в Зимний дворец. По дороге нас обогнал батальон л.-гв. Преображенского полка, который, с ружьями наперевес, бежал в том же направлении.

Толпы народа собирались вокруг Зимнего дворца. Женщины истерически кричали. Мы вошли через один из боковых входов. Вопросы были излишни: большие пятна черной крови указывали нам путь по мраморным ступеням и потом вдоль по коридору в кабинет Государя. Отец стоял там в дверях, отдавая приказания служащим. Он обнял матушку, а она, потрясенная тем, что он был невредим, упала в обморок.

Император Александр II лежал на диване у стола. Он был в бессознательном состоянии. Три доктора были около него, но было очевидно, что Государя нельзя было спасти. Ему оставалось несколько минут жизни. Вид его был ужасен: его правая нога была оторвана, левая разбита, бесчисленные раны покрывали лицо и голову. Один глаз был закрыт, другой — смотрел перед собой без всякого выражения.

Каждую минуту входили один за другим — члены Императорской фамилии. Комната была переполнена. Я схватил руку Никки, который стоял близко от меня, смертельно бледный, в своем синем матросском костюмчике. Его мать, цесаревна, была тут же и держала коньки в дрожащих руках.

Я нашел цесаревича по его широким плечам: он стоял у окна.

Княгиня Юрьевская вбежала полуодетая. Говорили, что какой-то чрезмерно усердный страж пытался задержать ее при входе. Она упала навзничь на тело Царя, покрывая его руки поцелуями и крича: „Саша! Саша!“ Это было невыносимо. Великие княгини разразились рыданиями. <...>

— Спокойнее держись, — прошептал наследник, дотрагиваясь до моего плеча.

Прибывший градоначальник сделал подробный рапорт о происшедшей трагедии. Первая бомба убила двоих прохожих и ранила казачьего офицера, которого злоумышленник принял за моего отца. Император вышел из экипажа невредим Кучер умолял его вернуться боковыми улицами обратно во дворец, но Государь стал оказывать помощь раненым. В это время какой-то незнакомец, который все время стоял на углу, бросил вторую бомбу под ноги Государю. Это произошло менее чем за минуту до появления моего отца; его задержал визит к великой княгине Екатерине Михайловне. Задержка спасла ему жизнь.

— Тише! — возгласил доктор. — Государь кончается!

Мы приблизились к умирающему. Глаз без всякого выражения по-прежнему смотрел в пространство. Лейб-хирург, слушавший пульс Царя, кивнул головой и опустил окровавленную руку.

— Государь Император скончался! — громко промолвил он.

Княгиня Юрьевская вскрикнула и упала, как подкошенная, на пол. Ее розовый с белым рисунком пеньюар был весь пропитан кровью.

Мы все опустились на колени. Влево от меня стоял новый Император. <...>

Из комнаты почившего выносили бесчувственную княгиню Юрьевскую в ее покои, и доктора занялись телом покойного Императора.

Где-то в отдалении горько плакал маленький Гога».

В некоторых исторических изданиях кончина Александра II и реакция на неё Екатерины Михайловны княгини Юрьевской подаётся иначе. Так, мы читаем: «Сбежавшиеся врачи смогли лишь остановить кровотечение. Им, как могла, помогала Екатерина Михайловна, не потерявшая самообладания и простоявшая возле раненого до конца. Неожиданно для всех и, наверное, для самой себя, она оказалась наиболее собранной и стойкой, а все остальные неутешно и безудержно рыдали у тела усопшего. Рыдания сотрясали могучего тридцатилетнего наследника престола и всех его братьев» (В. Н. Балязин).

Неизвестно, откуда взяты эти сведения о стоическом

поведении Екатерины Михайловны и безудержном рыдании Александра III. Более правдивым представляется описание этого горестного события великим князем Александром Михайловичем, присутствовавшим вместе с другими членами Императорской Фамилии в момент кончины Александра II и видевшим, в каком состоянии были Александр III и княгиня Юрьевская в этот трагический момент.

Александр II был погребён в Петербурге, в Петропавловском соборе.

Светлейшая княгиня Юрьевская оставалась, несмотря на указ Александра II, лишь морганатической супругой императора, а потому по законам Российской империи ни она, ни её дети — Георгий, Ольга и Екатерина Александровичи — не могли претендовать на права членов Императорского Дома Княгине Юрьевской с детьми, не получившим признания со стороны императора Александра III, двора и света, жить в России было неуютно. И семья светлейших князей Юрьевских в основном жила за границей, во Франции, в прекрасном дворце, расположенном между Биаррицем и Ниццей.

Екатерина Михайловна умерла 15 февраля 1922 года в Ницце в возрасте 75 лет. Её столь нашумевшая любовная история с императором Всероссийским явилась сюжетом для кинофильмов с участием знаменитых актрис Даниэль Дарьё и Роми Шнайдер, сыгравших роль княжны Катеньки Долгоруковой, светлейшей княгини Юрьевской.

Сын Александра II от морганатического брака с княжной Долгоруковой — светлейший князь Георгий Александрович Юрьевский (1872–1913), Гога, — служил в гвардии. Он женился на графине Александре Константиновне Зарнекау, дочери принца Константина Петровича Ольденбургского от морганатического брака. Он умер молодым, на 41-м году жизни, на 9 лет раньше Екатерины Михайловны, своей матери. В 1900 году у него родился сын Александр Георгиевич (ум 1988), от которого в 1961 году родился внук, правнук Александра II, — Ганс-Георг.

Старшая дочь Александра II и Екатерины Долгоруковой — светлейшая княжна Ольга Александровна (1873–1925) — вышла замуж в 1895 году за графа Георга-Николая Меренберга, сына принца Николая Вильгельма Нассау от морганатического брака с Натальей Александровной Пушкиной, дочерью великого русского поэта А. С. Пушкина. Таким образом, через морганатические браки Романовы породнились с Пушкиными.

Младшая их дочь — светлейшая княжна Екатерина Александровна (1878–1959) — в первом браке была замужем за ротмистром князем Александром Владимировичем Барятинским

(1870–1910), а спустя шесть лет после его смерти вышла замуж за князя Сергея Платоновича Оболенского-Нелединского-Мелецкого (1890–1978), который, будучи моложе её на 12 лет, пережил её на 18 лет.

Так закончилась история последней фаворитки-любовницы у российского императорского престола.

Императоры Александр III и его сын Николай II были верными супругами и никаких фавориток-любовниц при своих особах не имели.

Послесловие

Итак, дорогие читатели, у российского престола фаворитки Государынь коренным образом отличались от фавориток Государей. В первом случае это были в основном подруги, наперсницы, помощницы в любовных похождениях и даже родные сёстры фаворитов. Такими были Аграфена Фёдоровна Челядина у великой княгини Елены Глинской; Модеста Балк (Монс) у Екатерины I; Юлия Менгден у Анны Леопольдовны; Мавра Егоровна Шувалова (Шепелева) у Елизаветы Петровны; Анна Никитична Нарышкина, Анна Степановна Протасова и Марья Саввишна Перекусихина у Екатерины II.

Правда, у Екатерины II были и такие фаворитки, которые выполняли политические и государственные поручения и ни в какой степени не участвовали в интимных делах государыни. Например, Екатерина Романовна Дашкова (Воронцова) и Александра Васильевна Браницкая (Энгельгардт).

У царевны Софьи не было фавориток-подруг и наперсниц. Но взамен у неё было большое количество тёток и сестёр, Михайловен и Алексиевен, которые вполне покрывали этот недостаток. Правда, некоторых непослушных братьев Пётр I отправил в монастырь, а также старался препятствовать общению царевен между собой, но они всё равно общались и помогали Софье и друг другу чем могли.

Анна Иоанновна имела двух-трёх близких ей статс-фрау, но они не могли быть названы фаворитками: все бразды правления были у Бирона, а он влияния на себя в государственных делах не терпел. Однако у императрицы была тайная её фаворитка, всегда помогавшая ей в самых интимных делах, особенно в вопросах деторождения и признания родившихся у Анны Иоанновны детей своими. Это была по воле Анны Иоанновны официальная супруга Эрнста-Иоганна Бирона — баронесса Бенигна фон Тротта-Трейден, обслуживавшая императрицу во всём, становясь как бы зеркальным отражением Анны Иоанновны: когда у Анны Иоанновны вырастал живот, то и у Бенигны живот, правда, благодаря подушке, тоже становился большим и круглым. А когда у императрицы живот опадал, то и у баронессы опадал живот, но зато (вместо подушки) появлялся мальчик, её сын от Бирона. И так по крайней мере два раза: сначала Пётр, а потом Карл.

Разумеется, все фаворитки, в том числе и подруги-наперсницы Государынь, имели большой вес при дворе, создавали атмосферу преклонения перед государыней и влияли в той или иной степени на придворные и государственные назначения. А

некоторые вмешивались и в личные, и в государственные дела своей покровительницы. Например, фаворитка правительницы Анны Леопольдовны — баронесса Юлия Менгден.

Последней фавориткой у русского престола была Анна Александровна Вырубова. Эта женщина с полного одобрения императора Николая II была самой близкой подругой последней российской императрицы Александры Феодоровны и выполняла не только личные просьбы императрицы, но и была участницей всех её личных, даже интимных дел, став, можно сказать, членом императорской семьи. Участвовала она и в делах большой государственной важности: в подборе новых кандидатур на высокие посты, в отстранении одних министров и назначении других, в привлечении в этот процесс Распутина. Вырубова была единственным крепким связующим звеном между императрицей и Распутиным, а в период, когда Александра Феодоровна начала сама править Россией, то между нею и государственными мужами. Анна Александровна сумела окружить императрицу своими людьми, в полном смысле своими: одной из почитательниц Распутина, а следовательно, и близкой к императрице, была её сестра, в замужестве Пистолькорс; второй приближенной к императрице была тоже её сестра — Лили, в замужестве Ден. Анна Вырубова выполняла самые разнообразные поручения императрицы.

Но порой без ведома Аликс, или Саны, как её называла Анна, даже втайне от неё, она действовала самостоятельно. Вырубова почти всю свою жизнь как бы растворила в жизни царской семьи, однако и к себе требовала от «царей» внимания.

В западноевропейских странах картина отличалась тем, что в большинстве случаев королева не могла иметь официальной фаворитки, потому что, полностью завися от воли короля-супруга, она не играла первенствующей роли при дворе и даже в своём влиянии на короля и на двор уступала официальной фаворитке. А потому о подругах королей, далее таких, как Изабелла II Испанская, Елизавета I Английская, самостоятельно царствовавших, история оставила скудные сведения, а то и вообще ничего не оставила. Исключением явились фаворитки французской королевы Марии Антуанетты — принцесса де Ламбаль и Жюли де Полиньяк, о которых говорили на каждом парижском углу и о которых вместе с их покровительницей рассказывалось в памфлетах и показывалось в карикатурах, расклеенных по всему Парижу, такое порно, что и читать, и смотреть было стыдно. Эти две фаворитки составляли полную противоположность друг другу: Ламбаль была носительницей черт характера, не совместимых с законами фаворитизма, но, как

ни парадоксально, не избежала самой грязной клеветы. Жанна де Полиньяк служила ярким примером фаворитизма в самых гнусных его проявлениях.

Она прославилась своим салоном, где устраивались оргии при участии самой королевы и куда не всегда допускался даже король Людовик XVI. Полиньяк сумела стать любовницей родного брата короля, графа д'Артуа, и когда наступили тяжелые для короля и королевы времена — дни французской революции, она, опустошив королевскую казну, вместе со своим любовником спокойно покинула свою благотельницу, отправившись в эмиграцию. Принцесса де Ламбаль сначала тоже отбыла в эмиграцию, но совесть не позволила ей оставить свою королеву в тяжёлую минуту, и она вернулась, поплатившись жизнью за эту верность Марии Антуанетте: разъярённая толпа узнала её на улице и растерзала на кусочки.

Фаворитки французских королей, которые при Генрихе II получили статус официальных фавориток, а это было принято и при других европейских дворах, имели и среди придворных, и в государственных, и в политических делах значение даже выше, чем королева-супруга. Например, Диана де Пуатье при короле Генрихе II, Франсуаза Атенаис де Монтеспан при Людовике XIV, Габриэль д'Эстре при Генрихе IV, Жанна-Антуанетта де Помпадур при Людовике XV, Анна Болейн при Генрихе VIII Английском и другие.

В отличие от Западной Европы у престола в православной России, несмотря на фаворитизм, у российских государей не было принято во всеуслышание объявлять фаворитку официальной, а тем более при дворе и в высшем свете неуважительно относиться к супруге-царице или императрице в угоду фаворитке. При российских дворах о фаворитках знали, им льстили, к ним обращались с просьбами, но в то же время о них как бы никто даже и не ведал. Они служили при дворе фрейлинами, камер-фрейлинами или даже статс-дамами, а это было всеми уважаемое положение в обществе. Если же фаворитка не была удостоена статуса фрейлины или камер-фрейлины (статс-дамы уже не были юными девами, а были замужними дамами и, можно сказать, в силу их возраста и семейного положения не котиrowались у российских государей), то государь обращался к супруге с просьбой принять её в свою свиту. Так поступил Александр I относительно княгини Марии Антоновны Нарышкиной, так поступил Александр II относительно княжны Екатерины Михайловны Долгоруковой. Конечно, императрицам Елизавете Алексеевне и Марии Александровне это было весьма неприятно, даже горько, но фавор держался в тайне, поэтому просьбы бывали

удовлетворены. Все придворные и высшее общество знали об этом, но никто открыто ничего не говорил, а только шептались. Такова была мораль фаворитизма у российского престола.

Почему фаворитками — подругами российских императриц оказывались именно эти лица? Да потому, что зачастую это были подруги прежних лет, ещё до восхождения на трон, или близкие родственницы их фаворитов-любowników.

Так, Екатерина I избрала своей фавориткой-наперсницей свою камер-фрау Матрёну (Модесту) Монс (Балк), потому что она была родной сестрой её любовника-фаворита Виллима Монса. У Елизаветы Петровны фавориткой была Мавра Егоровна Шепелева, в замужестве графиня Шувалова, которая через пастора Глюка была как бы в родстве с Мартой Скавронской (Екатериной I), матерью Елизаветы Петровны, и служила сначала её сестре Анне Петровне, а после её смерти была взята Елизаветой Петровной на службу при её малом дворе. Став императрицей, Елизавета Петровна пожаловала свою Маврушку статс-дамой при Высочайшем дворе и подарила ей титул графини, выдав замуж за графа Петра Ивановича Шувалова. Фаворитка Екатерины II Перекусихина, благодаря предстательству Орловых, обслуживая Екатерину II как камер-юнгфера, стала самым её доверенным лицом. Анна Нарышкина была помощницей в любовных встречах великой княгини Екатерины Алексеевны с Понятовским, а затем явилась и другом великой княгини по несчастью, когда у Екатерины Алексеевны, как и у Нарышкиной, долгое время не было детей от мужа цесаревича Петра Фёдоровича (От Понятовского у неё уже была дочь, но это было тайной для всех.)

Что касается фавориток российских царей и императоров, то только царь Пётр I находил фавориток на стороне, притом совершенно незнатных. Анна Монс была дочерью немецкого торговца Правда, чтобы как-то возвысить её статус, о ней стали писать и говорить, что она дочь «золотых дел мастера». В общем, постарались её «позолотить». О Марте Скавронской (Екатерине Алексеевне), «метресिशке царя», сначала говорили, что она была служанкой у пастора Глюка, потом, когда она родила дочек, и они, в отличие от других её детей, остались живы, а Пётр I на ней женился, стали говорить, что она была воспитанницей пастора Глюка. (Хороша «воспитанница», которая уже была замужем за полковым трубачом, немцем Иоганном Крузе!) Но когда нужно было выдавать её дочерей замуж, то стало ясно, что такое их происхождение не годится для благородного замужества, а потому вдруг неожиданно узнали, что её отцом был не крестьянин Самуил Скавронский, а его господин, помещик фон Альвендаль.

В дальнейшем фаворитками у Российского престола становились в основном титулованные особы, принадлежавшие к высшему свету. А если титула не было, то он появлялся в придуманных ситуациях. Так поступали и в западноевропейских странах, особенно это практиковалось во Франции. Например, мадам Помпадур, буржуазного происхождения, а затем в замужестве всего лишь незнатная дворянка, вообще не имела никакого титула, но, будучи фавориткой Людовика XV, стала маркизой де Помпадур. Так же и госпожа Скаррон, ставшая впоследствии фавориткой, а потом и супругой престарелого «короля-солнца» Людовика XIV, получила дворянский статус и имя Ментенон, потому что ей были подарены земли с таким названием. Подобная метаморфоза произошла и с мадам Дюбарри, фавориткой Людовика XV, с которой, по слухам, сладострастный старик познакомился в публичном доме и на которой в конце своей жизни женился.

Для того чтобы оказаться фавориткой у престола, нужно было как минимум иметь придворное звание, бывать на королевских или императорских балах и уметь соблазнить государя. Если же это недоступно, то подружиться с фавориткой государя и через неё приблизиться к государю, а уж там приложить все усилия, чтобы его соблазнить. Так, например, поступила маркиза де Монтеспан. Через простодушную фаворитку Людовика XIV Луизу Лавальер она возбудила к себе интерес короля, а затем и завлекла его в свои любовные сети, да так, что он её начал бояться. Но и Франсуазу Монтеспан сумела обыграть госпожа Ментенон, бывшая воспитательница её детей от короля, которая приблизилась к королю... всего лишь на почве рассуждений о методах воспитания, но затем так умело и вкрадчиво внушила стареющему властителю свою необходимость как «тихая пристань» вместо скандальной и напористой маркизы Монтеспан, что Людовик XV не только сдался, но и женился на ней.

В отличие от западноевропейских королей российские императоры были более совестливыми. Так, и Николай I, и Александр II объясняли свою любвеобильность и наличие у них фавориток тем, что их жёны-императрицы, бывшие немецкие принцессы, женщины хрупкого здоровья, после произведения ими на свет от 10 до 11 цесаревичей и цесаревен уже, по советам врачей, в связи с состоянием их здоровья не могли исполнять своих супружеских обязанностей, а потому их мужья-императоры, ещё не достигшие даже пятидесятилетнего возраста, были отпущены ими на волю. Престиж российской императрицы, супруги императора, поддерживался государством в глазах народа, что, естественно, должно было соблюдаться как закон и

при дворе, и в высшем свете. Императрицы Мария Феодоровна (Павел I), Елизавета Алексеевна (Александр I), Александра Феодоровна (Николай I), Мария Александровна (Александр II), Мария Феодоровна (Александр III) и Александра Феодоровна в начале её царствования (Николай II) почитались всем народом как неприкосновенные августейшие особы. А при дворе и в высшем свете ставили их, безусловно, выше фавориток Государей. Что касается фаворитки Александра II, Екатерины Михайловны Долгоруковой, то по отношению к ней и придворные, особенно дамы, и представители высшего общества, особенно члены августейшей семьи Романовых, не только всем своим видом показывали, но даже и вслух высказывали своё резко негативное отношение. Не потому ли и был убит Александр II, что так публично, так явно нарушил принятое августейшим семейством правило не противопоставлять свою фаворитку жене? Как знать?

В странах Западной Европы возлюбленные короля объявлялись при дворе официальными фаворитками, и им (но не королеве) делегировалось право заниматься политикой и другими государственными делами, быть законодательницами моды. Российские монархи старались, как мы знаем, держать свои любовные пристрастия в тайне, особенно от жены, императрицы, щадя её чувство достоинства, а потому никакого делегирования прав на участие в государственных делах фавориткам не предоставлялось.

Ни у Павла I, ни у Александра I, ни у Николая I, ни у Александра II никогда ни одну фаворитку, даже столь любимую, как Катенька Долгорукова, и в мыслях не было допускать до государственных дел. Фаворитки могли наедине с императором рассуждать о государственных делах, влиять на мнение государя и на политику двора, рекомендуя на важную должность кого-нибудь из своих сородичей или друзей, но непосредственно предоставлять фаворитке право вершить дела, как это было принято у европейских королевских особ, никто из российских государей не осмеливался, да и не хотел делиться властью с той, которая предназначалась прежде всего для любовных утех. Он знал, что Императорский двор в широком смысле этого понятия такое действие не поймёт и своего императора осудит.

Российские законы, утверждённые Павлом I, да и мораль XIX века не допускали управление государством женщиной. К середине XIX столетия даже появилась пословица: «У женщины волос долог, а ум короток».

Только императрице делегировались важные направления общественной жизни: благотворительность, просвещение, культура, надзор за учебными заведениями, больницами,

вдовьями и воспитательными домами, с чем российские императрицы, начиная с Марии Феодоровны, супруги Павла I, превосходно справлялись. Женщины высшего круга, в том числе и фаворитки, воспринимались как общественницы, помощницы императрицы, благотворительницы, не более того. Российские дамы титулованных семейств бережно сохраняли представление об их высоком достоинстве, благородстве, милосердии, культуре. И никогда российские матери, тем более особы высшего света, не пристраивали за взятки, за деньги (!) своих дочерей ко двору (как это делалось, например, во Франции) с надеждой, что дочь станет любовницей государя, а затем его фавориткой, что сулило большие дивиденды для всей знатной семьи. В России, в аристократических кругах, это считалось низостью. Хотя надо признать, что часто дочерей своих выдавали замуж насильно за того, кто был по сердцу не дочери, а её родителям, то есть был богат и знатен, при этом, правда, в годах далеко не молодых.

В отличие от европейских стран в России фавориток у престола не казнили, иногда ссылали, а то и просто наказывали домашним арестом. Так, Пётр I свою фаворитку Анну Монс за измену несколько лет держал под домашним арестом и не разрешал ей выходить замуж. Но не казнил и не сослал в монастырь. Правда, был случай, когда Пётр I фаворитку своей супруги Матрёну Монс сослал в далёкий северный монастырь, но не за пособничество в любовных делах своего брата Виллима Монса, а за воровство. Бывали случаи, когда бывшие фаворитки, как бы в знак протеста, сами удалялись от двора. Например, Екатерина Нелидова, фаворитка Павла I, оскорблённая за свою подругу Буксгевден, покинула двор и уехала к своей подруге в её замок Лодэ. Примечательно, что за это своё своеволие она не пострадала никак.

А в Англии, например, фаворитки Генриха VIII просто лишались головы (Анна Болейн, Мэри Керри Болейн, Бетси Блаунт, Кэтрин Говард). Правда, в жестокий XVI век и в России был свой «Синяя Борода» — Иоанн Грозный, который лишил жизни и сослал в монастырь много женщин, не угодивших ему.

Когда фаворитизм у престола и в Европе, и в России стал вызывать негодование у народа (а при королевских и императорских дворах он всегда вызывал зависть и ненависть), российские покровительницы фавориток стали придумывать разные способы сокрытия фаворитизма у престола. Так, Анна Иоанновна, держа при себе фиктивную супругу Бирона, баронессу Бенигну фон Тротта-Трейден, всячески демонстрировала перед своим окружением, что баронесса не её прислужница, а жена государственного деятеля Бирона, обременённого семьёй.

Замужняя Анна Леопольдовна, используя близкую дружбу со своей фавориткой, своего любовника-фаворита Линара объявила женихом Юлии Менгден и пыталась, по примеру своей тётки Анны Иоанновны, их фиктивно поженить. Правда, этот план не осуществился, потому что Елизавета Петровна совершила дворцовый переворот, в ходе которого всё семейство Анны Леопольдовны вместе с её сыном императором Иоанном VI Антоновичем было свергнуто и отправлено в ссылку.

Российские императрицы и императоры предусмотрительно старались объяснить фаворитизм у престола необходимыми нуждами государственного значения.

Эта предусмотрительность была отнюдь не лишней. Именно поэтому, на наш взгляд, вплоть до 1916 года русский народ терпел фаворитизм у престола, в то время как во Франции к этому времени уже была обезглавлена Мария Антуанетта, обвинённая в порочной жизни; изгнана из Испании Изабелла II, объявленная самой развратной женщиной; выпровождена в свою родную Англию королева Дании Каролина Матильда.

Но и в России, в конце концов, был убит император Александр II, поправший законы приличия, женившись на своей фаворитке прежде окончания положенного траура по кончине императрицы; расстреляна семья императора Николая II, супруга которого, императрица Александра Феодоровна, в представлении всего народа была любовницей её фаворита, мужа Распутина, и имела фаворитку при дворе — крайне развратную Анну Вырубову.

Так мир прощался с феодализмом и со свойственным ему фаворитизмом у престолов Западной Европы и Российской империи.

Надо сказать, что уже в конце XVIII и в XIX столетиях времена фаворитизма у трона стали уходить в прошлое: голодающий народ уже знал о порочности и низменной морали в высших сферах власти, о непомерных тратах на фавориток и фаворитов, вызывавших ухудшение материального положения народа. А потому начали одна за другой вспыхивать в Европе революции и революционные выступления, протесты против монархов, живущих не по законам морали и заботы о государстве и народе, а по законам фаворитизма, то есть угождения фаворитам и фавориткам, ограбления страны в их пользу. Революции и революционные протесты охватили Францию, Испанию, Данию, Шотландию, Англию, а в начале XX века разрешились и в России — сначала произошла революция 1905–1907 годов, а затем Февральская революция 1917 года и, наконец, разрушившая не только фаворитизм у престола, но и сам престол вместе с

Российской империей революция 1917 года.

Библиография

- Альманах «Дворянское собрание». Вып. № 1-12(1994–2000).
Альманах современных государственных деятелей. СПб., 1897.
- Балязин В. И.* Тайны дома Романовых. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.
- Бантыш-Каменский Д. Н.* Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. 4. М., 1836.
- Брикнер А. Г.* История Екатерины Второй. АСТ-Астрель, 2005.
- Буле Сирил.* Любовные тайны королей. АРТ-Родник, 2003.
- Валишевский К.* Царство женщин. Москва, СП «ИКПА», 1989.
- Валишевский К.* Первые Романовы. М.: Квадрат, 1993.
- Валишевский К.* Сын великой Екатерины. М.: Квадрат, 1993.
- Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991.
- Все монархи мира. Россия. М.: Вече, 2001.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.
- Дашкова Е. Р.* Записки княгини: Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2003.
- Дворянские роды Российской империи. Т. I–II: Князья. СПб: ИПК «Вести», 1993–1995.
- Долгоруков П. В.,* князь. Время императора Петра и императрицы Анны Иоанновны. М., 1909.
- Занятые истории / Редактор-составитель И. В. Судникова. М.: Сибирская благовонница, 2011.
- Записки графа М. Д. Бутурлина: Т. I–II. М., 2006.
- Записки императрицы Екатерины II. Репринтное воспроизведение издания А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Лондон, 1859 год; М.: «КНИГА» — СП «ВНЕШИБЕРИКА», 1990.
- Знаменитые россияне XVIII–XIX веков. СПб.: Лениздат, 1996.
- Исторические рассказы и анекдоты. Из жизни русских государей и замечательных людей XVIII–XIX столетий. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1885.
- История России с древнейших времен до 1861 года / Под ред И. Н. Павленко. М.: Высшая школа, 1998.
- Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Эксмо, 2004.
- Котошихин Г. К.* Россия в царствование Алексея Михайловича. М., 1906.
- Кубеев М. Н.* Сто великих музеев мира. М. Вече, 2010.
- Лубченков Ю. Н.* 100 великих аристократов. М.: Вече, 2003.

Непомнящий Н. Н. Самые знаменитые тайны России. М.: Вече, 2004.

Николай I, его сын Александр II, его внук Александр III. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.

От губернатора до мэра Главы московской власти 1708–1995. Портретная галерея. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 1996.

Платонов О. А. Николай Второй в секретной переписке. М.: Алгоритм, 2005.

Пчелов Е. В., Чумаков В. Т. Правители России от Юрия Долгорукого до наших дней. 4-е изд., испр. и доп. М.: Грант, 2000.

Радзинский Э. «Господи... спаси и умири Россию». Николай II: жизнь и смерть. М.: Вагриус, 1993.

Радзинский Э. Распутин: жизнь и смерть. М.: Вагриус, 1998.

Русские принцессы / Е. В. Прокофьева (руководитель авт. коллектива), М. В. Скуратовская, Н. В. Соротокина, С. А. Чеботарь. М.: Вече, 2009.

Русский биографический словарь. Т. 1–25. СПб., 1896–1913.

Русский двор в конце XVIII и начале XIX столетия: из записок князя А. Чарторыйского. 1795–1805 / Предисл. Квоенского; Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2007.

Рыжов К. В. 100 великих монархов. М.: Вече, 2008.

Савелов А. М. Родословные записки. Опыт родословного словаря. М., 1906–1909. Вып. 1–3.

Своеручные записки княгини Н. Б. Долгорукой. СПб., 1992.

Советская историческая энциклопедия. Т. 1–16. М., 1961–1976.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Соч.: в 18 кн. М., 1988–1995.

Строгова А. Государственная мудрость легкомыслия. Как маркиза де Помпадур управляла Французским королевством // Родина, № 3. 2007.

Сурмина И. О., Усова Ю. В. Самые знаменитые династии России. М.: Вече, 2002.

Ткаченко П. Драма Грозного царя. Литературно-критическая повесть. М.: Культурно-просветительская инициатива «Поход», 2011.

Тысячелетие Российской империи. Энциклопедический справочник. СПб.: Вест, 2004.

Федорченко В. И. Дворянские роды, прославившие отечество: Энциклопедия дворянских родов. Красноярск: Бонус; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004.

Цвейг С. Мария-Антуанетта: Портрет ординарного характера / Пер. с нем и примеч. Л. М. Миримова; авт. предисл.

П. П. Черкасов. М.: Мысль, 1989.

Шокарев С. Ю. Тайны российской аристократии. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.

Энциклопедический словарь. Кн. 1-82. СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон., 1890–1904.